
Россия, Русь! Храни себя, храни!

**11-12
2009**

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Основан в 1922 году

ПРОЗА

Владимир ПРОНСКИЙ. Два рассказа	18
Леонид СЕРГЕЕВ. Рассказы	28
Юрий ПАХОМОВ. Голландский пейзаж с ветряной мельницей. Рассказ	66
Владимир ДАГУРОВ. Не в бревнах, а в ребрах... Повесть	78
Алла ЛИНЕВА. Розы от свекрови. Рассказ	112

ПОЭЗИЯ

Олег ДЕМЧЕНКО. Любить и верить. Стихи	112
Олег ШЕСТИНСКИЙ. Эти снежно-метельные дни. Стихи	125
Николай БАКУШИН. Первозимье. Стихи	128
Мария АГАФОНОВА. Первые яблоки. Стихи	130
Эмма МЕНЬШИКОВА. Птицей белой взлетая. Стихи ..	132

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Михаил ЛЕМЕШЕВ. К разработке стратегии бескризисного развития России	3
Людмила ФИОНОВА. Глобальный экологический кризис	135
Ярослав МОШКОВ. Нефтяной вопрос России	152

Юлий КВИЦИНСКИЙ. Если не успеем, нас сомнут	159
Георгий ЗНАМЕНСКИЙ. Возлюби гастарбайтера...	167
Евгений БОРОДИН. Пять «чудес еврейской истории»	245
Александр ПОТАПОВ. Начало	257
Юрий БОРОДКИН. Болезнь подражания Западу	267

ДОСЬЕ «МГ»

Андрей АНТОНОВ. «Правозащитнички»...	172
Марат КАЛАНДАРОВ. Виза в пучину. Окончание	182

ПИСАТЕЛЬСКОЕ БРАТСТВО

Александр ЩЕРБАКОВ. Поют сани по Руси. Деревенские рассказы	205
Эльдар АХАДОВ. Стремительный свет. Стихи	222
Александр АСТРАХАНЦЕВ. Сон о жизни. Рассказ	224

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Считаю себя русским офицером	236
------------------------------------	-----

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Валерий ЧАРУШНИКОВ. Русь и Орда	275
---------------------------------------	-----

ИРОНИЧЕСКИМ ПЕРОМ

Глеб САХАРОВ. Ярмарка	282
Содержание журнала за 2009 год	285

Михаил ЛЕМЕШЕВ,
доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН,
лауреат Золотой медали М.В. Ломоносова,
лауреат Золотой звезды В.И. Вернадского

К РАЗРАБОТКЕ СТРАТЕГИИ БЕСКРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Наиболее дальновидные специалисты России и зарубежных стран активно заговорили о неизбежности возникновения финансового и экономического кризиса еще в середине 2007 года. При этом речь шла в основном о кризисе банковской системы США и перерастании его в **системный** мировой кризис. Эти прогнозы базировались на несостоятельности монетарной теории управления экономическим развитием. Высшие руководители финансовых служб США в погоне за максимальной прибылью и в стремлении к глобальному лидерству в мире, с неукоснительной верой во всемогущество доллара, развернули безудержное мультиплицирование (эмиссию) денег и недопустимо высокое привлечение заемных средств, что привело к возникновению виртуальной платежно-банковской системы и ее отрыву от реальных товарно-денежных потоков. В результате чего и произошло массированное перетекание свободного капитала из производственной сферы в спекулятивную, увеличив до небывалых размеров рост паразитического потребления внутри страны за счет ограбления других государств, использующих доллар как средство платежа.

Поскольку международная торговля и финансово-банковские межгосудар-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ственные операции осуществляются с использованием доллара, не обеспеченного материально-вещественной ценностью, то кризис, спровоцированный Федеральной резервной системой США, распространился практически на весь мир. Что же касается Российской Федерации, то здесь он принял особо разрушительный характер.

Корни российского кризиса

Анализ последствий развернувшегося мирового кризиса показывает, что финансовые, социальные и экономические потери, которые несет РФ, намного превосходят аналогичные потери США, стран Западной Европы, не говоря уже о Китае, где они столь незначительны, что не могут существенно повлиять на динамическое развитие этой страны. Правительство В.В. Путина и его экономический блок, прежде всего Министерство финансов, Центральный банк и Минэкономразвития лицемерно предпринимают попытки объяснить колоссальный ущерб, наносимый населению и экономике страны, «объективными проявлениями мирового кризиса». В действительности же бедствие, постигшее Россию, является непосредственным результатом антигосударственных и антинародных «реформ», начатых М.С. Горбачевым, Б.Н. Ельциным и с особым упорством проводимых В.В. Путиным на посту президента РФ в период с 2000 по 2008 год, имеющих ложной целью «вхождение России в западную цивилизацию и мировую экономику».

Трагические шаги этого вхождения зрими и впечатляющи. Главные из них приведем в виде упрощенной матрицы.

«Реформы», обусловившие российский кризис

Реформаторские акции	Их либеральные мотивации
Разрушение системы централизованного межотраслевого, отраслевого, социального и оперативного планирования.	«Раскрепощение инициативы предпринимателей от диктатуры плана».
Уход государства от управления экономикой.	«Рынок сам все поставит на свои места».
Сжатие денежной массы — М-2 и урезание доходов 90% населения.	«Главная задача — подавление инфляции».

<p>Приоритет в развитии высокодоходных сырьевых отраслей хозяйства.</p>	<p>«Превращение России в великую энергетическую державу».</p>
<p>Избавление экономики страны от военно-промышленного комплекса.</p>	<p>«С победой демократии у России нет врагов».</p>
<p>Сокращение армии и флота, перевод службы в них на контрактную (наемническую) основу.</p>	<p>«В вооруженных силах нужны профессионалы, а не срочники».</p>
<p>Ликвидация крупных коллективных сельскохозяйственных предприятий — колхозов и совхозов.</p>	<p>«Покончить с аграрным ГУЛАГом! Только фермер кормит страну!»</p>
<p>Лишение агропромышленного комплекса инвестиций и увеличение диспаритета цен на промышленную и с/х. продукцию.</p>	<p>«Закрыть черную дыру, в которую безрезультатно уходят огромные ресурсы».</p>
<p>Реформирование науки — отказ от ее государственной поддержки и перевод на самокупаемость.</p>	<p>«Русская наука никогда никаких открытий не совершала, все было заимствовано или украдено в западных странах».</p>
<p>Модернизация высшего и среднего профессионального образования, перевод его на коммерческую основу с обучением по так называемой Болонской системе.</p>	<p>«Такая форма обучения обеспечит признание российских дипломов в зарубежных странах».</p>
<p>Организация здравоохранения и лечения людей на коммерческой (платной) основе.</p>	<p>«Бесплатный сыр бывает только в мышеловке».</p>
<p>Поощрение наживы, накопительства и личного обо-</p>	<p>«Народившийся многочисленный слой долларовых</p>

<p>гашения путем присвоения народного достояния.</p> <p>Обречение многомиллионной армии пенсионеров на нищенское существование.</p>	<p>миллиардеров и миллионеров — это золотой фонд талантливых менеджеров и эффективных собственников современной России».</p> <p>«Эта категория потребителей с их ностальгией по советскому прошлому является серьезной помехой на пути развития рыночных отношений в современной РФ»</p>
---	--

Для здравомыслящих экономистов, да и не только для них, очевидно, что мотивы либеральных политиков о необходимости «реформирования» носят не просто наивный и лживый, но и злонамеренный характер, имеющие целью разрушение былого величия России, именуемой ее врагами «империей зла», и недопущение ее возрождения.

Высшими структурами либеральной власти РФ предпринято множество других более мелких шагов, которые ведут страну в том же направлении.

Социально-экономические бедствия, порожденные экономическим кризисом

Перечень бед, принесенных российскому обществу кризисом, нескончаем. Они поразили все сферы жизни страны — ее экономику, финансы, промышленность, строительство, сельское хозяйство, науку и культуру. Но самый тяжкий удар кризисом был нанесен по и без того низкому уровню благосостояния большинства населения России.

Статья 7 Конституции Российской Федерации, принятой ельцинистами в 1993 году, представляющей собой незначительно измененный «Билль о правах» США, провозглашает: «Российская Федерация — социальное государство.., в котором охраняется труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты».

Нет нужды доказывать, что и до наступления кризиса эти конституционные требования оставались лишь провозгла-

шенными. Убедительным подтверждением тому является сопоставление долей расходов на социальные нужды в РФ и в странах Западной Европы. В Германии, Франции, Италии, Норвегии, Швеции эта доля составляет 24—28% от общей суммы расходов, а в нашей стране она находится на уровне 11—13%, то есть в 2,5 раза ниже. Что же касается абсолютных величин социальных расходов в расчете на душу населения, то они в 10—15 раз ниже, чем в указанных западных странах. Кризис же, застигший Россию, окончательно подрывает даже эту символическую защиту населения со стороны государства. Самым болезненным проявлением кризиса выступает безработица, поразившая все сектора реальной экономики. Миллионы трудящихся увольняются с предприятий или отправляются в принудительный отпуск без указания срока отстранения от работы. Еще большие контингенты трудового люда переводятся на неполную рабочую неделю (3—4 дня) с соответствующим сокращением заработной платы. Администрация предприятий и организаций под угрозой увольнения вынуждает своих работников подписывать соглашения о работе с оплатой труда наполовину или на одну треть меньшей по сравнению с прежней ее величиной.

Бедственное положение людей резко усугубляется странным поведением цен на российском рынке. Кризис, как известно, мировой, и он обусловил значительное снижение цен в западных странах, США и Японии. В России тот же самый кризис привел к обратному явлению. Цены на промышленные товары, на строительные материалы и продовольствие существенно повысились. Ныне в Москве 1 кг мяса стоит дороже, чем в США, на 63 рубля, сливочное масло — на 15 рублей, молоко — на 11 рублей, литр бензина — дороже вдвое. В итоге нищета поражает все более широкие слои населения. Из регионов поступают сведения о многочисленных случаях отмены из-за недофинансирования авиарейсов, электропоездов, автобусных маршрутов, что не только усложняет жизнь людей, но и вносит дезорганизацию в ритмичность работы многих производств, наносит большой экономический ущерб.

Снижение платежеспособного спроса населения естественно ограничивает рост производства и оказание услуг, так что прирост ВВП в 2008 году оценивается в 2%, вместо намеченных правительством 7%. А в январе-феврале 2009 г. падение составило 8%. Кризис обнаружил фантастические долги перед зарубежными банками, сделанные российскими корпорациями под гарантии государства, о наличии которых правительство РФ предпочитало умалчивать.

Оценка антикризисных мер, предпринимаемых правительством РФ

На протяжении почти всего 2008 года правительство РФ во главе с В.В. Путиным категорически утверждало, что начавшийся мировой финансово-экономический кризис России не коснется, не помешает динамичному развитию ее экономики. Более того, Россия объявлялась «островом безопасности» среди других стран мирового сообщества, подверженных бедствиям, наносимым кризисом. Гарантией такой безопасности называлась пресловутая финансовая «подушка безопасности», над наполнением которой в последние 8 лет неустанно трудились Министерство финансов и Центральный банк РФ. За «плодотворность» этих трудов министр финансов А. Кудрин даже возведен был в ранг первого вице-премьера правительства. Мифическая неуязвимость российской экономики была столь прочна, что на съезде партии «Единая Россия», состоявшемся в конце ноября 2008 года, ее беспартийный лидер В.В. Путин заявил: «Финансовый и экономический кризис нам в известной степени даже немного поможет. Почему? Потому что заставляет нас действовать более рационально, заставляет нас применять новые технологии, заставляет оптимизировать производство, повышать качество персонала, заниматься переподготовкой кадров». Оставим в стороне свой риторический вопрос о том, почему нельзя было заниматься решением этих проблем в течение 8 долгих предкризисных лет.

На указанном съезде премьер-министром была сформулирована и такая задача: «Сегодня нам необходимо решать вопрос кредитования отечественных компаний и предприятий практически полностью за счет собственных финансовых ресурсов. Все возможности для этого есть. Национальные сбережения в России находятся на достаточно высоком уровне. Отечественная экономика генерирует большой объем доходов».

И вновь возникает столь же риторический вопрос: почему именно сегодня? Ведь все предыдущие 8 лет при избытке денег в казне их не предоставляли в виде кредитов реальной экономике страны, а отсылали зарубежным банкам и ипотечным компаниям США под 3% годовых.

В результате к середине 2008 года внешний долг РФ составил 527 млрд. долларов. Теперь долги надо отдавать в условиях, когда Россию захлестнул кризис и прекратился обильный дождь нефтедолларов. Откуда взять эти огромные средства? Естественно, из финансовой «подушки безопасности»,

в которой было накоплено 740 млрд. долларов, из них золото-валютных резервов Центрального банка 597 млрд. долларов и в Фондах развития и национального благосостояния (бывший Стабилизационный фонд) 163 млрд. долларов. Вот с расходования этих средств, накопленных посредством обнищания большинства населения России и содержания реальной экономики на голодном инвестиционном пайке правительство РФ начало борьбу с «неожиданно» разразившимся российским кризисом. Первой акцией этой борьбы стало выделение денег крупнейшим банкам страны, которым грозило неотвратимое банкротство. На эти цели из указанных резервов государство направило свыше 5 трлн. рублей, что по курсу доллара сентября 2008 года составляло 220 млрд. долларов.

Эти огромные вливания должны были пойти на кредитование производства, но до конкретных производственных предприятий не дошли. Банки использовали их для валютных спекуляций. В первые же дни после принятого правительством решения банкирами было переведено за рубеж около 50 млрд. долларов. Это вызвало «суровый» упрек со стороны В.В. Путина, который 31 октября 2008 года прилюдно заявил: «Российские деньги должны работать в России. А любой ведомственный корпоративный экономический эгоизм должен жестоко пресекаться. Должны жестоко пресекаться попытки направить на валютный рынок и вывезти из страны средства, которые мы выделяем на поддержку реального сектора российской экономики». Скорее всего эти угрозы завершатся банальным итогом, описанным И.А. Крыловым: «...а Васька слушает да ест».

Затем последовала помощь коммерческим банкам и корпорациям в лице «эффективных собственников» и «талантливых менеджеров». В частности, лидер российских долларовых миллиардеров О.Дерипаска получил от государства 4 млрд. долларов. Зачем же самому богатому олигарху этот дар от нищающего государства? Оказывается, для уплаты долгов, размер которых, по оценке экспертов, достигает 30 млрд. долларов. Эту оценку сам олигарх не опровергает, следовательно, он разорен. Как же такое могло случиться? По идеологии либералов, самый богатый человек — самый умный. Если наш олигарх такой умный, то почему же он не предвидел кризисной ситуации? Почему разорился? А если он не суперумный, то зачем ему дарить народные деньги? Но ведь Дерипаска не один такой нуждающийся. Аналогичные дары получили от щедрого правительства и другие не менее талантливые менеджеры — Р.Абрамович, В.Потанин, П.Авен, далее по списку.

Российская промышленность, сельское хозяйство, здравоохранение задыхаются без средств, а означенные «эффективные собственники» направляют получаемые деньги на развлечения. Дерипаска щедро финансирует спортивный клуб «Динамо», Абрамович не жалеет миллиардов для любимой команды «Челси», не отстают в этом от них и государственные корпорации. Газпром тратит 100 миллионов евро в год на содержание команды «Зенит», и еще 25 миллионов евро в год за то, что на майках немецких футболистов команды «Шальке-04» изображается буква «G» — логотип Газпрома. Акционерная компания РЖД 30—40 млн. долларов в год отчисляет футбольной команде «Локомотив», а пассажиры недоумевают, почему чуть ли не ежемесячно повышается плата за проезд в пригородных электропоездах. Правительство РФ не оставляет без внимания и нужды иностранных банков. Действующие на территории России «Юникредит» и «Райффайзен-банк» получили по 80 млрд. рублей.

Особую заботу правительство проявляет о благоденствии российского чиновничества. Всем известно, какую остроту приобрела в России жилищная проблема. По официальным статистическим данным, ветхий, не пригодный для жилья фонд в 1998 году составлял 40 млн. кв. м, а к 2009 году он увеличился до 100 млн. кв. м. Специалисты же считают, что в действительности он составляет не менее 500 млн. кв. м. Это означает, что 25 млн. граждан России проживает в непригодных домах, квартирах и общежитиях. Три года назад по инициативе Д.А. Медведева был принят так называемый приоритетный национальный проект «Доступное и комфортное жилье». Из-за мизерного финансирования реализация этого проекта не изменила критического положения в жилищной сфере к лучшему. Если в 1990 году в расчете на душу населения строилось 0,5 кв. м жилья, то к 2008 году этот показатель сократился до 0,3 кв. м. Иначе и быть не могло даже при более обильном финансировании, поскольку за годы реформ была разрушена индустриальная база строительства. По сравнению с 1990 годом производство цемента сократилось в 2 раза, кирпича — в 2,5 раза, пиломатериалов — в 5 раз, продукции крупного панелестроения — в 6 раз, экскаваторов — 10 раз, башенных кранов — в 14 раз. В этих условиях доступное и комфортное жилье — это привилегия богатых.

Именно из такого понимания проблемы правительство РФ в составе антикризисных мер выделило 10 млрд. долларов на улучшение жилищных условий государственных служащих, как подчеркивается в соответствующем постановлении, которые «нуждаются в таком улучшении». Последнее уточнение

представляется довольно комичным, поскольку трудно найти такого чиновника среднего уровня властной иерархии, не говоря уже о более высоком ее уровне, который не нуждался бы в улучшении собственных жилищных условий.

Доказать такую нуждаемость просто: у большого чиновника особняк на Рублевке просторный, он записан на тетю, а квартирka в Москве маленькая, а то и вовсе он ютится в общежитии. А то, что «эффективные собственники» и «талантливые менеджеры» заселили уже многие центральные улицы Лондона и островов Майорка и Фиджи — это вообще не принимается во внимание.

И еще один дополнительный взгляд на эффективность антикризисных мер, принимаемых правительством. Одним из самых тяжелых ударов, наносимых кризисом по социальной жизни российского общества, является растущая безработица. Уменьшить последствия этой социальной беды, поразившей миллионы трудоспособных граждан страны, правительство пытается выплатой пособий по безработице в размере 850—4900 рублей в месяц каждому, потерявшему работу в течение трех месяцев после увольнения. Но это сугубо поверхностный и нерадикальный способ лечения болезни. Не говоря уже о том, что размер пособия примерно вдвое меньше потерянной зарплаты людей, получаемой до увольнения. Безработица наносит страшный удар по социальному статусу человека, его психологическому и нравственному состоянию, порождает осознание того, что государство вместо заботы о благополучии его и его семьи решило откупиться от него своей нищенской подачкой за лишение его жизненного права на труд.

Следовательно, главная задача власти должна состоять не в «благотворительности», а в создании новых рабочих мест для миллионов граждан трудоспособного возраста, преимущественно в тех отраслях экономики, которые в результате проводимых «реформ» доведены до упадка. Это, прежде всего, обрабатывающая промышленность, сельское хозяйство, транспортное, дорожное и жилищное строительство.

Предпринимаемые антикризисные меры сопровождаются многообещающими заявлениями о необходимости борьбы с коррупцией. Это действительно важнейшее условие оздоровления всей экономической жизни государства и общества. Однако обращает на себя внимание серьезный изъян в самом понимании сути коррупции. Борьба с этим злом в основном сводится к преследованию лиц, дающих и получающих взятки. При этом упускается из виду, что взяточничество порождается и стимулируется самой либеральной иде-

ологией личного обогащения. Используется насквозь лживое представление о том, что взяточничество проистекает от бедности, что если чиновникам госаппарата предоставить высокую зарплату, то у них якобы не только не будет необходимости, но и интереса получать взятку. Исходя из этой лживой посылки, высшему слою чиновничества устанавливается умопомрачительный уровень вознаграждения, который по здравому смыслу даже нельзя назвать заработной (заработанной) платой. Это касается не только частных фирм, но и органов государственной власти.

Приведу лишь один не самый одиозный пример. «Зарплата» членов правления Сбербанка России, который ныне возглавляет неприкасаемый Герман Греф, составляет 3 млн. 400 тысяч рублей в месяц. Не на много от них отстают и руководители госкорпораций, таких, как «Роснано-технология», возглавляемая Чубайсом, и другие. Разве не очевидно, что у чиновников нижестоящего звена, у алчных бизнесменов возникает соблазн дать взятку вышестоящему дельцу, чтобы занять аналогичную должность и самому получать «откаты». Не ясно ли, что такая практика привела к чудовищному распространению коррупции и недопустимому социальному расслоению российского общества.

Наконец, еще несколько слов о борьбе с инфляцией. На протяжении последних 10 лет финансово-экономический блок правительства РФ свою главную задачу видел в борьбе с инфляцией. Результатом этой борьбы явились нищенская оплата труда у 90% дееспособного населения и отсутствие инвестиционных и оборотных средств в отраслях реальной экономики, что явилось главным препятствием на пути расширения внутреннего рынка как главного стимула развития производства. Между тем зарубежными и российскими учеными доказано, что инфляция, не превышающая 10—15%, не препятствует экономическому росту. Более того, эффект от снижения инфляции не компенсирует ущерба, наносимого замедлением экономического роста, обусловленного недостатком денег, находящихся в обращении. Уместно напомнить здесь суждение по этому вопросу выдающегося экономиста — автора немецкого экономического чуда Людвиг Эрхарда, который утверждал: «Инфляция — не закон развития, а дело рук дураков, управляющих государством». Поэтому государству необходимо сделать однозначный выбор между борьбой с инфляцией и стимулированием экономического развития в пользу последнего.

Из проведенного анализа следует неизбежный вывод о необходимости отказа от либерального подхода в управлении экономикой, который не позволяет прервать дрейф страны к ее разрушению.

Стратегические задачи перехода России к бескризисному развитию

Нет сомнения в том, что мировой финансовый кризис явился следствием неспособности рынка эффективно регулировать современное мировое экономическое и социальное развитие. Потерпела крах программа США достижения мирового господства посредством глобализации всемирного хозяйства с помощью мифической способности доллара регулировать реальное экономическое развитие в планетарном масштабе. Одновременно с этим потерпела крах и сама либерально-рыночная идеология управления общественным развитием. Именно использование этой порочной идеологии российским руководством в последнее десятилетие XX века и первое десятилетие наступившего XXI столетия обусловило социально-экономические разрушения, происходящие в нашей стране. Российский системный кризис имеет весьма отдаленное отношение к мировому финансовому кризису. Если мировой финансовый кризис вызван избытком виртуального денежного капитала, то российский кризис обусловлен жесточайшим недостатком реальных денежных средств в национальной рублевой валюте. Правительство РФ целенаправленно отказывалось от создания эффективной системы кредитования реальной экономики страны. Результатом такой политики явилось полное разрушение финансовой основы роста и развития экономики. Доля кредита, направляемого на развитие производства в структуре ВВП в 2000—2008 годы была в 5—6 раз ниже ее оптимальной нормы, необходимой для динамичного развития экономики. Отсюда депрессия, поразившая всю социально-экономическую систему страны.

Успешно преодолеть тяжелейшие последствия кризиса и вывести страну из депрессии невозможно без кардинального усиления роли государства в управлении экономикой, чего, к сожалению, еще не осознало нынешнее руководство страны. Поэтому и антикризисные меры, предпринимаемые нынешним правительством РФ, носят поверхностный краткосрочный характер и не способны устранить пороки в сложившейся рыночно-спекулятивной системе управления.

Сверхзадача государства состоит в том, чтобы не только по возможности в короткие сроки предотвратить колоссальный ущерб, наносимый продолжающимся кризисом насе-

лению и экономике страны в целом, но и создать такую систему управления общественным и экономическим развитием, которая гарантировала бы нашу страну от будущих кризисных потрясений.

Такая система может быть создана только при условии возрождения всеобъемлющего государственного планирования и управления социально-экономическим развитием, способного гармонично сочетать общественные и личные интересы. Поэтому необходима безотлагательная разработка **стратегической программы** развития страны на предстоящий, по меньшей мере, пятилетний период. В соответствии с методологией программно-целевого планирования и управления, такая программа должна содержать согласованную иерархию целей и ресурсов, перечень последовательно выполняемых задач с указанием средств, сроков и конкретных исполнителей.

Главной целью программы должно стать обеспечение благосостояния **всех членов общества**, для чего необходимо решение следующих задач:

- создание условий для воспроизводства населения (решение демографической проблемы);

- обеспечение работой всех трудоспособных граждан с достойной оплатой труда, минимальный размер которой должен быть не ниже норматива, установленного ООН;

- бесплатное образование и здравоохранение;

- решение жилищной проблемы;

- развитие аграрно-промышленного комплекса, гарантирующего продовольственную независимость страны;

- активная государственная поддержка развития культуры на базе национальных традиций.

Для гарантированного решения поставленных задач требуется:

- изменение структуры народного хозяйства в направлении преимущественного развития обрабатывающей промышленности, прежде всего машиностроения, а также отраслей, производящих товары народного потребления;

- развитие фундаментальной и прикладной отраслевой науки;

- создание современных вооруженных сил, оснащенных новейшими видами военной техники;

- восстановление органов централизованного стратегического (долгосрочного), текущего и оперативного планирования с использованием высокоэффективной методологии построения межотраслевых балансов производства и распределения продукции, в первую очередь Госплана и ГКНТ.

В своей «Программе» правительство РФ о необходимости решения данных задач даже не упоминает. Все перечислен-

ные в ней меры сведены к частным и малозначащим финансовым операциям. В этой «Программе» предусмотрено «оказать адресную помощь при переезде в другую местность 15 тысячам человек». Такое решение принято на фоне того трагического факта, что за 2000—2008 годы численность населения на Дальнем Востоке сократилась на 40%, в районах Крайнего Севера — на 60%. В Сибири исчезло 11 тысяч сел и деревень, 290 городов.

Правительство выделяет 17 млрд. рублей (0,5 млрд. долларов) для погашения кредитов, полученных организациями АПК. Это «благодаяние» предпринимается в условиях, когда РФ затрачивает 36 млрд. долларов на закупку продовольствия за рубежом, в большинстве своем очень низкого качества.

Подобных примеров в «Программе» множество, которые свидетельствуют о беспомощности мер, принимаемых по преодолению кризиса.

Детальная разработка мероприятий, обеспечивающих защиту экономики страны от кризисных потрясений, должна быть произведена применительно к каждой из вышеперечисленных задач по достижению **главной** цели социально-экономического развития, сформулированной выше.

Здесь же мы остановимся на возможном решении лишь одной из задач общей стратегической программы, а именно, на развитии аграрно-промышленного комплекса и спасении гибнущего села.

Выше указывалось, что на закупку продовольствия страна расходует 36 млрд. долларов (1,2 триллиона рублей). Очевидно, что сразу полностью отказаться от импорта продовольствия страна не может. Но постепенно от такой искусственно созданной ситуации необходимо избавляться. В первый же год стоит освободиться хотя бы от 20% этих гигантских расходов, что составит экономию в 7,2 млрд. долларов (240 млрд. рублей), которые могут быть направлены на развитие отечественного АПК.

По приблизительным расчетам на средства, полученные от сокращения годового импорта, можно построить 3000 км сельских дорог, 30 тысяч жилых домов, 12 тысяч школ, библиотек, клубов, поликлиник, здравпунктов, приобрести 120 000 тракторов, 20 тысяч комбайнов.

Уже первая такая созидательная акция явится серьезным шагом на пути к оздоровлению экономической и социальной жизни на селе.

Это не те жалкие 17 млрд. рублей, которые правительство намерено выделить на субсидирование процентных ставок по кредитам, полученным предприятиями АПК.

Попутно заметим, что сокращение импорта на 1/5 его часть не ухудшит снабжения населения страны, поскольку в структуре ввозимых товаров большую долю составляют алкоголь, низкокачественные кондитерские изделия и другие продукты не первой необходимости.

Перераспределение ресурсов, идущих на закупку продовольствия за рубежом, в пользу отечественного АПК в последующие 4 года высвободит еще 30 млрд. долларов, то есть по 250 млрд. рублей в расчете на год. Кроме этих средств, должно осуществляться более основательное ежегодное финансирование АПК из консолидированного бюджета страны в размере не менее 1 триллиона рублей.

Итак, для возрождения АПК и спасения гибнущего села в предстоящие 5 лет необходимо ассигновать по 1,2—1,3 триллиона рублей ежегодно, что составит около 20% расходной части бюджета страны. Полнокровное финансирование этой сферы экономической и социальной жизни России — это не «черная дыра», как утверждают либералы, а высокоэффективное вложение капитала. Если в США мотором развития экономики считается автомобилестроение, то в России таким мотором несомненно может и должен стать АПК.

Это убеждение базируется на том факте, что особенностью сельскохозяйственного производства является быстрый оборот вкладываемых средств. Так, затраты, произведенные на возделывание зерновых, уже через 4 месяца после посева окупаются урожаем зерна, цены на которое в современном мире очень высоки и продолжают возрастать. Такая же картина наблюдается в развитии мясного птицеводства на промышленной основе, где цыплята-бройлеры при минимальных затратах труда и средств производятся за 90 дней и представляют собой высокоэффективный товар, пользующийся неизменным спросом на внутреннем рынке, который ныне покрывается пресловутыми «ножками Буша».

Особо следует отметить, что возрождение АПК, сопровождаемое техническим перевооружением сельского хозяйства, развитием пищевой промышленности, дорожного, производственного, жилищного и культурно-бытового строительства, создает емкий рынок, а, следовательно, и стимул развития отечественного машиностроения и стройиндустрии, ныне пребывающих в агонии.

Изложенный здесь эскизный проект антикризисного развития лишь одного сектора экономики вполне может послужить аналогом для подобной разработки по решению всех задач, обеспечивающих достижение главной цели, — повышения благосостояния народа на основе бескризисного раз-

вития экономики. Но это уже масштабная задача органов государственного планирования, необходимость восстановления которых очевидна.

Эффективность централизованного государственного планирования подтверждается уникальным опытом его использования в СССР. Уместно вспомнить, как во времена Великой депрессии, поразившей США и западные страны в 1929—1933 годы, советская экономика не только не пострадала от кризиса капиталистической системы, но и ускорила темпы индустриализации страны. По гениальному замыслу И.В. Сталина и под его руководством была организована широкомасштабная закупка у западных стран, пораженных кризисом, обесценившейся новой техники, целых заводов, технологических линий, лабораторного оборудования и приглашение на работу в нашу промышленность высококлассных специалистов. Это обеспечило высочайшие темпы индустриализации страны и послужило созданию современной материально-технической базы для перевооружения Красной Армии, без чего победа в Великой Отечественной войне была бы крайне затруднена.

В заключение принципиальный вопрос правительству РФ: почему оно упорно навязывает государству и обществу частнособственническую идеологию, тогда как статья 13 Конституции РФ утверждает: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»?

ДВА РАССКАЗА

СМОЛЯНОЙ

Лишь недавно Иван Непряхин, крепкий на вид, уверенный в себе человек, наконец-то понял, что стал по-настоящему отвечать за свои поступки. Приехал он когда-то в Москву из лесного поселка в северном суземье, где местами еще сохранились потомки тамошних коренных людей, не замутненных иноземными нашествиями, поэтому и внешность имел соответствующую: глаза синие-синие, а лик смуглый, волосы жуковые да вьющиеся, какими их изображали на старинных иконах. За природную смуглость Иван и прозвище заработал соответствующее — Смоляной.

Ивану уже под пятьдесят, у него есть жена, взрослый сын, а он до последнего времени продолжал ввязываться в истории. И все из-за непонятной потребности к справедливости. Мать, работавшая в поселке медсестрой, когда-то говорила, что он характером в отца — леспромхозовского механизатора. Вот уж того хлебом не корми, а дай за что-нибудь повоевать.

Правда, родителей нет давно, и теперь он, Иван Константинович Непряхин, отвечает за свою родню, потому что в прошлом году лишился и младшего брата, утонувшего в Пинеге на зимней рыбалке, а у того

ПРОЗА

остались две дочери. Поэтому еще тогда Иван решил угомониться, а когда же недавно сломал мизинец в дворовой потасовке, вступившись за соседа, то стал настоящим примером родственникам и собственному сыну, успевшему окончить университет по какой-то модной специальности и теперь старательно познававшего взрослую жизнь, меняя прическу, одежду, девчонок.

Сам Непряхин, окончив после армии электромеханический техникум, долгие годы работал на приборном заводе мастером, а потом, когда завод обанкротился и был растащен и распродан, пристроился на домостроительном комбинате, благо строительство жилья в Москве не прекращалось; в столицу ехали и ехали со всей России. Квартиры покупали даже те, кто и не собирался в них жить: для любовниц, как вложение денег, которых иные добывали несчетно. И никто у них не спрашивал, откуда появился капитал. Есть возможность — приезжай и покупай! Время теперь такое.

А чтобы строить, а заодно продавать и покупать — город наводнился пришлыми людьми: теми, кто строил и торговал. Куда ни глянь — везде засилье гастарбайтеров (прежде и слова-то такого не знали!). Хотя хрен бы с ними, работали они и работали бы там, куда москвичей и на аркане не затянешь. Ведь и раньше были лимитчики, каким когда-то считался и сам Непряхин. Но теперь все по-иному стало, все чаще слышалась на улицах и в машинах чужая речь, музыка, все больше резвилось приезжих ребятишек в детских садах и школах, и в роддомах появлялось не местных рожениц, словно свои женщины и рожать-то разучились.

Все эти мысли и рассуждения частенько возникали в голове Непряхина, и особенно навязчиво, когда он с приятелями выпивал после работы и возвращался домой под хмельком. Тогда так и хотелось спросить у кого-нибудь из приезжих: «Ну, зачем понаехали-то? Чего надо-то? Вы же двадцать лет назад почти всех наших выперли с окраин Союза! Думали, будете богаче жить. Не вышло. И теперь вкалываете в Москве и других крупных городах за триста долларов, чтобы половину из них отправить родственникам, работающим у себя на родине за лепешку в день!»

Думать-то Непряхин думал, но горячившие мысли держал при себе. Ведь не вот-то выскажешь их первому встречному человеку. Да и дома все обычно заканчивалось кухонным разговором с женой. С сыном же он об этом и не говорил никогда. У того, москвича в первом поколении, совсем иной подход ко всему. Ему, как и многим его сверстникам, даже хорошо, что кто-то находится в низших кастах, что не отни-

мают престижные места в банках, офисах, на государственной службе, хотя и там началась диффузия иногороднего проникновения.

Так что все менялось почти на глазах. Даже в образе мыслей, даже в таком святом понятии, как взаимовыручка. Но нынешним молодым, из которых почти никто не служил в армии, это все, как они говорят, по барабану, потому что дальше собственного носа они не видят близорукими глазенками, с детства испорченными телевизорами да компьютерами. Теперь каждый за себя. Теперь им хочется быстрых денег, хочется взять все и сразу. Им глубоко наплевать, что кому-то недоплачивают. Гастарбайтерам, например. А те, конечно, все видят и понимают, как издеваются над ними, как заковывают в цепи на дачах, как обманывают на всевозможных стройках, в подпольных цехах — где угодно. И, как могут, вредят и мстят. И делаются все дружнее, сплоченнее, смелеют день ото дня.

Что это так, Непряхин убедился сегодняшним вечером, когда возвращался с работы и недалеко от метро увидел такую сцену: какой-то подвыпивший мужичок в мятой клетчатой рубашке поцапался с продавцом арбузов. Тот, видимо, обвесил его, и теперь мужичок добивался справедливости, заставляя заново взвесить арбуз.

— А я говорю, еще раз положи на весы — хочу самолично взглянуть! — повторил он несколько раз.

Но продавец и слушать его не захотел, а когда походя отмахнулся ладонью, даже демонстративно отвернулся, мужичок припугнул:

— Ничего, скоро получите свое, подумаете впредь, как наживаться на москвичах!

Скрывать нечего, Ивану понравился его напор, но тут из-за угла показались двое арбузников и начали оттеснять обиженного мужика:

— Хады дальше, хады! — солидарно пугали они его, сверкая золотыми зубами.

А мужичок ничуть не испугался, начал по-настоящему артачиться, не желая уходить обманутым:

— Кого гоните, морды набеглые? Меня гоните?!

Но что он один мог поделать с тремя приезжими мужиками, особенно дружными бывающими, когда собираются кагалом. В общем, погнали они его взашей. Даже, кажется, рубашку порвали.

«Хорошо еще, что легко отделался!» — мимоходом поглядывая на свару, подумал Непряхин. Но в душе-то понимал, что проявил малодушие. Ведь ничего не стоило окрикнуть,

даже припугнуть торговцев, проявить с мужиком солидарность, хотя бы увести его в сторону. Нет, вспомнив о сломанном мизинце, постарался поскорее уйти с места происшествия, чтобы забыться и не думать более об этом, потому что когда начинал думать, то в голову приходили самые противные мысли. И это у него получилось — не думать — и он сразу порадовался за самого себя за то, что, наконец-то, научился благоразумию, сдержался, хотя был выпивши. Как, оказывается, надо мало для этого — лишь немного выдержки. И это теперь радовало.

Иван уже подошел к своему подъезду, когда встретил толпу молодежи, направляющейся к метро. Они неожиданно зацепили Ивана, увидев, что он *смоляной*. Кто-то из молодых сказал, как приказал:

— Еще один!

И его сразу остановили:

— Дядя, откуда прибыл?!

— Да вы что, парни! Я живу здесь... Вот мой дом! — отступая к подъезду, сразу заволновался Непряхин.

— Хату, значит, снимаешь, денег немерено наворовал!

Иван так и не понял, за что его кто-то двинул в шею, потом посыпались удары ногами. От одного, особенно сильно, он пошатнулся, завалился на бок, лишь успев обхватить голову...

Молотили его не так уж и долго, и пацаны сразу же утекли за угол, когда проходящая пенсионерка раскричалась на них. Потом она наклонилась над Непряхиным и жалостливо спросила:

— За что же они тебя так, сынок?

— Было бы за что... — вставая с асфальта и утирая окровавленный рот, пробормотал Иван, только-только по-настоящему рассмотрев худенькую, строго причесанную защитницу, на которой серая кофточка висела как на колышке.

Он поспешно скрылся в своем подъезде, где на лестничной площадке второго этажа привел себя в относительный порядок: как мог, на ощупь, вытер лицо, отряхнул брюки и рубашку и только после этого потопал на шестой этаж. Очень обрадовался, что жены не оказалось дома. Торопливо затолкав одежду в стиральную машину, отправился в ванную комнату, где, уткнувшись в зеркало, ужаснулся от вида заплывшего глаза и припухшей губы. Осмотревшись, увидел на ногах и боках ссадины, которые начали щипать, когда встал под душ.

Ополоснувшись, он выключил воду и услышал, что в квартире появилась жена, даже услышал звонкий голос:

— Чего там расплескался-то? Опять, что ли, под мухой?!

Непряхин промолчал, не зная, что ответить, да и не хотелось ни о чем говорить. Нет, он не боялся показаться перед женой побитым и услышать ее ворчание. Нет. Только в эту минуту почему-то сделалось нестерпимо обидно за самого себя. И не от болячек саднила душа, а от собственного постыдного поведения, когда прошел мимо, не оказав попавшему в беду человеку хоть какую-то помощь, и, словно в наказание, тотчас сам получил ни за что, ни про что. Поневоле вспомнишь о солидарности, товариществе, и не просто вспомнишь, но задумаешься о себе, как о человеке. Ведь слабосильная старушенция не побоялась, вступилась за него, а он, крепкий мужик, таежник, с четырнадцати лет ходивший на медвежьих берлоги, струсил! Ну и кто он после этого? Получается, никто — беспомощная личинка, опарыш ползучий... Теперь, как всякому гадкому опарышу, ему осталось превратиться в куколку, потом вылупиться из нее и до конца жизни мухой виться над нечистотами.

И так явственно Иван Константинович представил себя головастой изумрудной мухой, так отчетливо увидел, как она ползет по мусорному баку, что зарыдал от увиденной картины. Жена уж по-настоящему забеспокоилась, начала стучать в дверь, а он, отговариваясь, все утирался и утирался, остерегаясь громко всхлипывать. Он пытался хоть немного успокоиться, прийти в себя и зацепиться за какую-нибудь крепкую мысль, которая помогла бы по-иному взглянуть на себя, на все то, что творилось вокруг в последние годы, помогла бы стать прежним Иваном Непряхиным по прозвищу Смоляной.

МОЙ ДРУГ АХМЕТ

Был День десантника.

Изрядно побродив по парку Горького и надеясь встретить кого-нибудь из сослуживцев, я никого не нашел, но все равно возвращался домой навеселе, потому что перед этим прибил к компании псковитян, которых особенно полюбил в последние годы за их шестую роту, почти полностью погибшую в горах Кавказа, но не пропустившую боевиков. Хорошенько отметил праздник в кругу «скопских», а потом распрощался с ними, когда они отправились купаться в фонтане. Был бы помоложе, то, возможно, вместе с ними окупнулся, но когда самому за пятьдесят, то, хочешь не хочешь, надо подавать хоть какой-то положительный пример. Расставшись с удалой компанией и пройдясь по Крымскому мосту, спустился в метро.

Через полчаса был на «Шукинской» и благополучно заскочил в автобус, где сразу увидел загорелого, широкоплечего парня в тельняшке и голубом берете, лихо сдвинутом на затылок. Не церемонясь, подошел к парню, подал руку:

— С праздником, десант!

— Взаимно! — легко отозвался он, будто были знакомы сто лет.

Мы обнялись и сразу разговорились, выяснив, кто где служил, используя излюбленную тему десантников, особенно, когда они хотят завести разговор. Познакомившись, узнал, что мой новый друг Витек служил в тульской дивизии, а я признался, что отдал два года рязанской бригаде спецназа. После этого белобрысый Витек сразу по-иному посмотрел, потому что наша бригада считалась элитной:

— Володь, а почему тогда без берета ходишь в такой день?! — спросил он, словно укорил.

Пришлось улыбнуться, хотя — из-за солидной комплекции, что ли? — я редко когда позволяю себе быть легкомысленным:

— В те годы, когда я служил, а ты, наверное, не родился (так и хотелось сказать «сын»), мы носили общеармейское хэбэ. Правда, десантная амуниция для учений имелась, маскхалаты зимние и летние, а вот тельняшки да береты только-только вводились.

— Тогда забирай мой! Дарю!

Коротко стриженный Витек торопливо снял берет, словно он мешал, и отдал мне. Ничего не оставалось, как сразу же надеть его. Этого оказалось достаточно, чтобы стать друзьями. Правда, я все-таки спросил:

— Сам-то с чем останешься?!

— У меня еще есть!

Скрывать не буду, приятно стать обладателем подарка, о котором всегда мечтал. Сразу захотелось отблагодарить отзывчивого парня, пленившего открытостью и добротой, и узнать, кто он, чем занимается, но не хотелось спешить. Поэтому не стал любопытничать; ведь тогда бы пришлось и о себе рассказать, быть может, со временем подарить собственную книгу, но не хотелось в такой день выглядеть слишком «умным».

— Не против? — вместо объяснений, спросил я по-простому и построил фигуру из двух пальцев, приглашая выпить.

— Володь, не суется! — сказал Витек, узнав, где я намереваюсь сойти. — На следующей остановке выскочим. Там у меня друган есть!

«Друг так друг, — подумал я. — Все равно кому платить».

Через пять минут мы были в небольшом кафе, в котором продавали пиво и водку на разлив. Здесь и бутерброды име-

лись, и шашлыки. Стоявшие за столиками мужики сразу подвинулись, увидев двух увесистых десантников, начали поздравлять с праздником. Я сразу попытался занять место у стойки, чтобы сделать заказ, но Витек оттеснил, сказав твердо и уверенно, словно хозяин:

— Не суетись... Ахметка все устроит!

И, правда: не успел Витек поздороваться с носатым кавказцем, как тот сразу принес по пиву, а чуть позже и шашлыки в одноразовых тарелках, пластиковые вилки и ножи. Был он невысокого роста, худой и, может, поэтому крутился вокруг нас юлой. Я продолжал держать деньги, и Витек приказал:

— Убери!

Деньги я убрал, но не смог убрать с лица вопрос об оплате. Мой друг это понял и усмехнулся:

— У нас тут все схвачено... Не переживай!

От его слов сразу испортилось настроение. Я понял, что стал соучастником чего-то нехорошего, но отказываться было поздно. Тем более что сам напросился к Витьку в друзья. Так и хотелось спросить: «Ты что, крутой спортсмен?!» Но, понятное дело, не спросил, когда все и так стало ясно. И от этой ясности сделалось не очень-то и приятно. Сразу пиво показалось разбавленным, а шашлык не прожаренным. Хотя я и переживал, но понемногу пивко цедил, а Витек поторопил:

— Пей, пей... Он еще принесет!

И тогда я придумал, как выкрутиться из щекотливого положения и доказать свою независимость. Я быстро допил кружку и сразу направился к стойке, чтобы опередить друга и не заставлять Ахметку наливать пиво задарма. Витек шумно запротестовал, но было поздно. Я взял два пива, почти силой сунул деньги Ахметке, и уж с другим настроением поставил кружки перед Витьком и тихо сказал:

— А то перед людьми неудобно...

— Где ты видишь людей?! — громко спросил он и усмехнулся, а я постарался не придавать значения его ухмылке, понимая, что он пошутил.

Допив пиво, мы распрощались с хозяином, вышедшим проводить и долго трясшим нам руки своими влажными ручонками, отправились на берег Москвы-реки, где весь вечер провели в открытом кафе, многие посетители которого мелькали голубыми беретами. И тогда я понял, как нас много, — десантников разных лет службы, — что мы очень даже неслабая сила! И это создавало определенное настроение. И то ли от него, то ли от чего-то иного, но в тот вечер мы с Витьком подпили изрядно. Праздник ведь!

На следующий день, конечно, вчерашние приключения подзабылись, лишь поход к Ахметке стоял перед глазами. И почему-то более всего было стыдно от выпитой за чужой счет кружки пива, от шашлыков, а более — оттого, что я в глазах Ахметки оказался, ну если уж не крутым местным спортсменом, то человеком из их окружения, а, значит, заслуживал безусловного преклонения. Единственное, что радовало, — так это то, что нет особой нужды еще раз появляться в том кафе, где и прежде-то редко бывал.

Но дня через три, играя в волейбол на берегу реки, неожиданно увидел Ахмета, необыкновенно нарядного. Был он в белой рубашке и светло-бежевых брюках, а рядом бегали трое темноголовых мальчиков. Увлечшись игрой, я не смог подойти к нему, а надо бы, чтобы не подумал, что чураюсь. А он постоял-постоял, посмотрел на меня задумчивыми черными глазами и пошел дальше. Мы так и не поговорили.

Увидел его лишь через месяц, в начале осени, когда случайно шел мимо кафе, а он оказался около выхода и окликнул. Пришлось зайти, взять кружку пива, поболтать. Тем более что Ахмет был рад встрече. Он так и вертелся около меня; у стойки даже собралась небольшая очередь. А когда я собрался уходить, он опять подскочил ко мне, чтобы проводить, и попросил заходить, не пропадать. Просил и Виктору передавать привет.

Просить-то просил, но где мне теперь искать Витьку, если записку с номером его телефона я потерял в первый же вечер знакомства. К тому же, признаваясь самому себе, и не особенно хотелось звонить, встречаться с ним и о чем-то говорить. Душа противилась. А время бежало, даже летело. Я нет-нет да заходил к Ахмету, выпивал кружку пива, иногда и сто граммов позволял себе, и, поговорив, расставался до следующей встречи. Постепенно отношения становились все более приятельскими, не испачканными несправедливыми отношениями, какими они виделись мне в самом начале знакомства. Тем более что однажды Ахмет грустно сообщил, что Виктора недавно схоронили: попал в какую-то историю. Какую именно — Ахмет не сказал, а я не стал допытываться, потому что догадывался — в какую именно. Правда, жуковые глаза кавказца при этом блестели совсем не печально, хотя меня грустное известие по-настоящему огорчило, независимо от того, кем был Витек. Он хотя и оказался для меня случайно мелькнувшим человеком, но все равно стало не по себе. И с этой грустью я жил несколько месяцев, иногда поглядывая на голубой берет, висящий над рабочим столом, как память о прошедшем Дне десантника и самом Витьке.

А что может быть лучше для погибших людей, чем добрая память о них.

...Незаметно прошла осень, зима, а к весне у меня вышла книга, в которую успел вставить и рассказ о памятном знакомстве. Рассказ этот вы, дорогие читатели, только что прочитали, и мне теперь немного совестно за несовершенство композиции, вялый сюжет. Но уж что есть, то есть. Как говорится, из песни слова не выкинешь. Хотя какая это песня?! Хриплый отголосок — не более! Но так случается почти всегда, когда рассказываешь о себе самом, забывая о художественном вымысле, считая, что важна любая деталь, и нет сил избавиться от лишних. К тому же спешил, хотелось, чтобы новый рассказ успел войти в книгу.

Все это верно, но и заниматься бесконечным самобичеванием тоже нельзя. Главное — книга вышла, и называется, по-моему, симпатично: «Лица друзей». Ну, как такую не подарить Ахмету?! Он, думаю, не настолько уж силен в русской литературе, чтобы профессионально судить о достоинствах или недостатках того или иного рассказа. Ему будет достаточно упоминания его имени, упоминания о его детишках. Думаю, будет приятно и то, что я не уподобился спортсмену-налетчику (прости, Господи), а проявил уважение. Поэтому, когда подарил книгу, то будто рассчитался с застарелым, безмерно тяготившим долгом, о котором теперь и вспоминать-то не хотелось. И этим себя успокоил. Хотя, конечно, не до конца. Нерадостная мысль о творческой неудаче постоянно преследовала, и я дал себе зарок впредь никогда более не браться за «рассказы» о самом себе.

Правда, неожиданно изменившееся отношение Ахмета заставило по-иному посмотреть на этот рассказ и на все, что нас связывало. Даже на то, что лежало глубоко в душе. Сперва я не мог понять: что произошло? Мне казалось, что, подарив собственную книгу, я сделал, хотя и символический, но ясный жест. Мне казалось, что уж теперь-то станем настоящими друзьями, навсегда забудем подробности нашего знакомства, по крайней мере, я готов был это сделать в ту же минуту, даже улыбнулся.

Но ошибся. Дружбы не получилось. Это надо признать. Хотя я это понял не сразу, а лишь тогда, когда сообразил, что Ахмет перестал без Витьки видеть во мне крутого спортсмена! Можно понять удивление Ахмета, когда он вдруг узнал, что подозрительно неулыбчивый десантник... пописывает книжонки! Это ли не обман, не насмехательство?! Почти год вынуждал человека извиваться впустую неизвестно перед кем. От такого прозрения любому станет обидно, даже ос-

корбительно сделается. Подобного он простить не мог и начал меня шпынять при встречах, даже издеваться, всякий раз говоря с почему-то усиливающимся в такой момент акцентом:

— О, гаспадын писатэл! — громко говорил он, словно призывал к расправе, вынуждая посетителей кафе недоброжелательно оглядываться, а меня окончательно хмуриться.

Отпустив кружку пива, он демонстративно отворачивался, начинал о чем-то говорить с помощницей на родном языке. Когда же я пиво выпивал и собирался уходить, он исчезал в подсобке, чтобы не пожимать мне руку при расставании, как обычно это делал, и делал весьма заискивающе. Своим поведением, даже ужимками, он явно издевался. Мне хватило двух раз, чтобы понять это, чтобы понять это и постараться забыть дорогу в кафе.

Но однажды все круто изменилось. Списавшись с сослуживцами по Интернету в «Одноклассниках», я предложил отметить очередной День десантника у меня на берегу реки, и они согласились. Собралось нас шестеро человек разных возрастов: все крепкие, осанистые, в голубых беретах. Красота! А как встретились и по-братски обнялись, то я сразу вспомнил Ахмета, и предложил начать гулянку у него в кафе, сказав, полушутя-полусерьезно, что хозяин — мой лучший друг. Когда мы шумной толпой ввалились к Ахмету, он, увидев меня с пацанами, сразу выскочил из-за стойки, заулыбался, засуетился, сооружая из двух столов один, начал уважительно называть по имени, хотя прежде никогда не называл, сразу научившись говорить без акцента. Это более всего понравилось.

Все-таки молодец мой друг — все на лету схватывает!

РАССКАЗЫ

ЖЕНЩИНА ИЗ ТАЙГИ

Р. Кучарьянцу

Она выглядела довольно привлекательно: высокая, с упругой фигурой; у нее были гладкие черные волосы, тонкий нос и большие темные глаза. Держалась она уверенно, но что-то в ее взгляде мне сразу показалось настороженным, какая-то пугливость дикарки, что ли — она смотрела слишком серьезно, с неприкрытым пытливым интересом.

Она села за стол и сразу уставилась на меня своими глазами. Я даже заерзал на стуле. Вокруг было полно свободных мест, но она подошла к моему столу.

— Свободно?

Спросила глуховатым голосом, поставила чашку с кофе, повесила сумку на спинку стула и села.

Не знаю, что уж ей там во мне понравилось... Может, то, что я сосредоточенно смотрел в свою чашку и думал о статье, которую нужно было срочно сделать. Меня поджимали сроки, вот я и сидел в одиночестве и обдумывал статью, а она, наверно, решила, что я вообще жутко деловой и положительный тип.

ПРОЗА

Некоторое время мы сидели молча, потом она — то ли самой себе, то ли чтобы завести разговор — проговорила:

— Очень крепкий кофе, — сказала без всякой улыбки, с каким-то внутренним напряжением.

— Хороший, — подтвердил я. Будущая статья из головы моментально вылетела, я достал сигареты, предложил ей.

Но она качнула головой:

— Я не курю... И кофе не люблю... Жаль, здесь нельзя выпить чая... Там, откуда я родом, все пьют чай... с брусничным вареньем.

Этим бесхитростным откровением она подчеркивала дистанцию между мной и ею, и мне ничего не оставалось, как спросить:

— Откуда же вы родом?

— Из Иркутской области.

Она была одета вполне современно, говорила по-московски, с «аканьем», и трудно было поверить, что передо мной провинциалка.

— Сибирячка, — заключил я. — А здесь давно?

— Приехала сдавать кандидатский минимум. Поступаю в заочную аспирантуру, а закончила биофак в Иркутске.

— И в Москве впервые?

— Второй раз, — она размешала сахар в чашке, сделала маленький глоток и снова посмотрела мне прямо в глаза. — А вы журналист?

— Да, — нарочито многозначительно и интригуяюще произнес я.

— И москвич?

Я кивнул.

— Я не смогла бы здесь жить, — она поджала губы. — Здесь суета и неразбериха, а в спешке ничего дельного не делается... А что суется, непонятно, только разбрасываются по мелочам. На работе-то канитель, а после работы собираются и говорят о работе... И друг к другу относятся небрежно. А у нас там, на Ангаре, тишина, густая мягкая трава и пряный воздух, около нашего дома лодка...

— У вас есть семья?

— Я живу с отцом и братьями. Они лучшие охотники в области. Я тоже отлично стреляю... без промаха... Сейчас там талые воды и солнце яркое, жгучее... Бывает, с неба сыплет прямо ледяной душ, и вода в Ангаре белая от ветра... А здесь и весна какая-то вялая...

Все это она сказала с неподдельной искренностью, и я понял, что такая естественность может быть только в значительном человеке. В ней, действительно, угадывалась цель-

ность природы, какое-то величие. «Лесная дева, дочь природы», — подумал я и разулыбался.

— Чему вы усмехаетесь? — Ее глаза недоверчиво сузились.

— Завидую вам, — сказал я, на самом деле подумав, что за свои сорок лет ни разу не был в Сибири.

— В прошлый приезд я сидела в этом вашем кафе, насмотрелась на разных насмешников из литературных компаний, артистической среды... А привези их к нам в тайгу, они оказались бы слабаками...

— Я тоже один из них, — вставил я.

По-моему, она хотела сказать: «Вы, кажется, другой», но осеклась и, помолчав, продолжила:

— Их бы к моему отцу, он сделал бы из них настоящих мужчин... Хотя нет, наверное, не сделал бы. Из кирпича масло не выжмешь, и на голом месте ничего стоящего не вырастет... Нет, все-таки сделал бы, — помолчав, добавила она. — Отец всесильный, он все может.

— А настоящие мужчины это какие? — Я приосанился и надулся, пытаясь внести в беседу элемент игры, но она ответила серьезно:

— В которых есть стержень... Во взгляде готовность преодолеть трудности... Да, в них сразу видно что-то особенное... С таким мужчиной не страшно оказаться на необитаемом острове. Он построит дом, найдет пищу...

Она вновь пригубила кофе.

— И женщины здесь не такие... Наша женщина прежде думает о своем мужчине, а потом уже о себе. А ваша москвичка вначале выяснит, как он относится к ней... Да что там! Наши женщины ходят по углям! И я могу!..

— Ну, уж не придумывайте.

— Я никогда не вру, — резко бросила она. — Мой отец тебя за такие слова...

Она сказала «тебя», и я понял, как сильно задел ее достоинство.

— Я никогда никого не обманывала, — твердо заявила она. — И не прошу, если обманут меня.

— Застрелите? — Я все не терял надежды внести в разговор юмористические нотки, но вновь потерпел поражение — она говорила то, что думала:

— Просто никогда не подам руки такому человеку.

«Как она не вжилась в городскую среду, ведь года четыре училась в Иркутске?» — недоумевал я. Было похоже, что пребывание в городе еще явственней выявило ее суть, ее определенность и самостоятельность, четче обозначило ее мораль-

ную основу. Это не соответствовало привычным стандартам. Но, тем не менее, в центре Москвы, в кафе, в одном из «злачных заведений», как говорят мои приятели, передо мной сидела мифическая Диана.

Успокоившись, она снова перешла на «вы» и без всякой манерности произнесла:

— Конечно, здесь много интересного: театры, музеи, но ведь в них вы, наверно, редко ходите?

— Вообще не хожу.

— Ну вот, видите. А от ежедневной сутолоки можно сойти с ума... На природе — совсем другое дело, там есть время поразмыслить, подумать о вечном, проникнуть в таинство мироздания, передать свои наблюдения людям, которые придут за нами на эту землю... В городе люди оторваны от земли, сами себе рубят голову... Конечно, они живут в хороших условиях, но это приедается... Забывают добром квартиры, а добро должно быть внутри нас. Все их добро преходящее, а знания неглубокие, наносные... Сейчас полно таких преуспевающих. Надоели эти преуспевающие... Познать себя, свою связь с остальным миром — вот что главное... У нас люди проще и лучше. Они способны на жертвенность.

«Она права, — мелькнуло в голове. — Настоящие духовные ценности неизмеримо выше разных знаний».

Заметив, что я спик, она сменила тему:

— Поговорим о чем-нибудь другом. О чем вы пишете?

— Сейчас надо написать статью об одном режиссере... — Я начал рассказывать про известного театрального деятеля, про его взгляды на искусство и на жизнь вообще.

Она внимательно слушала, наклонившись вперед и подперев щеки руками, потом, когда я смолк, снова откинулась.

— А что такое искусство вообще? Для меня это память народа. Это, прежде всего, ремесла. Приезжайте к нам, вы увидите таких мастеров! У них все подлинное, достоверное. Вот о ком нужно писать... А в театре и в книгах много надуманного, ради красоты. Конечно, там богатое воображение и все такое, но... хороших писателей мало. Большинство все что-то выдумывают, какие-то сказки. — Она глубоко вздохнула, еще раз пригубила кофе и, как бы приняв допинг, с новой силой обрушила на меня свой разрушительный настрой:

— Вы тоже преуспевающий?

— Ну, по нашим понятиям, я живу неплохо.

Она неопределенно хмыкнула, потом спросила, люблю ли я животных, умею ли бегать на лыжах?.. Ее прямолинейные вопросы ставили меня в тупик. Казалось, я для нее своеобразный стендовый образец, на котором она испытывает мос-

квичей на прочность. В конце концов, меня заело, и я рассказал, что зимой каждое воскресенье хожу на лыжах в парке рядом с домом, а летом отпуск провожу на реке со своей собакой.

— У вас есть собака? — удивилась она, и я понял, что мы нащупали общую почву.

Мы проговорили часа три, не меньше. За это время я выпил несколько чашек кофе и выкурил с десяток сигарет, но, видимо, произвел на нее впечатление — она попросила проводить ее до общежития аспирантов и, прощаясь, придумала хороший повод увидеться на следующий день.

— Я постараюсь уговорить вас съездить к нам, — сказала, протягивая узкую крепкую ладонь. — К тому же, у меня здесь, в Москве, никого нет, а с вами можно поговорить.

Весь следующий день я думал о ней. Статья о режиссере писалась плохо: набросал какой-то сумбурный план, исчеркал пять страниц, потом прочитал — все коряво, уровень школьного сочинения, не выше. Когда пришел в кафе, она уже была там, ходила по холлу и рассматривала фотовыставку; увидев меня, пошла навстречу.

— Мы договорились в начале шестого, а сейчас уже около семи, — недовольно выговорила она.

— По-моему, мы договорились от шести до семи, — начал оправдываться я.

— Нет, в начале седьмого. У тебя неряшливая память. У вас, — поправилась она.

— Ну, извините. — Я примирительно взял ее за локоть, но она отдернула руку.

Только мы сели, как назло, подходит знакомый журналист, любитель посмаковать анекдоты. Мы сели в углу, в укромном месте. Нет, на тебе — этот прилипала! И главное, как нарочно, накануне ни с того ни с сего подумал о нем: «Что-то давно его не видно». И вот — пожалуйста! У меня всегда так: год не вижу человека, стоит о нем вспомнить — на следующий день встречу как пить дать. Ну, этот говорун, ясное дело, мимо не пройдет. Вот и на этот раз подскочил да еще подсуропил:

— Ого! Привет! Ты, как всегда, с новой девушкой!

Этот тип, сколько ни встречал меня одного, делал вид, что не замечает, но увидит с женщиной — сразу подкатит: «Привет! Как дела?»

Но она, молодчина, сразу торопливо вмешалась:

— Извините, нам нужно поговорить.

Я взял себе кофе, ей — яблочный сок. Она, как и обещала, начала рассказывать о себе, о своем таежном поселке, про деревья, прокаленные солнцем, про труднопроходимые тро-

пы и свежескошенные луга, про то, как она учительствует в сельской школе, про своих братьев — «невозмутимых мужчин», которые «никогда не говорят обиняками».

— ...Они сдержанные, понимаешь? Понимаете? — пояснила она. — Не то что городские мужчины, балаболы... А вот мой отец, — она достала из сумки фотографию, и ее лицо просветлело.

На фотографии был запечатлен высокий прямой мужчина с бородой; в одной руке держал ружье, другую положил на голову большой лохматой собаки.

— Отца все уважают, — притихшим голосом сказала она, — потому что он справедливый и добрый... Он личность, в нем есть то, чего нет в других, что свойственно только ему.

Она смотрела на снимок, как на икону, и, судя по пронизательному, испытующему взгляду мужчины, делала это не зря.

— А рядом с ним наш Буран. Он отважный, ни секача, ни медведя не боится. И он красивый. Видишь, какая у него длинная седая шерсть?

Она совсем перешла на «ты».

— Он однажды спас мне жизнь. Мы тогда шли на лодке по порожистому притоку. На моторе. Отец, Буран и я. Был сильный ливень, и отец соорудил на лодке навес, натянул брезент, чтобы нас не заливало. Мы шли около отвесного берега. Вдруг услышали гул и поняли: приближается обвал. Отец взял на середину реки, но мы не успели: часть берега отделилась и рухнула в воду. Лодку подкинуло, перевернуло, и она быстро погрузилась. Я оказалась в брезентовом мешке, как в ловушке. Вокруг глина, камни, представляешь? У борта была воздушная подушка, в ней я и дышала. Выход из брезента находился где-то подо мной. Я нырнула в грязь, нащупала выход, выбралась, а там камнепад, бревна плывут, ветви... Один камень попал мне в голову, и я потеряла сознание... Потом отец сказал, что меня Буран вытащил... Представляю, какие мы были, в грязи и глине, как черти, — она впервые улыбнулась.

У нее была хорошая, открытая улыбка, она по-новому осветила ее лицо. Эта внезапная улыбка выдала в амазонке женственность и добросердечие.

— Я очнулась на противоположном берегу, — продолжала она. — У нас все утонуло, а стояла осень и холод был лютый. Но у отца в кармане всегда был зажатик — непромокаемый кисет со спичками. Он развел костер... В ливень это очень трудно. Представляешь, кругом потоки воды и грязи, но он нашел место под елью, уложил прутья, поджег, раздул, костер занялся, и сразу на душе как-то радостно стало... А это наш дом...

Она показала еще одну фотографию, на которой был добротный сруб с крыльцом и резными наличниками.

— У нас чистое жилье... С утра мои мужчины уходят на охоту, я навожу чистоту, готовлю — все как положено: мужчина — добытчик, женщина — хранительница очага.

— А где ваша мать?

— Умерла, — она глубоко вздохнула и убрала фотографии. — Умерла, когда я была совсем маленькой.

Ей явно не хотелось вспоминать об этом, и я пришел ей на помощь:

— У вас, наверно, зимой отлично?

— У нас зимой необыкновенно, — мечтательно произнесла она и снова улыбнулась. — Все укутано снегом, разрисовано. А морозы бывают! Вам такие и не снились. Ночью воздух так промораживается, что избы трещат. У вас здесь чуть двадцать градусов, все боятся нос на улицу показать, занятия в школе отменяют. А у нас под сорок, но ребята бегут. Даже радуются морозу... Бывает, конечно, пурга, снежная круговерть, но редко. В основном у нас тихо. Снег падает, сугробы множатся... Солнце появится над тайгой, и все расцветивается. Необыкновенно красиво, такого нигде не увидишь.

— Да, — согласился я, окончательно решив про себя приехать в тайгу.

По пути к общежитию она некоторое время выспрашивала о моей жизни, потом рассказывала о своей работе в школе. За разговорами я несколько раз пытался ее обнять, но она каждый раз отстранялась и смотрела на меня с каким-то монашеским укором.

Мы остановились около общежития, и она внезапно смолкла на полуслове, потом посмотрела долгим взглядом, и вдруг порывисто поцеловала меня и исчезла за дверью. Я уже ничему не удивлялся.

Возвращаясь домой, я невольно сравнивал ее с другими знакомыми женщинами: она была чище, искренней, прямодушней всех.

Я пришел в кафе раньше времени. Она уже сидела за крайним столом и нетерпеливо посматривала на вход. Ее лицо было непроницаемо, но по блеску глаз я догадался — ее что-то тревожит.

— Я давно здесь, — тихо сообщила она и добавила с обескураживающей прямоотой: — Из-за тебя. Сегодня ночью я поняла — ты назначен мне судьбой... Трудно представить более разных людей, но... кто знает... Я должна тебе кое-что сказать...

Она глубоко вздохнула, как бы собираясь с мыслями.

— Я завтра уезжаю... У нас с тобой сейчас нет времени на

привыкание друг к другу, но знаешь, как бывает... До тебя я только два раза увлекалась... Первый раз обратила внимание на учителя в школе. Я тогда была совсем девчонка... Второй раз мне понравился один сокурсник в Иркутске, но от оказался с мелкой душой... И вдруг ты... В тебя я влюбилась... Это самая большая глупость, какую я только могла совершить в Москве... Если хочешь, поедем к нам. Поживешь у нас, если не приживешься, уедешь... Я не буду в обиде, — привела она убедительный довод.

Все это она сказала вполне осознанно. Видимо, по ее понятиям, женщина вправе первой признаваться в своих чувствах, но я-то не ожидал такого поворота и понял, что накануне принял опрометчивое, скоропалительное решение. Я подумал, что ради нее придется изменить свою жизнь, многим пожертвовать. «Одно дело — съездить в тайгу на несколько дней, другое — поселиться там на неопределенное время», — рассуждал про себя. Я кое-куда ездил, но всегда знал, что за спиной остается Москва, и только на минуту представил, что живу в глухомани, без привычной городской сутолоки, без мельканья знакомых лиц, без кафе, где каждый вечер убивал время, и меня передернуло от озноба.

— Конечно, тебе крупно не повезло — ты встретил однолюбку. Я собственница — хочу иметь или все или ничего... Я готова принадлежать мужчине, но чтобы быть для него единственной и чтобы наши отношения были настоящими, без всякой фальши... У нас ведь любят навечно...

После таких слов я почувствовал сильную опасность нашего сближения. И главное, она явно завышала меня, влюбилась в придуманного мужчину. Она и не догадывалась, что я намного слабее, слабее даже, чем она. Я только подумал об ответственности за все дальнейшее, и сразу меня охватило предательское беспокойство.

— Тебе у нас понравится, вот увидишь. А уж писать там есть о чем... Потом, если мы сможем жить вместе... поженимся. Я буду хорошей, верной женой...

Она уже представляла эту истинную любовь, а меня все больше парализовывала трусость.

— Оставь адрес... Я приеду, — промямлил я и отвел глаза в сторону.

ЧАЕПИТИЕ С ПРИВИДЕНИЕМ

По части музыки Андрей, бесспорно, был велик, его владение гитарой производило сильное впечатление. Не меньше впечатляла и его могучая вера в неисчерпаемые возможности

своего инструмента, особенно когда он демонстрировал искрометные пассажи, замысловатые ходы или импровизировал, расцвечивал мелодию тончайшими красками, можно сказать — устраивал настоящий водопад звуков. Не случайно сокурсники звали его «знаток нюансов». Уж кто-кто, а они знали толк в нюансах — как никак, заканчивали струнное отделение Гнесинки, а это вам не фунт изюма съесть! Наверняка, среди читателей дураков нет, и они прекрасно понимают, о чем идет речь. Но это все — увертюра, опера — дальше.

На исходе дня, после занятий в институте, Андрей с зачехленной «семистрункой» являлся в Дом литераторов — знаете его? Ну, кто ж не знает пристанище гениев! Так вот, в том заведении сугубо для литературных людей, наш герой, музыкальный человек, принимал ключи от работников всяких бюро и секторов, до полуночи провожал трезвых, слегка выпивших и вдрызг пьяных господ литераторов, а потом по обыкновению запирали входную дверь, гасил свет в холле и лестничных пролетах, и усталый садился за стол под настольной лампой, предварительно раскрыв ноты «классики» и расчехлив инструмент с неисчерпаемыми возможностями.

Как вы поняли, Андрей работал ночным сторожем, что давало ему, кроме денег, естественно, возможность в спокойной обстановке еще больше повышать свое высокое мастерство, совершенствоваться и без того недюжинную технику. В данном случае для рассказа-оперы он заменит целый оркестр. Но на минуту задержимся; для полноты картины необходимо представить общий вид вахтерского закутка. Свет лампы четко обозначал формы массивного шкафа и напольных часов, дальше ночное освещение высветляло и утемняло сглаженные очертания тахты с вечно спящим старым котом Борькой, еще дальше в тусклом полумраке читались зыбкие, неустойчивые контуры досок с афишами, за ними зияла плотная бесформенная чернота. Как вы догадываетесь, слабо звенящая музыка гитары как нельзя лучше выявляла глухую тишину Дома.

Здесь и начнем первый акт оперы. Итак, однажды глубокой ночью в мертвой тишине абсолютный музыкальный слух Андрея уловил какие-то странные скрипы, которые доносились из дальних лабиринтов Дома. Борька ничего не уловил и продолжал дрыхнуть без задних ног. Великий гитарист, «знаток нюансов» имел сильно развитые плечи и был не из робкого десятка и, разумеется, сильно не сдрейфил, не разогнал свою фантазию, то есть не представил домовых, скелетов и прочее, но его чувствительная музыкальная душа ушла в пят-

ки, а по спине, точно рябь по воде, пробежали мурашки. Первой мыслью Андрея было вооружиться гитарой и выйти на встречу опасности, но, как известно, первые мысли всегда слабые — уже через секунду наш герой сообразил, что между разбитой гитарой и разбитыми головами есть существенная разница — инструмент дороже, особенно если головы глупые, а иные по ночам не шастают. Зато вторая мысль была блестящая — схватить тяжелый предмет. К несчастью, такого под рукой не оказалось. Тогда невероятным усилием воли Андрей загнал свою хрупкую душу на место, геройски шагнул в холл и напряг зрение, но, как ни силился, ничего не разглядел.

А скрипы явственно усиливались, к ним прибавился кашель и гулкие шаги — какое-то привидение спускалось по лестнице из верхней Зеленой гостиной. Андрей включил свет в холле и различил на последних ступенях лестницы бесформенное темное пятно. Через несколько секунд пятно материализовалось в «непризнанного гения» поэта Шарута, «не просыхающего» пьяницу в последней стадии, яростного курильщика, завсегдатая Дома; у поэта было заспанное, опухшее лицо, которое обрамляло вполне различимое винное облако — настолько различимое, что Андрей его усек на расстоянии десяти шагов.

— Хорошо, что ты здесь, давай выпьем, у меня сумеречное состояние души. У тебя чего-нибудь есть промочить горло? — без вступительного приветствия обратился поэт к Андрею, но, услышав в ответ про чай в термосе, поморщился и, явно спутав время суток, буркнул: — Буфет скоро откроют?

Наш музыкальный герой, воспитанный человек, воспитанный, кстати, на «классике», о которой уже упомянуто, предельно вежливо объяснил напившемуся до потери сознания поэту, что к чему и еще раз предложил крепкий горячий чай, при этом кивнул на гитару, давая понять, что готов скрасить чаепитие нюансами.

— Пивка бы, куда ни шло, а чай — ну его в болото! — хмыкнул поэт и, рассуждая последовательно, добавил: — Только кишки промывать. — С этим многозначительным добавлением он направился в туалет «ополоснуть башку под краном» и вернулся с сигаретой в зубах, более-менее очухавшийся, но по-прежнему ему все море оставалось по колено:

— Катануть к вокзалу, что ли? — Он плюхнулся на стул. — Ладно, давай чай. Чувствую, моя историческая жена сегодня меня не дождетя... А разбудило меня твое ублажающее искусство; думаю: «Где-то танцы начались, надо промочить горло». А это оказывается, ты сандалишь на гитаре.

— Я не сандалю, — обиделся «знаток нюансов». — Я серьезно отношусь к музыке, играю классику.

— Похвально, — изрек поэт, затягиваясь дымом и прихлебывая чай. — А то сейчас полно развелось всяких бардов, им главное — заявить о себе. Играют какую-то дребедень или красивую бредятину, если бредятину можно назвать красивой. Шарлатанство это все. А слова у этих бардов — сплошное графоманство. Все они графы, до единого! Работают по шаблону и всюду мелькают. Так и создается популярность. Все это шуршанье, сиюминутная известность, успех... О таких у меня есть стих, слушай!

Чай благотворно подействовал на сложный организм гениального поэта, и он с подъемом прочитал свое произведение; потом, без передыха, еще одно на ту же тему и усталился на Андрея.

— Видал, какая мощь, какой напор? И все время чувствуется внутренняя конструкция, — он как бы заманивал своего слушателя на высоты поэзии. — Я гениальный поэт, но меня мало печатают и бьют все, кому не лень.

Андрей оценил божий дар незваного гостя, похвалил стихи и, с некоторым волнением (не забывайте про тонкую музыкальную душу), налил себе чай. Он не подозревал, что получил два стихотворения всего лишь для затравки, начального разбега, но вы-то предвидите, чем это кончится, верно? Само собой, дальше на несчастного музыканта обрушится бесконечное чтение. Знаете, как это бывает! Говоришь поэту: «Извини, спешу, в другой раз», а он хватается за рукав: «Послушай последнее», и мучает тебя, выдает еще штук шесть своих бессмертных творений. Андрею было самое время — взять гитару и продолжить штудировать классику, а он, музыкальная голова, вернулся к началу разговора.

— Слабые песни не всегда от халтуры, скорее — от неумения, непрофессионализма и дурного вкуса.

— А где отбор? — повысил голос, окончательно протрезвевший поэт, и затушил сигарету в блюде. — Выразительная ситуация. Кто выпускает эту внушительную мусть на публику? И ведь за деньги. Нажива и высокое искусство — несовместимые вещи (вы заметили, поэты не церемонятся с мощными выражениями?).

— Это верно, — вздохнул Андрей. — Я тоже мог бы играть шлягеры в ресторане. Приглашали, обещали приличные деньги, но нет, спасибо. Лучше буду здесь сторожить, но играть то, что хочу... Я счастливый человек, занимаюсь тем, что нравиться, — наш герой расправил плечи, всем своим видом показывая, что его высказывания не пустые слова и счастье на

самом деле распирает его, даже лезет наружу и готово осчастливить других, быть может, и все человечество.

Зацикленный на себе, поэт не до конца прочувствовал состояние собеседника, но кое-что до него дошло, он снова закурил и продолжал гнуть свое:

— Нельзя быть слегка нечестным. Встанешь на гибельный путь, с него шиш свернешь — судьба, Бог накажет... У меня есть один знакомый, решил накатать детектив на потребу публики. «Заколочу бабки, — сказал, — потом сяду за серьезный роман». Накатал километры, получил кучу денег, сел за роман и... крышка. Да, я об этом написал стих, послушай!

Как водится у поэтов, он прочитал целую поэму и, довольный, что встретил благодарного слушателя, протянул чашку:

— Подлей еще чайку!

На этом заканчивается первый акт оперы и самое время без всякой связки вставить интермедию. Некоторое время поэт сидел неподвижно и величественно молчал.

— По-моему, главное в литературе — найти взаимосвязь всего живого, единство душ, как в музыке органичность, — проговорил Андрей.

— Ну да, вселить беспокойство в читателя за судьбу другого человека, — согласился поэт, — вызвать сострадание, желание помочь обиженным, одиноким, поднять павших духом — вот задача... Ну, и форма должна соответствовать, быть на высоком уровне. Литературная техника может быть изощренной — некое сложное письмо, но точное и ясное, чтоб все работало на целостность. Вот послушай такое...

Здесь начинается второй акт оперы. Поэт нервно курил и читал свои стихотворения, одно за другим, читал в течение получаса — почти весь второй акт оперы; за это время они полностью опорожнили термос, а кот Борька успел три раза поменять позу. Кстати, Борька вообще не любил ни литературных людей, ни музыкальных; первых за говорильню, вторых за звуки — вся эта публика действовала ему на нервы. Он любил красивых женщин.

В один из моментов, когда поэт в отличном настрое закончил что-то лирическое, Андрей взял гитару и проиграл несколько незатейливых музыкальных фраз.

— Это так и просится на музыку, — сказал и в дальнейшем окрашивал литературную беседу нюансами, то есть опера уже во всю захватила аудиторию, состоящую, к сожалению, из одного кота, к тому же беспробудно спящего и, возможно, видящего во сне красивых женщин.

— Перекладывать мои стихи на музыку — вещь безнадежная, — отмахнулся поэт, разгоняя дым, но, будучи, как мно-

гие гении, человеком противоречивым, тут же взял свои слова назад: — Впрочем, нет, возможно, если проникнуться. У этих бардов искусство яростное, а у меня сердечное... Вот есть еще такое, — и он с немислимым напором продекламировал свое лучшее стихотворение, которое оставил напоследок, как бы для финала оперы, причем оставил случайно, по забывчивости, тоже свойственной многим гениям.

Ох, уж эти гении! От них и не знаешь, чего ожидать. Конечно, тяжелоатом общаться с ними, зато интересно, согласны? Так вот, последнее, ударное стихотворение произвело на Андрея должное впечатление. В том стихотворении была жгучая проблема — боль за судьбу природы и животных, и эта боль пронзила чувствительную душу музыканта, а поскольку он уже пребывал в творческом состоянии, ему ничего не стоило довести себя до экстаза, когда сочинения сами выходят из-под рук. Понятно, здесь, в финальной части, опера достигла наивысшего накала, даже Борька вскочил, потянулся и устался на закуток, в ожидании развязки либретто.

— Это готовая баллада, — бормотал Андрей, лихорадочно перебирая струны, — здесь есть все: и мелодичность и ритмика... Сейчас мы все организуем.

— Да, ладно, — внезапно заскромничал поэт. — Уж это ты хватил! Сейчас никак не годится, не то время. Давай бумагу, запишу слова, дома попробуешь что-нибудь сочинить. А не получится — отнеси на помойку.

Как многие гениальные люди, поэт небрежно относился к своим творениям, раздавал их направо и налево, правда, — вторые экземпляры, первые — оставлял в голове.

— Зачем дома?! Уже получается! Приблизительно так, — и наш талантливый герой заиграл, напевая поразившие его строчки.

Каждый здравомыслящий человек понимает, что первый проигрыш вышел сыровато, но второй прозвучал вполне прилично, если не сказать больше, ну а на третий, когда наш герой добавил своих фирменных нюансов, баллада уже выглядела законченным шедевром.

Вот так и заразил своим творчеством литературный человек музыкального человека — произошло точное попадание мысли и чувств, но надо иметь в виду — последний был подготовлен к такого рода восприятию и потому их состояния моментально уравновесились, как жидкость в сообщающихся сосудах. Что немаловажно — искусство объединило, слило воедино два крайне разных земных мира: молодого, совершенно не курящего и не пьющего музыканта и поэта в возрасте, отчаянного курильщика и горького пьяницу с большим стажем.

Вот так просто и рождаются великие произведения, и, как все великое, они яркие, просты и прочее. А все почему? Слова-то были нешуточные, они захватывали, теребили душу, звали, уводили и прочее; и главное, эти слова стояли на своем месте, да так органично и цепко, что, казалось, — давно там стоят, все это видели и знали, но не хватило пороха прочитать. А поэт прочитал. И мелодия, казалось, витала в воздухе — протяни руку и бери, но в том-то и загвоздка — не всем дано ее поймать. А наш герой поймал играючи, ухватился за одну ноту и вытянул всю тему, и записал на нотной бумаге. И теперь эта музыка нас будоражит, потрясает и прочее.

Короче, прекрасная баллада заполнила закуток, а когда соавторы запели дуэтом, баллада растеклась по всему холлу, достигла отдаленных сводов и проемов, и сквозь стены выплеснулась на улицу, уже светлевшую улицу. Так что первые прохожие оказались и первыми слушателями.

ДЛЯ НАС СЧАСТЬЕ НАЧИНАЕТСЯ В ИЮЛЕ

Когда говорят о моей жене гадости — а именно только гадости о ней я и слышу — мое сердце готово выскочить из груди. Говорят, моя жена легкомысленная, взбалмошная, горластая психопатка, что на людях она вечно рисуется и что вообще ей не мешало б поправить голову, а меня устраивает склад характера жены. Говорят, у нее жуткие манеры и вкус подкачал — некоторых соседок, например, раздражает склонность жены украшать себя бантиками, а мне все в ней нравится, особенно бантики.

От соседок я не раз слышал, что с женой мне не повезло, что она нескладеха, плохо шьет и не умеет готовить, что устроила в нашей квартире бедлам, а на их (соседок, то есть) замечания отвечает насмешливо-развязно, что у нее слишком много свободного времени и потому она пилит меня без всяких причин, но я-то уверен — с женой мне крупно повезло — я приблизился к счастью больше, чем кто-либо. Моя жена, скажу вам, в сто раз лучше всех этих соседок — заявляю это ответственно. Она забавная, немного с чужинкой, немного несерьезная (в каком-то смысле) — ну и пусть. Хватит моей серьезности. К тому же, согласитесь, простодушие, чистая наивность в женстве неизмеримо ценнее всяких хитростей, изощренных умничаний.

Я не раз слышал, как за моей спиной мужчины не жалеют грубых слов, обсуждая мою жену (мужчины сплетничают не меньше женщин): называют невзрачной, безликой, и даже

страшной, а я считаю ее красивой. Клянусь, она отлично выглядит. Особенно рядом со мной — ведь известно, женщина особенно женственна, когда рядом с ней мужественный мужчина. А я, смею вас уверить, достаточно мужественный. Мужественный и твердый (одно только имя о многом говорит — Аристарх). Вдобавок, я интересный (внутренне), и еще работающий — я электрик высокого класса, да кое-где подрабатываю по другим специальностям — у меня умелые руки — не гнушаюсь никакой работы, берусь за все, за что платят деньги (это не каждому под силу), и это не увлечение, а образ жизни. Я, понимаете ли, не могу без работы; даже в рай — этот бессрочный Дом отдыха — не хочу, ведь там ничего не надо делать. Потому и зарабатываю прилично и честно — мне не стыдно смотреть людям в глаза, потому и жена позволяет себе не работать, да и у нее дома дел хватает (что вы хотите — у нас четверо детей).

Наконец, жена единственная женщина, которая меня любит по-настоящему, подчеркиваю, — по-настоящему — у нее ко мне глубочайшая любовь — не то, что некоторые — виснут на муже, а зыркают по сторонам, строят глазки другим мужчинам. И пусть такая краля хоть кинозвезда и талантлива до жути, но нет уж, извините, мне такой и даром не надо. Больше скажу, есть женские профессии, которые никак не подходят для семейной жизни: это всякие актрисы, манекенщицы, художницы, поэтессы, философы (женщина философ — вообще чудовище). Самое лучшее — жениться на библиотекарше, медсестре, бухгалтерше (кстати, профессия моей жены). Из этих, как правило, получаются неплохие жены. Но, конечно, еще лучше — вообще не жениться, или вступить в брак как можно позже. Куда, собственно, спешить?

Именно так, или примерно так, я и рассуждал до сорока лет и жил припеваючи: днем вкалывал, вечера проводил с друзьями и случайными женщинами в развеселой кутерьме, в винно-табачном угаре — вел кипучую жизнь — до старости было много времени и я методично его убивал. И насмехался над женатыми, над их тягостной, полной унылых обязанностей, жизнью. А они, в свою очередь, посмеивались надо мной — известное дело, вид на семейную квартиру из холостяцкой конуры совершенно не похож на вид этой конуры со стороны квартиры семейных.

Ну а после сорока на меня все чаще стала накатывать непонятная тоска, загулы с друзьями наскучили до чертиков, у меня появились раздражительность, ворчливость. «Хандра ни к чему хорошему не приводит, — думалось. — Надо взять себя в руки и больше работать, хотя куда уж больше?!» Чест-

но говоря, и в молодости мой характер был не подарочек, а после сорока я попросту превратился в зануду. Я изменился по многим причинам. Во-первых, замучил быт — вечно дражное, не глаженое белье, питание — урывками, впопыхах, то и дело кредиторы рвали на части. Во-вторых, — натиск болезней; временами жаловался друзьям, что вот-вот загремлю в больницу и стану инвалидом. На что друзья-женатики насмешливо замечали:

— Твои болезни уже тянут не на инвалидность, а на гроб с музыкой. Но ты не унывай, мы споем что-нибудь веселенькое на твоих похоронах.

Так они лихо развлекались. Отсмеявшись, вразумляли меня:

— Тебе нужна оздоровительная атмосфера, — и выпукло обрисовывали положительные стороны семейной жизни.

Под их давлением я стал подумывать: в кого бы влюбиться, на ком бы жениться? На худой конец — взять в домашние хозяйки? Примерно в это же время в нашей коммуналке освободилась комната — умерли соседи-старички (не дождалась очереди на получение квартиры), и мне, как имеющему «перспективный возраст», предложили занять вторую комнату. В итоге я расширил свою холостяцкую хибару. Друзья женатики обозвали меня «везунчиком», «богатым женихом» и с двойным усердием взялись обрабатывать — муссировали тему женитьбы, в том смысле, что это замечательная штука.

Теперь о главном. Как-то в компании жена одного моего друга говорит:

— Есть люди, с которыми вредно общаться — они отбирают нашу энергию, становишься разбитым, больным. Но есть, которые отдают энергию, заряжают ею, — и, обращаясь ко мне, заявила: — У меня есть подруга, которая прямо излучает добро. Очень хорошая женщина.

С определенным сомнением я решил уточнить:

— Как она внешне?

— Очень женственная. Хорошо поет. Веселая. Я встречаюсь преимущественно с веселыми людьми, они продлевают жизнь.

Я понял — жена моего друга выцарапала лучшее, что было в ее подруге, и спросил напрямик:

— Она красивая, или так себе, или уродина?

Жена друга опять ловко ушла от прямого ответа:

— Она славная. Мне нравится. В общем, увидишь — все поймешь сам, что я буду тебя уговаривать.

Я решил рискнуть — познакомиться с этой «славной певуньей», но на всякий случай подготовил себя к тяжким ис-

пытаниям. И напрасно — она мне сразу понравилась — этакая сияющая модница с бантиком на затылке; своими словечками и песенками она потешала всю компанию. На нее даже просто смотреть было радостно, рядом с ней становилось легче дышать, честное слово. А уж когда она пела, а она постоянно что-то напевала, или смеялась — громко, зажигательно — она была просто полна веселья, я невольно тоже расплывался.

Короче, она сразу окутала меня плотным облаком обаяния. Не могу точно сказать, но она из того сорта людей, которые сами себе устраивают праздник (одна из граней ее таланта). Мало того, она изобретательно подтрунивала над собой, то есть не боялась выставить себя не в лучшем свете и тем самым как бы развлекала себя (в отличие от моих дружков, которые развлекались за мой счет). Вдобавок, она внимательно слушала все, что я говорил — а я уже тогда знал — мне нужна женщина, которая будет меня слушать (я не упускал случая потрепаться о своих многочисленных работах и кое-каких планах на будущее). Позднее, когда мы поженились, она говорила жене моего друга:

— Не надо мужчине ни о чем спрашивать, он сам о себе все расскажет. Мужчины как мальчишки, жуткие хвастуны, — и заливалась продолжительным смехом.

Позднее она говорила и похлеще:

— Он был дикарь (имелся в виду я — она уже подтрунивала не только над собой), жил как бродяга, был неухоженный, изможденный, с чернильным лицом, в каком-то доисторическом пиджачке — стало жалко его, привела к себе, отмыла, откормила... Целый год приучала мыть руки перед едой и ноги перед сном, и есть, не чавкая, и лежать на тахте, не раскорячившись...

Дальше она, бесстыдным образом, говорила еще что-то в том смысле, будто нашла меня на помойке, и при этом хохотала от всей души.

Но эти издержки семейной жизни начались позднее, а в день знакомства я подумал: «Вот это женщина, я понимаю! Она для меня», и решил приударить за ней. Приударял весь вечер (мы гуляли у моего друга, жена которого выступала в роли свахи): подливал вино, подкладывал закуски (это у нее вызывало бурный протест: «От одного взгляда на еду я падаю в обморок, — говорила. — Я ем, как птичка», — и смеялась). Я приглашал ее танцевать, хвалил ее розовый бантик (она призналась — «обожаю розовый цвет»), называл «ароматной женщиной» (она любила лосьоны, духи, туалетную воду); говорил, что она в моем вкусе... Она возбуждающе смеялась

и тоже высказалась в том смысле, что я ее тип мужчины. Известное дело — для женщины мужчина значителен не тем, чем значителен для всех, а тем, как относится к ней, и его слова не менее важны, чем его поступки. Под конец вечера я шепнул весельчунье:

— Давайте убежим отсюда ко мне.

Она вскинула глаза:

— Вы что, дурной? Зачем так спешить? Да и жалко разрушать компанию, — и дальше, широко улыбаясь, цокая языком: — Поухаживайте за мной хотя бы несколько дней. За красивой женщиной надо и ухаживать красиво. (Ничего себе мнение о себе!) Пригласите меня в театр. Я привыкну к вам и тогда... — Она вытаращила глаза и многообещающе заключила: — Для нас счастье начнется в июле (дело было в конце июня и чего она тянула, я никак не мог взять в толк. Оказалось — у нее начинался отпуск в июле).

Короче, на следующий день она потащила меня в кинотеатр, потом еще на какую-то выставку — дня три-четыре устраивала «культпоходы», при этом без умолку рассказывала о себе — как на работе налаживает сотрудничество кого-то с кем-то, добивается поддержки кого-то чего-то, какая она жалостливая, как ей всех жалко (действительно, раздавала деньги нищим, на страшных сценах в кино зажмуривалась), что верит в чудеса и приметы, любит сказки, детей, животных — и, напевая веселые мотивчики, и так и сяк поворачивалась, показывая роскошные бедра и грудь. Разогрела меня черт-те до чего (мне уже снились эротические сцены), наконец как-то вечером вцепилась в мою руку и со сладким ужасом выдохнула:

— Поедемте ко мне.

Целую неделю мы, одурманенные любовью, яростно занимались сексом. Поражаясь моей активностью, она смеялась:

— Это балдеж! Ты хорошо сохранился для своего возраста.

Ее драгоценные слова я воспринимал всерьез — в выходные дни мы вообще не вылезали из постели. Вернее вылезали только перекусить, и однажды, когда устали от любви, съездили ко мне за вещами. Перед этим я в приличной форме предложил ей пожениться. Она согласилась с легким смешком.

— Будущее будет таким, каким мы захотим. А жить будем у меня, так удобней, — это она пропела, как куплет песни (у нее голос необыкновенной красоты).

— А в своих комнатах устрою мастерскую, — вставил я (я постоянно думаю о работе — этого у меня не отнимешь).

— Ты что, дурной? — откликнулась моя невеста. — Твои комнаты сдадим, так целесообразней, — и засмеявшись, — счастливый брак — это кропотливое продуманное творчество, — и дальше для доходчивости увеселяюще развила свой взбадривающий проект, — накопим денег, отдохнем у моря, позагораем, накупаемся вдоволь. — Ее смех становился все более освежающим, как морской ветерок.

Вот она, непредсказуемость в любви! С невинным весельством, как бы забавляясь, она сразу взяла инициативу в свои руки и, распевая песенки, выращивала наши отношения по четкому сценарию, не считаясь с моими привычками и планами. Но, странное дело, я упрямый, твердый, невольно ей уступал (вот оно, чародейство любви!). Она «переделывала» меня ненавязчиво:

— Почаще брейся, дорогой, у меня горят все щеки... и не спи, дорогой, на спине — ты храпишь так, что я пугаюсь... И почаще говори мне, что я красивая...

Короче, она меня обдуривала, но я был рад обдуриваться, тем более, что с первого дня нашего знакомства я забыл, что такое хандра, меня начисто отпустили болезни (похоже, вылечил жизнерадостный характер моей избранницы); теперь на предыдущие пьянки с друзьями я смотрел как на бездарное разгульное времяпрепровождение, я как бы взглянул на них со страшной высоты и увидел себя вдрызг разбитым (словно упал с этой высоты), и наоборот, теперь рюмка водки с невестой-певуньей, веселягой придавала мне новые немалые силы (мы ежедневно перед ужином выпивали — я рюмку водки, она немного вина — эту привычку мы закрепили сразу и навсегда). Я даже сделал вывод — рюмка водки с веселой женщиной исцеляет от всего. И вообще, в наше время самая большая радость — встретить доброго человека с веселым нравом. Остальные радости можно устроить самому.

Жену зовут Марина. Как она и обозначила, наше счастье началось в июле и, несмотря на некоторые шероховатости, выглядело впечатляюще — это отметили все, даже дети на улице — они показывали на нас пальцем, хихикали. Каждый знает — есть вещи, которые нельзя скрыть: горе и счастье, ненависть и любовь. Мы слишком ярко выражали свои чувства, и некоторые мои приятели стали смотреть на нас с холодной завистью; их раздражала наша разбухающая любовь, они считали, что мы неприлично счастливы.

Но еще хуже вели себя подруги жены и соседки по дому (особо опасная публика — могут заниматься и подглядыванием и подслушиванием) — эти прямо чахли от нашего счастья, зависть разъедала их изнутри. Непосредственная со-

седка (квартиры разделяла тонкая перегородка) администраторша кинотеатра, квадратная особа с вытаращенными глазами, недалекая, бестолково шумная, по отношению к нам проявляла глубокое беспокойство, вернее принимала самое активное участие в нашей жизни, еще вернее — вторгалась в нашу жизнь, и распускала язык на уровне торговки: с прямым вызовом называла Марину «разрисованной дурехой, которой надо бантик присобачить на задницу», а меня — «примитивным, тупицей, который гребет деньги неизвестно где» — и не только так, конечно. Себя она именovala не иначе как «порядочной во всех отношениях, примерной матерью» (у нее было двое детей). Она вещала:

— У меня свой жизненный стиль, я живу честно и не пользуюсь служебным положением, никому из знакомых не помогаю с билетами — пожалуйста, только через кассу.

Жена смеялась в лицо администраторше (прямо заливалась несдержанным, каким-то скачущим смехом); вероятно, чтобы еще больше ей насолить, всячески афишировала нашу семейную жизнь — даже то, что мы целуемся в среднем четыре раза в сутки, ежедневно при ней минуты три расхваливала меня, прославляла до небес (три минуты я чувствовал себя почти героем, купался в лучах славы), а наедине сообщала мне:

— Вообще-то она колдунья — от нее двое мужей сошли с ума, и третий немного того — то ли притворяется, то ли на самом деле сумасшедший... Он последний пьяница на нашей улице... Ты же слышишь, у них каждый день светопреставление...

Я особенно не прислушивался, но вроде что-то было, и что точно — их дети время от времени выскакивали зареванные на лестничную клетку, и моя сердобольная жена успокаивала их, совала конфеты, пряники.

Позднее я заметил — соседи, действительно, скандалят и дерутся, и что удивительно — администраторша часто выходила победительницей из потасовок, поскольку ее пьяный муж слабо координировал удары, а, как известно, у разъяренной женщины появляются недюжинные силы. О соседке-администраторше я говорю не побочно, вовсе не для того, чтобы обозначить наше окружение — в дальнейшем она сыграла чрезвычайно важную роль в нашей жизни.

Но вернемся к теме моей женитьбы. Кончился наш смешливый медовый месяц, начались будни. Я работал в поте лица; после работы грузил мебель у магазина; там была почасовая оплата, и некоторые грузчики растягивали перевозку, скажем, пианино, на два дня (обивали инструмент поролоном,

сколачивали настилы на лестнице, пенопластом обставляли выступающие углы), а мы с напарником «поддерживая темп» справлялись за пару часов (с помощью специальных ремней, разумеется).

Еще я подрабатывал дворником на двух точках. А что?! Мне не трудно, от меня не убудет, я постоянно закаляю созидательный дух; а в семейном котле лишние деньги не помещают. Хотя какие лишние?! Жена купила мне костюм, задумала ремонт в квартире (наклеить розовые обои, повесить розовые занавески, в ванной заменить белые плитки на розовые)... Как дворнику мне доставалось осенью, зато получал надбавки за листопад. Зимой было проще — давал на бутылку шоферу снегоуборочной машины, а сам только чистил тротуары; опять же — надбавка за гололед.

Ну, а в ту пору (в конце лета после медового месяца) я успел еще кое-что смастерить в квартире жены: починил бачок в туалете, застеклил балкон, где жена устроила мини-сад — в нем красовалась помидорная рассада и вверх растущие по ниткам и ниспадающие растения с розовыми цветами. После этих поделок, которые для меня и не работа вовсе, а так — разминка в перерыве между настоящей работой, жена чмокнула меня в щеку.

— Господи, какой у меня трудолюбивый муженек, совсем не дурной! — пропела и, раскинув руки, закружилась, словно девчонка.

Она гордилась всеми моими делами, и я постоянно чувствовал ее поддержку, даже на расстоянии; и никогда не видел ее кислой — в самые унылые дни она находила радости, какая бы неприятность ни случилась: «Могло быть и хуже, — скажет. — Это Бог нас уберег от чего-то более тяжкого. Главное, мы живы и здоровы», — и засмеется, давая понять, что всякие мелкие неприятности — ничто в сравнении с нашим огромным счастьем.

Как-то я по рассеянности потерял набор любимых отверток, расстроился жутко, а жена невозмутимо пожалала плечами:

— Не стоит расстраиваться из-за ерунды. Главное, не сколько потерял, а сколько осталось. У тебя остался целый ящик замечательного инструмента. Подумаешь, трагедия — какие-то отвертки! Купи новые.

— Такие черта с два купишь, — буркнул я.

— Ты с любыми справишься, у тебя золотые руки, ты можешь все — за это тебя и люблю. В работе — ты почти святой!

Что после этого скажешь? Естественно, я молчал, умиляясь собственным талантом и скромностью.

Про интимную сторону нашей жизни в этот период умолчу; приведу только два примера. Случалось, приду с работы раньше жены, посмотрю на ее фотографию на стене, воспламенюсь, и жду не дождусь, когда она объявится — всего прямо тридцать. Случалось, она посмотрит по телевизору романтический фильм, заведется, выбежит на лестничную клетку, где я что-нибудь мастрячу, схватит за руку и тащит в постель.

Вскоре Марина пошла в декретный отпуск, но дома ни минуты не сидела без дела — всячески обустривала наше «гнездо» и вкладывала в эту работу немало старания (у нас всегда все блестело, и меня всегда ждал ужин из трех блюд), при этом по-прежнему излучала веселье и подпевала мелодиям по радио. Мои приятели, подруги жены, соседки пытались кое к чему придраться, но их потуги уже выглядели жалкими; вскоре они успокоились и потеряли к нам интерес — спустя два года даже не заметили, что наше счастье умножилось (у нас родились сын и дочь). И здесь неожиданно появился интерес другого рода — со стороны Марины к непосредственной соседке-администраторше. Каждый вечер жена (без смеха) выкладывала новости:

— Ее сумасшедший муженек совсем стал дурным, почти не появляется, ночует у другой... Детей жалко, весь день одни, голодные, чумадые.

Наконец однажды сказала:

— Сегодня ее увезли в больницу.

— Кого? — не понял я.

— Соседушку нашу. Увезли беднягу в психбольницу.. Свихнулась...

— Так значит не ее мужья, а она чокнутая, — заключил я.

— Детей жалко, — продолжала жена. — Покормила их, а они: «Тетья Марина, не уходите».

— Ты все слишком близко принимаешь к сердцу, — уклончиво сказал я, а она:

— Давай заберем их к себе, в тесноте да не в обиде, как-нибудь поместимся... пока администраторша в больнице.

Такая затея мне не понравилась, и я высказался в том духе, что у детей есть отец и наверняка есть родственники.

— Отец — одно название! — едко усмехнулась жена. — И никаких родственников нет. А ты бессердечный, бесчувственный, дурной! Неужели тебе не жалко детей?! Я уже решила — завтра же забираю их! Это мой прямой долг... Сейчас они спят, — и с ненавидящим взглядом: — Не сможешь с нами жить, уходи! Проклинаю тебя!..

Меня прошиб холодный пот. Это была наша первая ссора — и сразу непомерно обширная. Не скрою, я сильно разнерв-

ничался, даже с надрывом выпулил ругательство и хлопнул дверью, и направился в свою хибару. «Пусть сходит с ума по мне, рвет на себе волосы, — сказал сам себе. — Будем жить порознь, а время от времени торжественно встречаться. Ради детей и секса». Потом вспомнил — жена давно комнаты сдала — и, уже остыв и продрогнув (дело было в дождь), повернул назад. После глубоких терзаний я решил: в конце концов, администраторша скоро выйдет из больницы и все наладится. Если уж на то пошло, какое-то время и ораву малолеток потяну, ведь я двужильный и у меня золотые руки, как говорит жена — она-то сдувает с меня пыль, возводит в святые, вот только сегодня что-то разошлась.

На следующий день жена привела детей (мальчишек четырех и пяти лет), перетасила их кровати, одежду. Что показательно — до этого пацаны вели себя как дьяволята; пока мать была на работе, болтались во дворе и вытворяли черт-те что: со взрослыми пререкались, сверстникам корчили рожи, могли из озорства бросить песок в таз с выстиранным бельем, и постоянно жужжали, свистели, улюлюкали; с приходом матери (тем более с появлением пьяного отца) становились испуганными, забитыми. Короче, я думал, эти шкеты будут моей большой головной болью, но в новой обстановке они — не то что стали пай-мальчиками — но изменились к лучшему — это факт. Конечно, случалось, затеют с моими ребятами шумную возню, разбросают по квартире весь арсенал игрушек, а то и начнут баловаться с настольной лампой или выключат радиоприемник на самом интересном месте, но после моих внушений больше таких номеров не выкидывали; а когда я рассказал им про электричество и радио, зауважали меня не на шутку.

К жене они и раньше тянулись (еще бы! — с ней был вечный карнавал!), а теперь просто ходили за ней по пятам:

— Тетя Марина, а как вы узнаете нас по стуку? (Они не дотягивались до звонка и стучали в дверь.) Тетя Марина, а давай играть в «казаки-разбойники»!

Жена играла в «разбойников» и «прятки», читала сказки — и все это проделывала с невероятным горением — ей бы стать воспитателем в детском саду, а не бухгалтером — у нее такая же привязанность к детям, как у меня к работе.

Болезнь соседки затянулась: врачи поставили диагноз — шизофрения в тяжелой форме — и объявили, что в ближайшее время о выписке не может быть и речи. Пришли какие-то люди из собеса и предложили забрать детей в детдом, но жена, рассмеявшись, выпалила:

— Им и у нас неплохо, правда, мальчики?

Наши приемыши радостно закивали.

Так я стал главой огромного семейства и в некоторой степени возгордился этим. Первое время мои приятели, подруги жены и соседки недоумевали, тарасились на нас, перешептывались, потом вдруг посыпались тайные подношения — у двери мы находили одеяла, разное барахлишко, деньги без обратного адреса — чтоб не возвращали. Ясное дело, жене доставалось — у одного ребенка простуда, у другого ушибы, ссадины, и у каждого свои проблемы — в них надо вникнуть, объяснить что к чему, плюс домашнее хозяйство: стирка, штопка, обеды, ужины, но все это моя неунывающая жена называла «приятными заботами» и, как и раньше, искрилась весельем и пела, а смех ее даже стал более звонким, прямо-таки чарующим.

— Я всегда мечтала иметь большую семью, — говорила она, обнимая и целуя детей. — До полного счастья нам не хватает еще собачки и кошки. Животные делают наши души нежнее, добрее.

Полное счастье наступило на следующий день — ребята приволокли дюжину бездомных собак и кошек, заполонили весь дом разношерстной лающей и мяукающей братией. Я отобрал из них парочку (собаку и кошку, как хотела жена), остальных приказал отнести во двор.

— Неужели тебе не жалко их? — смешливо прыснула жена. — Всех оставим! В тесноте, да не в обиде. Как-нибудь уживемся.

Нетрудно догадаться, что теперь творится в нашей квартире.

— Это называется семейным счастьем, — говорит жена и заразительно хохочет (веселье в ней прямо бьет ключом), и я с готовностью киваю.

Ну а в остальном у нас понимание и согласие; иногда возникают, конечно, мелкие размолвки, но это второстепенное, так, чепуха. В основном, повторяю, мы живем дружно. Только, странное дело, последнее время опять нет-нет, да и слышу гадости в адрес жены — и когда это пройдет? Наверное, это никогда не пройдет — так уж устроены люди — им больше свойственна зависть, чем восхищение. Женщин раздражает веселость жены, ее легкий, лучезарный характер, то, что она никогда не ноет, не жалуется, и даже не грустит, не впадает в задумчивость, да еще играет с детьми, распевает песенки, танцует — никак не хочет взрослеть. И эти бантики!

— Много воображает! Корчит из себя неизвестно кого! — бросают вслед жене женщины, и дальше сыплют все те же гадости, которые я перечислил в начале рассказа.

Мужчин заедает, что жена не обращает на них ровным счётом никакого внимания, а на их попытки завязать с ней дружбу или — еще чего! — поволочиться за ней — отвечает насмешливым смехом.

— Подумаешь, недотрога, святоша! — недовольно хмыкают мужчины. — А, в общем-то, баба так себе, даже страшная...

А между тем, с тех пор, как у нас появились приемные дети, жена еще больше похорошела — стала просто невероятной, небесной красоты. Само собой, одно дело — женщина как она есть, другое — наше представление о ней; и даже наверняка, совершенная женщина существует только в глазах мужчины, но не разубеждайте меня, не тратьте время попусту, в моих глазах жена — самая лучшая женщина на свете. Ей не было бы цены, если бы не ее чрезмерная жалостливость, высокий градус эмоций — она готова осчастливить все человечество и весь животный мир. Недавно, к примеру, заявила:

— Наше полное счастье будет еще полнее, если мы устроим домашний театр и пригласим детишек-сирот из детдома. И неплохо бы купить за городом участок, устроить там зверинец для бездомных животных. Что нам стоит?! — и, взглянув на меня, священно-трепетно: — Ведь у нашего папы волшебные руки, он может все — только что не разгоняет тучи.

На этом с вами прощаюсь, но не надолго — я уже начал писать продолжение о нашем семейном счастье — как оно стало полнейшим и уже выплескивалось через край.

ПОЕЗДКА НА ДАЧУ

Он был сыном то ли пятого заместителя министра, то ли какого-то референта, я точно не помню, но что помню совершенно точно — он отличался от всех моих знакомых раскованностью, уверенностью в себе, не наигранным безразличием к собственному благополучию, умением красиво тратить деньги и смешивать серьезное со смешным. Он учился в Институте международных отношений, ежегодно проходил практику за границей и жил с родителями в огромной квартире, обставленной такой мебелью, какую я видел только в музеях.

В институт он ходил в фирменном костюме, но, встречаясь со мной — в то время начинающим художником, носившим одежду, как цыган, до полного износа — он надевал выцветшую неглаженую рубашку и потертые брюки. Эти переодевания он устраивал не для того, чтобы не ставить меня, голодранца, в неловкое положение — до высот такого благо-

родства он не поднимался — просто, как многие чрезмерно богатые люди, не придавал значения такой чепухе, как одежда, и вне своего рафинированного учебного заведения, где полагалась приличествующая внешность, позволял себе надевать то, что попадалось под руку. Это была своего рода пресыщенность богатством, некое неприятие всяких условностей, а скорее — желание расслабиться от официоза.

Он был неглупый, способный от природы парень, и в обществе сокурсников, где в основном говорили о предстоящей карьере атташе или консула, об иномарках и зарубежных кинозвездах — да и не говорили, а произносили обтекаемые фразы со стандартными улыбками (боялись стукачей) — попросту изнывал от скуки. Не раз он жаловался, что завидует моей неустроенной «пиратской» жизни. Он тянулся ко мне еще и потому, что имел хобби — изредка занимался живописью. Помню, мы все планировали съездить на этюды, но дальше планов дело не пошло. Однажды даже укатили за город, но за этюдники так и не сели.

В тот день он совершил две ошибки: во-первых, предложил писать пейзаж на ведомственной даче отца и, во-вторых, пригласил за компанию двух сокурсниц, хотя вовсе не был помешан на девчонках — «для творческой атмосферы», пояснил мне. Позднее я понял, почему он так поступил — уже привык вращаться в определенной среде и, несмотря на неприязнь ко многому из того, что его окружало, уже не мог жить иначе, не мог вырваться из четко очерченного круга.

Он заехал за мной на «Чайке» отца — «членовозе», как их называли — огромной машине, похожей на приплюснутый броневик, но сверкающий лаком и никелем, и вышел из машины после того, как шофер предупредительно открыл перед ним дверь. Я не успел и рта раскрыть, как он подтолкнул меня в просторный салон и, когда я плюхнулся на глубокое мягкое сиденье, бросил шоферу:

— На дачу. Но вначале на Кутузовский. Прихватим одних девиц.

— Слушай, — шепнул я ему, — для чего это все?! Договорились поработать, а ты устраиваешь какой-то пикник. И перед шофером неудобно.

— О чем ты говоришь? — Он поморщился. — Пару часов попишем этюды, потом побалдеем. Там отличный сачкодром, и у меня есть завальные диски, подвигаемся.

Несмотря на внушительные размеры, машина двигалась бесшумно и плавно. Я заметил справа от шофера телефон и поинтересовался у приятеля: можно ли из машины звонить в любое место или только в определенное?

— Хоть куда, — хмыкнул приятель, удивляясь моей наивности. — Хочешь, схохмим, брякнем девицам, что ты сын какого-нибудь посланника. Они кадраят только таких, упакованных.

— Ни в коем случае! — запротестовал я. — Вообще ничего обо мне не говори.

— Ладно, — приятель великодушно хлопнул меня по плечу.

Что мне в нем нравилось, так это ироничное отношение к людям своего круга. Как-то он обронил:

— Богатых тянет к себе подобным, они становятся меркантильными, боятся потерять свои деньги... Хотя, если человек неглуп, богатство его не портит. А мне вообще не нужно богатство, я богат духом. И мой дух с художественным уклоном — не зря отец обещал подыскать место атташе по культуре. Интересная работка, между прочим... и на глазах цивилизованного мира.

Он прекрасно понимал, что в жизни, кроме обеспеченности, поездок за рубеж и праздного времяпрепровождения, есть более ценные вещи — иначе не занимался бы живописью; я же говорю — он был умный парень, склонный к творчеству.

Его приятельницы сразу повергли меня в уныние — они были ангелы и принцессы одновременно — и в таких роскошных, открытых одеждах, что я боялся на них смотреть. Они тоже не смотрели в мою сторону, но, понятно, по другой причине — только смерили меня взглядами и сразу поняли, что я за фрукт — так, некий неотесанный довесок к их «утонченной» компании. Усевшись на сиденьях, девицы нарочито высоко закинули ноги, закурили и непринужденно стали обсуждать какой-то закрытый просмотр фильма, потом заговорили о «фирмачах» на выставках, о «штатских шмотках» и «спецпайках» — демонстрировали свою систему ценностей — щеголяли английскими выражениями и разными словечками, принятыми у них в обиходе, вроде: «хипповый парень», «фатальная девчонка»; половину из их болтовни я не понимал вообще — они это чувствовали, и это им явно доставляло удовольствие; они всячески подчеркивали дистанцию между собой и мною, наш разный уровень интересов, свою недоступность для таких, как я.

День выдался жаркий, но шоссе пролегало в сплошном лесу, и в открытые окна врывалась освежающая прохлада. Что меня поразило — до самой дачи (десятка два незаметно промелькнувших сумасшедших километров) — на шоссе не встретилось ни одного грузовика, а редкие легковушки все были иномарками. Повсюду вдоль дороги виднелись знаки «Остановка запрещена». «Похоже, это какое-то закрытое

шоссе», — решил я и мысленно приготовился увидеть огромную дачу, но увидел не просто дачу. Машина свернула на асфальтированную полосу, перед которой стоял знак «Въезд запрещен», и, проехав с километр, остановилась перед каменной оградой, за которой возвышались гигантские, уходящие в небо сосны.

Откуда-то из-за кустов появился человек в сером костюме, чуть ли не строевым шагом подошел к чугунным воротам и нажал кнопку. Ворота раскрылись, и машина вкатила на дорогу, усыпанную мелким керамзитом. Человек в сером торжественно отдал нам честь.

— Наш топтун, — пояснил мне приятель, а я почувствовал страх от незаконности пребывания в таком месте.

По участку машина ехала еще около километра, пока не показалось двухэтажное строение с колоннадой и балконами — оно смахивало скорее на санаторий, чем на дачу ответственного работника.

Нас встретила экономка, маленькая, пухлая женщина.

— Ой, пожаловали! — пропела она, вытирая руки о передник и расплываясь. — Ой, и с девочками! А папенька сами не приедут?

Из-за цветника выглянул садовник, лоснящийся старикан, раскланялся с нами и, обращаясь к девицам, проговорил:

— Барышни, для вас подарок. Распустились голландские тюльпаны. Приготовить букеты сейчас или попозже?

На минуту мне показалось, что я очутился в прошлом веке, в имении какого-то помещика, но мой приятель быстро вернул меня в реальность:

— Сразу пойдем писать? Там, в конце участка, клевый вид, спуск к реке, яхты. Или вот что! Вначале перекусим, отдышимся с дороги.

— Что будете кушать? — с готовностью откликнулась экономка и каждому из нас заглянула в глаза.

— Я только сок со льдом, — меланхолично протянула одна девица. — Хотя нет, лучше... — она назвала что-то экзотическое, кажется, кокосовое молоко или что-то в этом роде.

— А я что-нибудь из фруктов, — сказала другая и со скупающим видом развалилась в плетеном кресле.

Приятель заказал себе и мне пиво.

Стол накрыли в беседке, увитой плющом; мы вошли под свод, и у меня разбежались глаза — на столе сверкала целая батарея бутылок с заграничным пивом и железных банок с прохладительными напитками и три вазы со всевозможными фруктами. Я вел себя как неандерталец — рассматривал

этикетки, смаковал напитки, пробовал то, о чем даже не слышал никогда — всякие грейпфруты, фейхоа... Именно в тот день я попробовал многое из того, чего впоследствии уже не встречал ни в одной компании. Глядя на меня, девицы криво усмехались и прыскали, но приятель — молодец — не переставая подливал мне что-то новое и подбадривал:

— Давай, пей! Вот это повышает жизненный тонус... это расслабляет, снижает нервозность... — И не без юмора добавлял: — А это повышает чувство цвета и чувство ответственности... перед всем цивилизованным миром.

Осоловев от выпитого, я встал и направился к этюднику, который оставил около дома. Меня догнал приятель.

— Подожди, сейчас отведем девиц на корт, пусть покидают мяч. Дадим им игрушку, а сами слиняем к реке. Подожди, схожу за ракетками, да и куревом надо запастись.

Он исчез, а я по подстриженному газону обогнул особняк с целью взглянуть на участок.

За домом начинался настоящий парк; кроме сосен, там, естественно, высились голубые ели, которые разрешалось сажать только у райкомов и на дачах крупных деятелей, и росли какие-то неизвестные мне деревья и кустарники, но все — точно декорации — подрезанные, побеленные от муравьев и на тщательно выверенном расстоянии друг от друга; меж деревьев вились тропы, посыпанные толченым кирпичом. Во всем этом царстве стояла глухая тишина: не пели птицы, не трещали кузнечики, не порхали бабочки — участок выглядел безжизненным заповедником, мертвой зоной. Видимо, деревья подвергались химической обработке и вся живность перебралась в близлежащий лес — это можно было расценить как своеобразный протест против вопиющего богатства.

По одной из троп я вышел к фонтану, миновал оранжерею, какое-то строение непонятного назначения, потом повернул назад и... заблудился. По моим подсчетам, участок занимал гектара три, не меньше.

Вскоре в стороне послышались тугие удары мяча, возгласы приятеля и хохот девиц; я побрел на голоса и через некоторое время очутился около корта, обрамленного заградительной сеткой.

— Присоединяйся! — крикнул мне приятель — он уже был в шортах и выглядел героем голливудского боевика. — Куда ты пропал? Решил шпионерить, да? Не выйдет! Давай бери ракетку. Разомнемся для творческого настроения, потом на этюды.

До этого в теннис я играл всего два раза — случайно на стадионе кто-то дал помахать ракеткой — но, понаблюдав за

приятелем и девицами, пришел к выводу, что они вообще не способны к этой игре и перекидывают мяч только потому, что это престижно, модно.

Взяв ракетку, я вступил на площадку и уже через полчаса, освоившись, с бесшабашным задором переиграл всех своих соперников. После этого девицы стали смотреть на меня благожелательней, а я решил закрепить успех и предложил сходить к реке, но не для того, чтобы красочным этюдом сбить с них спесь — что было бы разумней — а для того, чтобы показать класс в плавании.

— Какая еще река?! — одновременно фыркнули девицы. — Есть же бассейн, — они кивнули в сторону, где за прилизанными клумбами блестела гладь воды.

Приятель повел нас в дом переодеваться.

В холле обстановка была типичной для официального учреждения: кожаный диван и ковер перед ним, пальмы в кадках — то ли живые, то ли муляжи — я так и не разобрал, журнальный столик и, конечно, портрет на стене — в данном случае красовался владелец дачи в парадной форме со множеством орденов. В помещении царила штампованная безвкусица, холодно-чванливый дух.

По мраморной лестнице мы поднялись на второй этаж — открылся длинный коридор, какие-то ниши, уступы, двери.

— Каминная, альков, библиотека, кабинет, — пояснял приятель.

Я плохо разбирался в жилищных пространствах: не знал, что такое альков, чем отличается гостиная от каминной; у меня была всего одна комната, которая служила и столовой, и спальней, и мастерской.

В бассейне приятель проплыл метров пять, и сразу лег в шезлонг загорать, а девицы вообще только окунулись и стали вышагивать вокруг бассейна, демонстрируя купальники-бикини. Перед кем они щеголяли — передо мной или друг перед другом, я не понял. Скорее всего, по привычке. Показушность была их сутью — уж это я понял с первой минуты, тем не менее, не спускал с них глаз, они мне жутко нравились (особенно после того, как переоделись в купальники); нравились не только потому, что были красивыми — это само собой, но и потому, что были из другого, недостижимого для меня, мира. Впрочем, в молодости меня всегда тянуло к стервочкам.

В бассейне я все же показал класс: плавал дельфином и брассом, нырял от стенки к стенке, точно клоун выпендривался перед компанией, пытаюсь обратить на себя внимание, доказать, что многого стою, но все мои старания пошли пра-

хом — приятель дремал, разомлев на солнцепеке, а девицы смотрели в сторону — у них были другие понятия о мужских достоинствах. Правда, после купания одна из них отвесила мне сомнительный комплимент:

— У вас прям дикарский загар.

А другая удостоила меня благосклонной полуулыбкой.

К бассейну подошла экономка и, подобострастно кланясь, пролепетала елейным голосом:

— Ой, и как хорошо отдыхается вам!

— Здесь здоровско, но на Пицунде лучше, — бросила одна из девиц.

— И там хорошо, и тут хорошо, — заученно затараторила экономка. — Здесь деревьев, как в лесу. А какая здесь травка — спокойствие для души. Здесь прямо рай, лучше не придумаешь.

«Что верно, то верно, участки они оттяпали приличные, — подумал я. — И это у заместителя, а какой же надел у министра?»

— А в котором часу будете обедать? — продолжала экономка. — И что будете кушать? Супчик грибной или рыбный, из осетринки? Можно и куриный бульончик сготовить. А на второе есть индейка со сливами. Папенька очень любят. Жаль, не приехали...

— Мне все равно, что есть, — очнувшись, вставил приятель.

Я пожал плечами, а девицы заявили, что вообще-то они на диете, но позднее попробуют «что-нибудь легкое».

До обеда мы так и не выбрались на этюды.

— Подождем пока спадет зной, — сказал приятель. — Да и во второй половине дня там освещение лучше, этакий впечатляющий ландшафт.

Обедали в гостиной за широким овальным столом, над которым висела огромная хрустальная люстра. Во время обеда одна девица рассказала, как недавно болела и лежала в отдельной палате, и как врачи Четвертого управления сбились с ног и досаждали ей вниманием, какие лекарства ей прислали из Америки, а помогла ей... обыкновенная музыка. Не совсем обыкновенная, конечно. Отец подарил ей японский магнитофон-кассетник с записями «Битлз». Вторая девица, чтобы не остаться в долгу, тоже рассказала про свою «личную массажистку», которую к ней «прикрепили». Они прямо-таки устроили конкурс на привилегии. Я вспомнил очереди в своей районной поликлинике, переполненный общественный транспорт, свою «коммуналку» без телефона и горячей воды, и меня вдруг стала раздражать эта компания. Я им не завидовал, я жил в гуще людей, в водовороте жизни и

у меня была цель — стать живописцем, а они, точно отверженные, просто-напросто существовали, пижонскими развлечениями пытались развеять скуку, и цели у них были недостойные, и ценности дурацкие. «Не надо мне никаких благ и привилегий, — рассуждал я. — Свою пиратскую жизнь я никогда не променяю на этот благоустроенный, фальшивый мир».

На десерт подали сливки и разрезанный арбуз, из которого были вынуты все семечки. «И кому только не лень этим заниматься? — подумалось. — Хотя так, наверно, положено по их этикету». Дольки арбуза без семечек меня рассмешили, и на время я перестал злиться на своих сотрапезников. В какой-то момент мне даже стало жалко их, жалко, что они лишены напряженной работы, творчества, поиска и открытий. Для них и настоящее, и будущее было распланировано, упорядочено, они не знали ни потрясений, ни внезапных удач, не умели страдать и искренне радоваться, то есть жили неполнокровной жизнью, а значит, не могли быть счастливыми. В этом и в том, как бедны их духовные интересы, я окончательно уверился в конце обеда, когда девицы изъявили желание посмотреть «какой-нибудь сногшибательный, умопомрачительный детектив».

— Это можно, — лениво протянул мой приятель (его уже прилично развезло от обильной еды и зноя).

Изрядно нагружившись всякими яствами, я тоже чувствовал тяжесть в теле, но все же пересилил себя:

— А мы пойдем на этюды.

Приятель кивнул, но тут же пододвинулся ко мне:

— Ты видел фильмы Феллини?

Я отрицательно покачал головой.

— Хочешь посмотреть? Можно устроить. — Не дожидаясь моего согласия, он направился к двери. — Пойду закажу киномеханику, пусть сгоняет в Белые Столбы. Дам команду! — Он обернулся и подмигнул мне, давая понять, что работает под отца.

Ради Феллини я, естественно, отказался от этюдов. Два часа, пока киномеханик ездил за кинолентами, мы слонялись по дому. Девицы то принимали душ и после него подолгу крутились перед зеркалом в холле, то листали журналы мод. Приятель показывал мне достопримечательности особняка: кабинет отца, библиотеку, «охотничью комнату» с трофеями, добытыми в заповедниках; в какой-то момент он небрежно хмыкнул:

— Все это мишура. Лучше быть последним художником, чем первым начальником, наслаждаться властью и прочее... на глазах цивилизованного мира.

«Кто тебе мешает все бросить и серьезно заняться живописью?» — подумал я. Он словно разгадал:

— Если бы я потянул на последнего художника, давно бы... — и не договорил, видимо усомнился в своем порыве — представил дипломатическое будущее и «культурный» атташе сразу же доложил на лопатки безвестного художника.

Появился кинемеханик, мужчина неопределенного возраста с лицом вырожденца; как и топтун, он был в сером костюме, в отутюженной рубашке и при галстукe — в нестерпимую жару!

— Все выполнено по высшему разряду, — отчеканил он и объявил названия фильмов.

— Вначале детектив! — оживились девицы. — Мы знаем, это клевый фильм.

Приятель взглянул на меня и по моей гримасе заключил:

— Нет, вначале Феллини. А потом вам прокрутят детектив, а мы пойдем на этюды.

Я благодарно поддал ему кулаком в бок.

Мы прошли в небольшой кинозал, и в обществе трех зрителей я впервые увидел фильм Феллини «Дорога». У меня захватило дух от ленты, я был потрясен, но когда зажегся свет, увидел — мои соседки откровенно зевают, а приятель... спит. Они стали мне противны, и, как только свет снова погас, и на экране появились титры второго фильма, я незаметно прокрался из зала.

Покинув участок, я облегченно вздохнул полной грудью и вслух сказал:

— Они себе уже построили светлое будущее, но мне его не надо.

На шоссе, сколько ни голосовал, не остановилась ни одна машина. Так и добрался до города пешком.

НОЧНОЙ ЛИВЕНЬ

Многие любят стрекоз, бабочек и певчих птиц. Это понятно — как не любить такие чудеса природы! Я тоже их люблю, но с детства люблю и навозных жуков, пиявок, тараканов и пауков, и особенно — мышей, лягушек, змей, а с юности — и крыс (как говорил Д. Дарелл, «все животные прекрасны»). По-моему, крысы самые умные животные на земле, совершенно не оцененные людьми, гонимые, вызывающие панический страх, а между тем — заслуживающие всяческого восхищения. И в смысле приспособляемости к среде обитания им нет равных. Не случайно существует прогноз — после атомной войны, если она не дай Бог разразится, уцелеют только они, да еще тараканы.

В умственных способностях крыс я убедился в молодости, когда, не имея прописки, перебивался случайными заработками и ночевал где придется. Как-то две недели коротал ночи в подвале дома, где производился капитальный ремонт; дожидался ухода рабочих, тащил доски в подвал и делал что-то вроде лежака-настила; утром ложе разбирали, чтобы рабочие ничего не заподозрили и не вызвали милицию — за проживание без прописки могли выслать и даже осудить.

В подвале я зажигал парафиновую свечу и готовился к вступительным экзаменам в институт. Однажды прилег на доски, зачитался и не заметил, как у моих ног появилась крыса. Я увидел ее в тот момент, когда решил размять затекшую руку и оторвался от учебника. Крыса сидела на задних лапах и зачарованно смотрела на свечу. Не на меня, на свечу! Только когда я пошевелился, она перевела взгляд на меня и приняухалась, смешно задергав носом, но не испугалась, не спрыгнула с настила, даже позы не изменила.

Некоторое время мы с интересом изучали друг друга. В полутора метрах от меня сидело довольно симпатичное существо величиной с белку, но более пузатое. У существа были розовые лапы, длинный голый хвост и глаза-бусинки. Больше всего меня поразила поза «столбик» — крыса как бы демонстрировала свою бурую шерстку, которая, действительно, выглядела отлично, даже искрилась в темноте. Эта поза, зачарованный взгляд и полуоткрытый рот, за которым виднелись белые зубы, придавали крысе выражение удивления и восторга одновременно.

Я легонько посвистел, давая понять, что готов установить дружеский контакт. Крыса спрыгнула на цементный пол, немного отбежала, но все-таки осталась в освещенной части помещения. Я негромко почмокал и кинул ей кусок хлеба от бутерброда, который припас себе на завтрак. Крыса юркнула в темноту, и я подумал, больше она не появится. Но через полчаса услышал шорохи, взглянул на пол, куда бросил хлеб, и увидел свою знакомую за трапезой. Она ела аппетитно и аккуратно, придерживая хлеб передними лапами, изредка посматривая в мою сторону, а покончив с едой, долго и старательно «умывала» мордочку, то и дело наклоняясь — это я воспринял как раскланивание, некие благодарные реверансы в мой адрес. Закончив туалет, крыса подбежала ко мне на расстояние вытянутой руки, вся подалась вперед, привстав на носки, и пискнула.

— Что ты хочешь, красавица? — спросил я, немало удивляясь мужеству ночной визитерки — наверняка я для нее представлялся неким ископаемым чудищем. «Впрочем, — подумал я, — может быть, она уже привыкла к людям, а может, и вовсе ручная».

Крыса пискнула вновь, и до меня дошло, что она еще просит еды.

— Ладно уж, — пробормотал я, — в честь нашего знакомства, так и быть, — и щедрым жестом протянул крысе ломтик сыра.

Она попятилась, но, учуяв лакомство, осторожно подошла вновь; долго водила носом из стороны в сторону, шевелила тонкими усами, сопела, но брать сыр из рук не решалась. «Возьмет, когда привыкнет», — подумал я и бросил ломтик на пол.

Самое интересное началось после того, как крыса слопала сыр. Видимо, не часто ей доставались такие деликатесы и, как бы благодаря меня за пиршество, которое я ей устроил, она начала... танцевать! Винтообразно крутиться на одном месте, при этом искоса посматривала на себя, как бы любуясь своей грацией. Это было потрясающее зрелище — я даже протер глаза, чтобы удостовериться, что мне не снится это представление.

Оттанцевав, крыса спохватилась, что забыла «умыться» и стала торопливо лизать лапы и гладить мордочку. А потом эффектно попрощалась со мной — сделала великолепный высокий прыжок и исчезла в темноте.

Она появилась и на следующую ночь. На этот раз я угостил ее двумя кружками колбасы, заранее купленной специально для нее. Первый кружок она съела с пола, а второй, неожиданно даже для меня, взяла из руки — быстро схватила и отбежала в сторону.

Снова, как и накануне, после ужина, вернее полуночной трапезы, она сосредоточенно «мыла» мордочку и живот и бока, и все время смотрела на меня, желая убедиться, что ее ритуал чистоплотности не останется не замеченным. А потом она вновь «вальсировала» и, как и в предыдущую ночь, красиво покинула мою обитель.

На третью ночь Лина, как я назвал крысу, привела детенышей — пять юрких крысят, которые, пугливо озираясь, робко, чуть ли не на животах подползли к лежаку. Я не считывал на такую ораву, и пришлось два бутерброда, которые у меня имелись, делить на шесть частей. Но неожиданно Лина свою долю есть не стала, даже отошла в сторону, давая понять, что уступает еду детям.

Перекусив, крысята с невероятной быстротой обследовали помещение, убедились, что в нем нет ничего опасного, а у их матери со мной вполне дружеские отношения и затеяли невероятную возню. Они с писком носились из угла в угол, хватали друг друга за хвосты, кувыркались, вытворяли немислимые акробатические прыжки.

Лиана внимательно наблюдала за этими играми. Иногда бросала на меня взгляд, полный гордости за таланты своих отпрысков, но если кто-либо из них забывался и начинал вести себя, по ее понятиям, чересчур неприлично или слишком больно кусал собрата, подскакивала и трепала проказника за загривок. В этом воспитательном этюде я заметил один немаловажный нюанс — после трепки крысенок некоторое время лежал на спине, задрал лапы вверх, как бы извиняясь перед матерью за свой проступок, а позднее, включившись в игру, вел себя уже намного тише.

«Не мешало б людям перенять подобное поведение, — думал я. — А то мать отчитывает ребенка, а он огрызается». Кстати, наблюдая за крысиным семейством, я сделал немало и других, быть может, сомнительных, выводов. «Говорят, крысы разносят заразные болезни, — размышлял я. — Но ведь если что-то есть в природе, значит, оно и должно быть, значит, эти болезни что-то уравнивают... Говорят, крысы нападают на человека. И правильно поступают, если человек хочет их убить. Они защищаются, борются за жизнь. Надо уважать смелых, достойных противников!»

Через несколько дней крысята настолько освоились в подвале, что стали бегать и по мне; они уже появлялись, когда я подавал условный сигнал — переливчатый свист, а Лиана отзывалась и на кличку; я уже всех крысят различал «в лицо» и даже принимал некоторое участие в их играх: подкидывал на пол шарики из бумаги, щепочки, а иногда пугал, издавая «мяуканье» или собачий лай, чтобы крысята не теряли бдительность.

И вот в этот пик нашей дружбы, объявился глава крысиного семейства — тощий, весь в шрамах, крыс. Это был серьезный, крайне недоверчивый тип. Похоже, наученный горьким опытом общения с людьми, он ни разу не приблизился к моему лежку и даже не вышел на середину подвала. Недолго постоит в темном углу, пристально осмотрится и уходит. Но как только он появлялся, Лиана подскакивала к нему и с немым обожанием взирала на своего благоверного. Казалось — она готова выполнить любое его поручение, он был для нее

гением, не иначе. И крысята моментально прекращали игры, тесно окружали отца и, расталкивая друг друга, пытались дотянуться до него, ткнуть носами его лапы, как бы засвидетельствовать глубочайшее почтение.

Он появлялся всего два раза; оба раза я делал попытки наладить с ним хотя бы приятельские отношения, подходил с колбасой и сыром, но он сразу пресекал мои потуги: угрожающе пронзительно пищал и выставлял лапы вперед, — показывал, что может цапнуть за руку.

В одну из ночей крысы не появились. «Странно», — подумал я, а под утро проснулся от бульканья — весь подвал был затоплен, около лежака плавали мои ботинки. Когда прошел ливень, я не слышал — в те дни сильно уставал от мытарств и спал крепко; час-другой покорплю над учебниками, пообщаюсь с крысами и отключаюсь.

Я вышел из подвала как обычно, часов в семь, сложил доски у забора и вдруг увидел в мутной канаве, среди водоворотов и размытой травы, плывут мои крысы: впереди крыс, за ним Лина, за ней, словно живая цепочка, крысята. Они благополучно пересекли канаву и начали отряхиваться на глинистом склоне. Я поприветствовал их свистом, и они явно узнали меня, несмотря на то, что мы впервые встретились вне подвала и на свету. Узнали меня по свисту — на секунду перестали отряхиваться, принюхались, вытянули мордочки и снова спокойно продолжили «отряхивание».

К вечеру вода в подвале спала, но крысы появились только на следующий день, когда цементный пол просох. У нас была замечательная встреча: крысы долго смаковали мои съестные припасы, а потом мы долго играли, очень долго, как никогда.

Рано утром меня разбудил грохот грузовика. Выглянув в проем двери, я увидел двух мужчин в «спецовках»; перекидываясь смачными словечками, они разбрасывали вдоль фундамента куски мяса.

— Заодно потравим и собак, и кошек, — донеслось до меня. — Развели, мать твою, всякую нечисть... Людям жрать нечего, а они собак колбасой кормят... Ловили б крыс, да кормили б ими... Они жирные твари... Боятся крыс-то, мать твою... нас вызывают... Без нас крысы их всех пожрут...

Разбросав мясо, мужики сели в «газик» и уехали.

Я выскочил из подвала и начал лихорадочно собирать отраву. Собрал все куски, закопал в яме, сверху обложил кирпичами, а вечером выяснилось — все же дал маху.

Подходя к подвалу, я стал свидетелем жуткой сцены: Лина с крысятами вертелась вокруг куска мяса, но к нему их не допускал крыс. Вялыми движениями, заваливаясь на бок, он отгонял свое семейство, отгонял из последних сил. Было ясно — он уже отведал отраву. Мне осталось несколько шагов до места трагедии, когда его забила судорога, он опрокинулся на спину и затих.

Отгонять Лину с крысятами не понадобилось — она сама все поняла — раскидала крысят, что-то зло пропищала и куда-то увела своих несмышленишек.

Больше она не появлялась. Может быть, нашла другое, более безопасное жилье, может, посчитала, что я причастен к смерти ее крысы, может, просто решила не доверяться мне больше, поскольку я, хотя и друг, но все-таки представитель самой жестокой касты на земле. Почему именно — не знаю.

ГОЛЛАНДСКИЙ ПЕЙЗАЖ С ВЕТРЯНОЙ МЕЛЬНИЦЕЙ

РАССКАЗ

После смерти жены у генерал-лейтенанта Митрофанова изменился характер. Он стал угрюм, придирчив, нетерпим, любая мелочь выводила его из равновесия. Ивана Игнатьевича раздражал сын, раздражала невестка, а временами и внучка, студентка МГУ, которую он нежно любил.

В начале августа Даша вернулась из туристической поездки в Турцию с серебряным колечком в ноздре. За завтраком Иван Игнатьевич спросил внучку:

— Что означает сей амулет у тебя в носу?

— Пирсинг. Сейчас это модно. — Даша была плотная, светловолосая, щекастая — вся в бабушку.

— Занятно. Вы переняли моду у аборигенов острова Мадагаскар. Кажется, они еще разрисовывают красками лица и носят набедренные повязки.

— Да ладно тебе, деда! Нужно быть хоть чуточку толерантным, сейчас не советское время.

Иван Игнатьевич, густо побагровев, стукнул кулаком по столу и закричал севшим от волнения голосом:

— Советское время не тронь! При всех издержках старшими поколениями было сделано то, на чем вы сейчас благополучно паразитируе-

ПРОЗА

те. Россия была великой державой, а сейчас... — Он швырнул салфетку на стол и, грузно ступая, вышел из столовой, слыша за спиной истерический смех невестки.

Последние годы Иван Игнатьевич с женой жили на даче в Голицыне. Теперь он и представить не мог, что будет одиноко сидеть в саду на той самой скамейке, где сидели с Настей. Неужели это было? Начало марта, капель, синие тени на снегу, розовые, подсвеченные солнцем сосульки, звонко тенькают синицы. Настя в его старом армейском полушубке, валенках с галошами и красной вязаной шапочке внучки, освежавшей ее поблекшее лицо. Или осень: шуршат листья, яблоки с тупым звуком падают на крышу сарая, белка скачет по веткам облетевшего орешника....

Дачу, сложенную из добротного бруса, он купил в конце восьмидесятых, обустроил по-своему, газ провел, воду, канализацию. Две спальни, столовая, кухня, просторная веранда. Имелись и банька, и гараж. Зимой тепло, летом прохладно. Настя душу вложила в сад, теплицы, огород. Овощи и фрукты всегда свои. В погребе банки с соленьями и вареньями — по ранжиру, как перед приемом инспектирующих лиц. И все вдвоем. Сын с невесткой приезжали редко, в саду звенел голосок внучки, которая тоже ковырялась в земле лопаточкой. Иван Игнатьевич телевизор смотрел редко, из газет предпочитал «Советскую Россию», встречался только с ветеранами, да и то нечасто. Все новости: тот умер, тот тяжело заболел. Один бахвалился, другой жаловался на судьбу. Свет в окошке — Настя, нужным словом поддержит, молчанием укоротит его нрав. Если болел, слушал только ее, докторам особенно не доверял.

Ушла она тихо, во сне. Проснулся, а Настя уже остыла.

Иван Игнатьевич не вышел к обеду. Даша, приоткрыв дверь кабинета, звала:

— Деда, иди кушать. Прости меня, дуру, если я тебя обидела. Честно, я уже не помню, что и сказала.

— Спасибо, милая, я на тебя не сержусь, есть что-то не хочется.

Не вышел он и к ужину. Примчался с работы встревоженный сын.

— Батя, ты заболел? — спросил он, помаргивая, всегда моргал, когда нервничал.

— Что вы все переполошились? — проворчал генерал. — Просто не хочется есть. Во мне и так лишних двадцать килограммов. Не обращай на меня внимания

Георгий пошел не в отца, тихий, узкоплечий, сутулый — сказалась гарнизонная жизнь. Волос у него был крепкий, отцовский, но он зачем-то брил голову, что придавало ему сиротский, неприкаянный вид. Окончил он исторический факультет МГУ, но работал в страховой компании. Средний, не очень удачливый чиновник. Весь дом был на нем и Даше. Невестка Марина — синхронная переводчица, моталась по границам.

Огорченный сын вышел. Наступила тягостная ночь. Август стоял прохладный, то и дело срывались дожди, а потом вдруг обрушилась жара, и пришлось включить кондиционер. После смерти жены Митрофанова мучила бессонница. И сегодня он лежал без сна и с горечью думал, что раскис, утратил лицо, и его старческое брюзжание всем надоело. Удивительно, как домашние еще терпят его. Ну что он вспылит за завтраком? Девочка хочет быть модной. Разве она виновата, что мода дурацкая? Обиделся, дурень, за советскую власть, а что Даша знает о том, ушедшем времени? Он, генерал Митрофанов, возвел бетонный забор между собой и самыми близкими людьми, вроде берлинской стены. Настя бы осудила его, осудила, как всегда, молча, не подавая виду. Но куда деться от душевной пустоты, от одиночества? Ведь это хуже, чем боль в сердце.

По Фрунзенской набережной катили автомобили, от света их фар по потолку веером разбегались разноцветные блики. Часам к трем, когда начало развидняться, блики погасли, в окна затекал странный зеленоватый свет, отчего картина, висевшая на стене напротив дивана, на котором он теперь спал, вдруг ожила, море за ветряной мельницей стало серебристым, ему даже показалось, что крылья мельницы вращаются, и оттуда, из картины, потянуло прохладным ветерком.

Месяца четыре назад Настя, глянув на картину, сказала:

— А почему бы нам не поехать в эту страну ветряных мельниц. Я всю жизнь мечтала. Теперь ведь можно. И деньги есть. Не хватит, дети помогут.

Иван Игнатьевич озадаченно посмотрел на жену:

— Денег хватит. Моя книжка третьим тиражом выходит. Только не поздно ли ехать, мать? Годы-то серьезные, скоро восемьдесят. Да и здоровье...

— Потом и совсем поздно будет, Ваня. А мы тихонечко, палочки возьмем. Грустно, когда мечта не сбывается.

Голос жены так отчетливо прозвучал в кабинете, что Иван Игнатьевич сел, прислушиваясь, как тяжело, устало ворочается сердце. С тоской подумал: «Надо же, и паспорта оформил, и турфирму подыскал. Амстердам да разные города. Не

обязательно же на все экскурсии ездить... И все прахом. Ах, Настя, Настя: «Грустно, когда мечта не сбывается».

По набережной Москвы-реки с грохотом прокатил грузовик, скорее всего мусоровоз.

«А почему, собственно, не сбудется мечта? — с внезапным ожесточением подумал он. — Я-то еще жив. Вот и поеду, исполню Настенькин наказ. Махну в страну ветряных мельниц. Я ведь еще хоть куда. Седые волосы только на висках. Разве что пузо? Да и черт с ним».

Генерал откинулся на подушку и мгновенно уснул. Проснулся от тишины в доме. На журнальном столике лежала записка: «Деда, ты так храпел, что перепугал Гошу. стыдно, испортил птицу. Теперь Гоша храпит и не хочет разговаривать. Я — в университете. Завтрак на столе. Целую, Даша».

Иван Игнатьевич глянул на часы: четверть двенадцатого. Из столовой доносился мощный храп. Говорящий попугай Гоша легко воспроизводил любые звуки. Неделю зудел электробритвой, которой брился сын. А теперь вон что учудил.

Когда вечером Иван Игнатьевич заявил сыну, что собирается в туристическую поездку, тот минуту с изумлением смотрел на него, глядя бритую голову и помаргивая. Наконец спросил:

— И куда?

— В Амстердам.

— Круто! Ты хоть представляешь, что это? Самолет, перезды, гостиница. При твоём-то сердце. Лучше бы к врачу сходил.

— К психиатру, что ли? Котелок у меня еще варит. И не перечь, это наказ твоей покойной матушки Анастасии Павловны. Мечты обязательно должны сбываться. Или вам, страховщикам, сия истина неведома?

— Да ладно тебе, я серьезно.

— Я тоже серьезно. Американские столетние старухи по всему свету шастают. Я что, хуже? Паспорт в наличии, турфирма солидная.. И недалеко, на Гоголевском бульваре.

— Опа-на! Значит, все схвачено?

— А ты как думал?

— Понимаешь, батя, у нас в конторе закрутка, я сопроводить тебя не смогу.

— А мне поводырь и не нужен.

— Бабло я тебе отстегну, но не знаю, не знаю...

— Зато я знаю. И язык-то укороти. На этом поганом жаргоне уже твоя дочь говорит. А ведь будущий литературовед или преподаватель русского языка и литературы!

— Батя, а ты, случаем, не выпил?

— А если и выпил, то что?

Жорик улыбнулся, посветлел:

— А может, и к лучшему. Встряхнешься, по крайней мере.

— Вот это другой разговор.

В последний раз в Европе он был в самый разгул перестройки, его в качестве консультанта включили в состав делегации на переговорах с представителями НАТО. Определенную роль сыграло и его знание немецкого языка. График работы был плотный, Брюсселя он практически не увидел, удалось выкроить часок, чтобы побродить по знаменитой площади Гранд-плац и выпить в уютном баре кружку превосходного бельгийского пива.

Амстердам поразил своей необычностью. В городе, расщепленном каналами, было нечто загадочное, он словно явился из сказки, иллюстрированной старыми голландскими мастерами. Дома и совсем узкие домики с фасадами, выстроенные в форме традиционной для Голландии лестницы, узкие пешеходные тротуары и широкие полосы для велосипедистов, каналы с темной, застойной водой, баржи, превращенные в жильё, украшенные горшками и кадками с геранью, катера, яхты, моторные лодки и повсюду велосипедисты. Тысячи велосипедов, приставленных к чугунным оградкам каналов, укрепленных на бесчисленных мостах, разнообразных плавсредствах и даже автомобилях. В воздухе плыли перезвон и треньканье велосипедных звончков. Ручейки велосипедистов сливались в потоки, вытесняя автомобили, людей, жавшихся к стенам домов.

В Амстердаме торжествовал культ велосипеда. И если бы в сером, с набрякшими тучами небе вдруг появился велосипедист в серебристом шлеме, бешено вращавший педали, Иван Игнатьевич, наверное бы, не удивился — в сказочном городе все возможно. Как жаль, что Настя никогда этого не увидит.

Митрофанову понравился отель, расположенный в старой части города, с чистым, уютным номером и превосходной сантехникой, понравился и гид Дима, молодой русский парень, родом из Казахстана, свободно владевший фламандским, немецким и французским языками, знавшим историю едва ли не каждого дома в Амстердаме, каждого памятника. И туристы в группе подобрались солидные: пожилой профессор с супругой, известная балерина, писатель-историк, молодые бизнесмены средней руки, державшие себя сдержанно и достойно.

Обзорная экскурсия по городу завершилась путешествием на прогулочном теплоходе по каналам. И опять мимо по-

текли осклизлые, потемневшие от времени каменные стены каналов, церкви, дома, сплавленные в единое целое, узкие, напоминающие трещины улочки. Кое-где дома покосились — город стоял на дубовых сваях, привезенных из Скандинавии и России, сваи подгнивали, грунт проседал, его выравнивали — это была нечеловечески упорная борьба за каждый метр земли. В салоне гудели голоса гидов, пошел дождь, на фоне серо-стального цвета яркими оранжевыми пятнами проступали встречающиеся повсюду горшки с геранью, казалось, они висят в воздухе. Пятна расплывались и гасли во влажной сутеми. Временами мосты нависали так низко, что гиды предупреждали туристов, суетившихся на открытой корме с видеокамерами и фотоаппаратами, чтобы они не высовывали головы. Внезапно теплоход вырвался из теснины каналов на ветреный простор гавани, и словно по команде выкатило солнце, окрасив воду и небо в голубой цвет. Слева, в легкой дымке, проступало странное сооружение, напоминающее военный корабль, оказалось, что это музей новых технологий, рядом красовался старинный парусник, воссозданная копия голландского корабля чуть ли не двенадцатого века.

На другой день Дима предложил туристам съездить на побережье Северного моря в город Зандам. «Вы увидите подлинную Голландию, какой она была несколько веков назад с домиками на сваях, ветряками, попробуете местный сыр, а рядом, в Воллендаме, вас ждет свежая, только что выловленная, рыба и угри», — сказал он.

Митрофанов уснул только под утро, чувствовал себя неважно, но все же поехал. Пока за окном тянулись зеленые холмы, перебиваемые небольшими городками с каменными домами терракотового цвета, он подремывал в кресле, временами вздрагивая во сне. Через час автобус припарковался на стоянке. Иван Игнатъевич тяжело спустился по ступенькам автобуса, и сразу повеяло запахом моря, скошенной травой, впереди показался ярко-зеленый луг с черно-белыми коровами, за ним лезвием ножа проступила полоска залива. Какое-то время туристы шли по гулкому деревянному тротуару, слева и справа темнела, пузырилась вода, по ней скользили гуси и утки. Митрофанов старался не смотреть по сторонам, — у него слегка кружилась голова. Наконец показались домики на сваях, в которых, по словам гида, жили рыбаки. У домов небольшие палисадники все с той же геранью, старинная утварь, какие-то медные чаны, рыболовные снасти. За тусклыми оконцами домов никаких признаков жизни. Все это напоминало декорации, какие Иван Игнатъевич видел

на киностудии «Мосфильм», куда его пригласили консультантом. Снимался фильм о войне в Афганистане.

День выдался чудесный, солнечный. В магазин, где продавали сыр местного изготовления, он не пошел, присел отдохнуть на скамейку. К нему тотчас подошел гусь, крепенький, с литым клювом, деловито крякнул и усталился на генерала желтыми глазками. Иван Игнатьевич усмехнулся: «Что, брат, гостинец тебе подавай?» — достал из кармана заранее припасенный круассан (гид предупредил, что можно будет покормить животных и птиц), отломил кусочек и бросил гусю, тот мгновенно его проглотил и воинственно замахал крыльями. Мимо по мосточку прошествовала группа поляков, они громко переговаривались, хохотали. Гусь устремился к ним.

Митрофанов откинулся на деревянную спинку скамейки, вытянул ноги, огляделся и вздрогнул: неподалеку на желтом откосе стояла старинная ветряная мельница, рядом прилепились два домика, за ними начинался наполненный светом залив, точь-в-точь, как на той картине, которую так любила Настя...

Ночью у Ивана Игнатьевича случился сердечный приступ. Он привычно сунул под язык две гранулы нитроглицерина и с горечью подумал, сколько хлопот принесет родным, если умрет в отеле на чужбине. За окном стояла непроглядная тьма. Боль за грудиной постепенно отпустила, Митрофанов задремал, и ему приснилась Настя, но не та, постаревшая, с седыми волосами, а юная, в простеньком платье в горошек, какой впервые увидел он на выпускном балу в военном училище, и даже ощутил пугающе-скользкую поверхность паркета, по которому пересекал зал, направляясь к ней, чтобы пригласить на танец.

Они были одногодки, и судьбы у них были схожими. Она окончила библиотечный институт, ждала распределения, он уже знал, куда едет, — состоялся приказ: Туркестанский военный округ. Кушка, командир взвода мотострелкового полка. Родители Насти умерли в блокаду, воспитывала ее тетка, жили в коммуналке в старинном доме, глядящем окнами на набережную Фонтанки. Иван родителей помнил смутно, они погибли в первые дни войны под Могилевом, его чудом спасли, дальше — эвакуация, детский дом, суворовское училище в Калининe, военное училище в Ленинграде — путь многих мальчишек, обожженных войной. Они поженились через месяц. Настя в качестве приданого принесла небольшую картину маслом в позолоченном, местами потрескавшемся багете, ту самую, с ветряной мельницей. Настя утверждала,

что картина принадлежит кисти старинного фламандского художника и стоит немалых денег, но они не расстались с ней даже в самое трудное время: единственная память о родителях Насте и оберег, сопровождавший их в бесконечных переездах.

Весь скарб молодоженов уместился в двух дешевых фибровых чемоданах, был еще узел с постельным бельем и картина, тщательно упакованная в картон и оберточную бумагу.

Раскаленная Кушка, скрип песка на зубах, насквозь пропотевшая полевая форма, вечернее бульканье арыков, москиты, пендинская язва, змеи, скорпионы, мохнатые фаланги, узкие улочки, подслеповатая глинобитная хижина, где их разместили, и горы, стекающие в пустыню. Там, в хижине, и родился сын — Настю не успели доставить в медсанбат. Нарекли его Георгием в честь маршала Георгия Константиновича Жукова. Первое время Жорик спал в чемодане. Чемодан стоял на столе, ножки стола мокли в кастрюлях с водой, чтобы разная ядовитая дрянь не залезла. Потом комбат подарил лейтенанту освободившуюся детскую коляску. Над коляской — картина, голландский пейзаж с ветряной мельницей. Когда было особенно жарко, Настя подходила к ней, всматривалась и говорила: «А там, в Голландии, сейчас прохладно и дождик идет». От ее слов Ивану и впрямь становилось прохладней.

Из Кушки лейтенанта с семьей направили служить в Сибирский военный округ. Из огня да в полымя. Военный городок тонул в снегу, от морозов трещали деревья. Люди ходили по пробитым в снежных заносах траншеям, только головы видно. Настя ни разу не попрекнула мужа, хоть и видела его редко. Всегда прибранная, ребенок ухожен, обед и ужин вовремя. Ухитрялась и в гарнизонной библиотеке работать, благо все рядом, и лекции о новинках литературы офицерам и солдатам читать. А когда становилось неважно, подходила к картине и говорила: «А в Голландии и снегу-то, наверное, нет. День, другой полежит и растает. Это на картинах у Брейгеля на коньках по каналам катаются. Нынче климат в Голландии изменился».

Служба у Ивана шла хорошо, звания досрочно, поощрения, продвигался по службе быстро. Рослый, статный, светлые волосы всегда подстрижены, голос, как иерихонская труба, требователен был, порой суров, но справедлив, офицеры и солдаты его любили. Спал по четыре часа в сутки, нужно было наверстать то, чего не добрал в училище. В срок — академия Фрунзе, два года в столице, комната в общежитии на Плющихе, жили весело, все успевал подполковник Митрофанов,

и учиться, и по музеям и театрам ходить, и с сыном заниматься. Без Насти бы не справился. А какие дружеские пирушки устраивали! Во время Афгана Иван Игнатьевич уже дивизией командовал. Строптивный комдив не боялся пережить начальству, боевые задачи решал по своему тактическому разумению, зато и потери в его дивизии были минимальными. Генеральское звание, боевые награды, академия Генерального штаба. Академию Митрофанов окончил с золотой медалью, ухитрился даже за два года учебы кандидатскую диссертацию защитить. Какое-то время служил в штабе Группы советских войск в Германии, там и немецкий язык поднял. Но служба в штабе не нравилась, что-то уже назревало, многие генералы, офицеры и прапорщики стремились к одному — обогатиться. К таким хапезникам Иван Игнатьевич относился с брезгливостью... Иные наступали времена. А тут звонок из Академии Генерального штаба: не согласится ли кандидат военных наук пойти на должность старшего преподавателя? Командные кадры тоже кому-то готовить нужно. Обстановка в группе войск складывалась скверная. Иван Игнатьевич подумал, посоветовался с Настей и согласился. И никогда потом не жалел, что не пошел по командной линии. И не Москва его привлекала, не квартира на Фрунзенской набережной, а военная наука, наука побеждать. Через три года стал начальником кафедры.

Перестройку принял с надеждой, нужен, нужен освежающий ветерок. Вскоре понял: не то. Точку поставил мордатый премьер: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Потом августовские и октябрьские события, расстрел парламента, вечно полупьяный, слетевший с гвоздя президент, пустобрехи на телевидении. Армия, которой он отдал всю жизнь, разваливалась на глазах. Иван Игнатьевич вышел на пенсию, несколько лет проработал в академии гражданским преподавателем, не выдержал и укатил с верной подружкой на дачу, отгородился садовым штакетником от чужого и враждебного мира. Образовалось пустое время, которое позволило, наконец, засесть за книгу, которая давно уже отлеживалась в голове. Опыт военного аналитика немалый, есть что сказать, а главное, предложить разумные подходы к грядущей реформе в российской армии. Книга вышла большим тиражом, новому руководству она не понравилась, зато уж военный люд восторженно, посыпались письма в издательство с просьбой увеличить тираж. Пришлось снова садиться за стол, готовить дополненное издание. Настя, верный друг, помогала править рукопись, навострилась писать на ноутбуке. В чetyре-то руки сподручнее.

Утром Митрофанов неохотно позавтракал, отказался от экскурсий, посещения музеев и весь день пролежал в номере. Вечером, когда пали сумерки, решил пройтись по городу. Хорошо догадался прихватить зонт-трость: временами накрапывал дождичек, в сером воздухе висела морось. Гомонящая толпа туристов выплеснула его на оживленную улицу. Он не сразу догадался, что это и есть знаменитая улица Красных фонарей. В ярко освещенных витринах стояли, сидели, лежали женщины в мини-купальниках. Временами они меняли позы, мертвенно улыбались, зазывая клиентов. Женщины были на все вкусы, разных возрастов — от юных прелестниц до солидных матрон. В одной из витрин он увидел женщину лет шестидесяти, тяжелые груди едва прикрывал узенький бюстгальтер, ей, наверное, было трудно стоять, она сидела на стуле, широко расставив ноги, дряблый живот свисал на бедра. Все это напоминало мясную лавку, где в витринах выставлены свиные и говяжьи туши. Иван Игнатьевич содрогнулся от отвращения. Во рту пересохло. Он решил выпить бокал пива. Дверь кафе была распахнута, в глубине брэнчала музыка, мелькали тени. Митрофанов вошел и оторопело огляделся — кругом одни мужчины. Двое за стойкой бара целовались. Твою мать, притон гомосексуалистов!

Иван Игнатьевич не помнил, как оказался в сыром, плохо освещенном переулке, разглядел у дерева скамейку, на которой сидела старуха, опираясь руками и подбородком о палку. У Митрофанова опять стало покалывать сердце, ноги казались ватными. Он неуверенно пробормотал по-немецки:

— Мадам, можно присесть?

— Да, конечно, — отозвалась она неожиданно ясным голосом и вроде бы взглянула на него с интересом.

«Неужели и эта?» — испуганно подумал он. В ушах звенело. Сил встать и уйти не было.

После продолжительного молчания старуха спросила:

— Простите, вы берлинец?

— Почему вы так решили? — удивился Иван Игнатьевич.

— По произношению. Я знаю почти все немецкие диалекты. Единственный город, где сохранилась подлинно литературная речь, — Дюссельдорф.

— Я — русский, мадам.

— Поразительно, — сухо рассмеялась она. — Никогда бы не подумала. У вас внешность и манеры типичного бюргера.

— Это нужно принять за комплимент?

— Не сердитесь. Я вижу, вам нехорошо. У меня с собой аптечка. Есть таблетки от сердечных спазмов.

— Если вас не затруднит... Я забыл лекарства в номере.

— Вот, возьмите, положите под язык и расслабьтесь. Возможно легкое головокружение.

— Спасибо.

Через несколько минут сердце отпустило. Справа, за горбатым мостом, его ограда четко проступала на фоне ярких сполохов света, жила, бурлила улица Красных фонарей.

— Не правда ли, отвратительное зрелище? — спросила старуха.

Иван Игнатьевич вздохнул:

— Не понимаю. Не понимаю и не могу принять. Я несовременный человек, мадам. Всю жизнь я любил только одну женщину — свою жену. Реликт, ископаемое.

— Ну почему же? Я тоже несовременна: любила мужа и еще сына. У вас есть дети?

— Сын. Взрослый сын, невестка и внучка.

— Значит, вы счастливый человек, не одиноки.

— Но внутреннее одиночество! Куда от него деться?

— Терпеть. Бог велел терпеть. В Амстердаме семьсот тысяч жителей и половина из них одиноки. Вы верите в Бога?

— Как вам сказать...

— И не говорите. К вам это придет, снизойдет как благодать. Я прихожу сюда молиться.

— Молиться здесь! И о чем?

— О заблудших душах. Я вижу, вы потрясены видениями улицы Красных фонарей. Да, это Содом и Гоморра. Бог покарает грешников. Так уже было, сказано в Библии, так и будет. Эта улица отняла у меня последнее — сына. Я молюсь и за его душу. Талантливый художник, своя студия. Ранняя известность погубила его, он стал постоянным посетителем этой улицы. Ладно бы продажные женщины, я молюсь и за них, но на улице Красных фонарей есть так называемые кафе-шопы, где с разрешения властей курят марихуану. Марихуана — только начало. За ней идут более серьезные наркотики, героин и прочая гадость. Мой сын погиб от передозировки. Славный, талантливый мальчик. Я не смогла спасти его. С той поры я прихожу на эту проклятую улицу и молюсь. И Бог услышал мои молитвы.

— Услышал?

— Да, услышал. Улицу Красных фонарей скоро закроют. Небольшая победа, но все же... Я не обольщаюсь, открывают новые капища грехов, но Бог сотрет и их, обратит в пыль. Я слежу за тем, что происходит в России. Разве у вас лучше?

— Вы правы, наркомания, как злой вирус, ворвалась в страну.

— Да, да, как злой вирус, мировое поветрие, — старуха вздохнула: — Бороться с наркоманией трудно, почти невозможно. Остается одно — молиться, молиться до последнего вдоха. Мы уже отжили свое, а молодые? Отбросьте гордыню, перестаньте думать только о себе, спасайте близких. А главное — любите их. Бог есть любовь. Я богата, у меня большой дом, два автомобиля, шофер, горничная, но каждый вечер на согбенной спине я несу сюда свой крест. В этом единственный смысл моей уже никому не нужной жизни.

Старуха взяла руку Ивана Игнатьевича, пощупала пульс:

— Частит. Сейчас я позвоню своему шоферу, он доставит вас в отель.

— Спасибо, здесь недалеко.

— Тогда храни вас Бог.

У Митрофанова по-стариковски задрожал подбородок, он встал и медленно пошел к мосту, в голове тупо колотилось: «Вот тебе и страна из сказки... Пейзаж с ветряной мельницей». Наконечник зонта-трости звонко цокал по вымощенной камнем мостовой, словно часы, отсчитывающие секунды.

НЕ В БРЕВНАХ, А В РЕБРАХ...

ПОВЕСТЬ

Есть на тульской земле возле г. Плавска село Синявино (в повести — Савино). На первый взгляд обычное русское село, каких многие тысячи. Но есть у него и «особинка». Именно это село, по народной молве, явилось прообразом Колотовки из рассказа И.С.Тургенева «Певцы», где схлестнулись в песенном азарте несравненные Яшка-турок и рядчик. Уже в советское время в этом селе родился и провел детство и юность дважды Герой Советского Союза легендарный летчик Б.Ф. Сафонов. Не обошли село и бедствия: умирали люди от голода, многие подверглись раскулачиванию и репрессиям в 30-е годы. Горькая участь постигла и моего деда, сельского священника Бориса Васильевича Тимофеева, светлой памяти которого я и посвящаю это повествование.

1

Село Савино лежало на отшибе, дворов было немного, все были свои. Своим был и местный священник, которого люди привыкли уважать, и ни у кого не поднималась рука развернуть во всю мощь атеистический натиск на Божию цитадель, как того требовало новое время. Долгое устойчивое поприще

ПРОЗА

святого отца сделало его фигурой не только видной, но и просто-напросто необходимой, особенно в житейских невзгодах. Бывало, заметят его быстро шагающего по склону холма к мосту, и сразу ясно: идет на Бугор к Степану — мать его хворает, не сегодня-завтра помрет. А особенно любил Борис Васильевич ребятишек — всех помнил по именам, что давал при крещении, и никогда не забывал молиться за них, если кто заболел, помогал когда деньгами, когда харчами.

Школы в Савино не было, и сельские ребята на телеге, а чаще просто гурьбой, добирались до школы в Плавске, крупном райцентре, верст за шесть. Дорога шла полем, извиваясь между посевами. Весной и осенью ливни размывали ее, и идти по грязи было тяжело. А зимой своя беда: когда рано темнело и снежными вихрями заметало дорогу, найти, нащупать ее становилось трудней, и дети иной раз блукали и даже замерзали среди воющей пурги, покуда, бывало, всем миром не отыскивали их где-нибудь в стороне от дороги, возле Сенькина луга, к примеру.

И вот Борис Васильевич еще загодя, в октябре, отправлялся в лес и рубил там высокие вешки. Навалив телегу с верхом, привозил их к своей избе, и лежали они там до церковного праздника — Введение во храм Пресвятой Богородицы. Обычно после него выпадало много снега, и шел тогда святой отец по зимнику, держа верного коня в поводу, снимал с саней вешки и втыкал их в сугробы справа и слева от дороги, и к каждой из них привязывал сверху охапку соломы, обозначая таким образом детишкам путь от Савино до Плавска. И двигались они тогда в любую непогоду к дому, не сбиваясь с верного пути. И многие родители говорили ему спасибо за это.

Однажды весной тридцать седьмого года председатель сельсовета Федор Лукич привез в Савино из райцентра большие плакаты: один с сатирической картинкой — «Религия — опиум для народа», а другой с решительным призывом — «Умножим ряды безбожников!». Он хотел было развесить их в церкви, но маленький и худощавый дьячок Михаил, подняв распятие, с таким гневом пошел на огромного Федора, что тот невольно попятился на паперти.

— Изыди, антихрист! Церковь наша отделена от государства... Вешай у себя, где хочешь!

— Погоди, Миша, — раздался у него за спиной спокойный голос отца Бориса. — День добрый, Федор Лукич. С чем пожаловал к нам, редкий гость?

— Указание есть — наглядную агитацию надо повесить. — Федор Лукич развернул, словно свиток, плакат, и отец Борис внимательно, с виду бесстрастно взглянул на него.

— Я вас понимаю, Федор Лукич. Сюда пришли, потому что здесь люди верующие собираются, здесь они Господу Богу молятся, а вы желаете, так сказать, затмение с их души снять, хотите их отвратить от церкви, с дореволюционными пережитками боретесь. Люди они советские, не чужие, колхозники, пахари и доярки — что и говорить, трудовые люди. Да вот незадача — в церковь ходят, старое сознание проявляют. Так ведь? Что же получается: государственные работники, а ходят в церковь, которая от государства отделена? А ведь она верою людей десятый век на Руси стоит.

— Борис Васильевич, неужто сами не чувствуете, что последние дни скребет ваша церковь? Новая жизнь кругом бурлит, человек сам себе хозяин... Оглянитесь вокруг себя, вдумайтесь, что делается! Челюскинцев спасли — помните, как их встречали? В небе не ваши ангелы летают, а наши Ляпидевский с Леваневским. В Москве метро пустили — под землей не черти ваши, а стахановцы наши новые тоннели роют. Жизнь кипит, скоро первый трактор и к нам придет, а тут у вас «аллилуйя» да «аминь» поют. Очнитесь, святой отец — грех на душу перед людьми берете... Нет бога! — Федор Лукич решительно, с вызовом топнул подкованным сапогом о пол паперти и, вскинув русую шевелюру, грозно уставился в невозмутимое лицо «Спаса нерукотворного». Но, взглядываясь в икону, взгляд его утрачивал боевую ненависть, становился мягче и вскоре сделался вовсе спокойным, а темные очи «Спаса», напротив, полыхая неведомым ему пламенем, грозно смотрели сверху вниз на онемевшего председателя...

Плакаты Федор Лукич повесил в сельсовете: один у крыльца, а другой — «Умножим ряды безбожников» — позади своего кресла. Сидел он за широким старинным столом из господского кабинета и, постукивая о зеленое сукно сжатыми кулаками, хмуро смотрел в окно на церковь.

— Грамотешки мало, Гриша, — жестко выговорил председатель в заключение своего рассказа о походе в храм молодому кузнецу. — Поедешь в Плавск, зайди к сестре в библиотеку, пусть достанет декрет Совнаркома — изучить надо, дело непростое. Может, и «Катехизис» где-нибудь завалялся у нее? «Библию для неверующих» тоже спроси... Сокрушу мракобесие!.. С землей сровняю!.. Звезду вместо креста им навешу! Иконы сожгу, клуб сделаем, кино будем крутить, «Путевку в жизнь» покажем...

— Закрывайте, Федор Лукич, контору. Не травите душу. Зайдем лучше к Савелию Петровичу — он меня давеча звал, — предложил Григорий, и, повесив замок, они пошли мимо клад-

бища, мимо ненавистой церкви к большой избе за крепким забором, где проживал завскладом Ткачук.

Ворота оказались запертыми. Собака залилась лаем. Легкая и востроглазая дочка посадила сторожа на цепь и лишь после отворила калитку.

По всему видать, хозяин не стал дожидаться гостя и давно уже сидел за столом со старшим сыном Петром. Оба уже изрядно выпили, на скатерти стояли ополовиненная четверть, тарелка с остывшей картошкой и доска с нарезанными ломтями свиного сала и ржаного хлеба. Сыну было лет двадцать, а хозяину за сорок, но выглядел он намного старше из-за багровой одутловатости рябой физиономии, где, как ртутные шарики, суетливо поблескивали заплывшие глазки.

Федор Лукич и Савелий Петрович были ровесниками, но знали друг друга мало, потому что семья Ткачука лишь прошлой весной поселилась в Савино. Жили они до этого где-то под Краснодаром и пережили страшный голод. Федора Лукича упросил взять кладовщиком Ткачука один тульский приятель-большевик, и председатель выделил новоселу лучшее жилье — избу раскулаченного Завьялова, которая несколько лет пустовала вместе со всем хозяйством...

Брали Завьяловых ночью. Семья была большая, взяли с собой они только одежду и еду, а ее в доме оказалось совсем ничего — кругом стоял повальный голод тридцать второго года. Федору тяжело было вспоминать ту долгую ночь — он сам отвозил их в райцентр под охраной трех уполномоченных, ехавших следом на другой подводе. В бедной деревне Савино кулакам просто-напросто неоткуда было взяться, но жребий пал на Завьяловых — хозяйство ладное, семья дружная и были они всегда на виду. «Грех на душу взял!» — Федор Лукич так и сказал начальнику, когда расписывался в ведомости на сборном пункте кулаков, сплошь таких же горемык, как и Завьяловы, а то и того хуже...

Григорий чувствовал себя у Ткачука свободно — он дружил с сыном Петром, да и дочке Томке он нравился — она так и зыркала на него темными цыганскими глазищами — у туляков таких не встретишь.

— Садитесь, гости дорогие! — встрепенулся хозяин. — А ну, Петро, налей им по полному. Уважил, уважил, Федор Лукич... С почтеньцем...

Савелий Петрович встал, погладил усы и чокнулся с председателем. Тот выпил залпом, крикнул — самогон ошпарил горло — и закусил ломтем хлеба.

— По какому поводу пьете? — поинтересовался он.

— Дак, порося зарезали... как не выпить?..

— А это откуда? — Федор Лукич постучал пальцем по четверти.

— А это, председатель, секрет... Одно скажу, башка болеть не будет...

— Да уж расчухал, что из пшенички гнали.

— За качество ручаемся.

— Ну и много ее?

— Много — не много, но между нами говоря, Федор Лукич, ежели настроение будет — завсегда заходите, для дорогого гостя найдется.

Председатель ударил кулаком о стол, встал и, глядя Савелию в глаза, медленно произнес:

— Значит так... Завтра к утру чтоб аппарат стоял у крыльца сельсовета... Хлеб на самогон переводить не дам, рожа твоя нахальная! Утром чтоб трезвый был у меня, понял? С ключами от склада и подвалов... Пустили козла в огород!

Все в избе остолбенели, Петро как поднес кусок сала к рту, так и замер. Томка и та нахмурилась, исподлобья швыряя взгляды то на Федора, то на отца, то на Григория.

— Пойдем, Гриша... Нечего тут тебе оставаться, они и сами управятся, — скомандовал Федор Лукич, и когда они вышли, им показалось, что на этот раз собака лаяла пуше и злее. Провожать их никто не стал.

На улице уже стемнело. Собачий перебрех, среди которого они шли, казалось, никогда не смолкнет, и на душе у каждого было погано.

Григорий сокрушался, что он сам привел председателя, а тот взбрыкнул, и Ткачук ему этого не простит и закажет дорогу в дом, где он чувствует себя так славно с Петром и Томкой. Молча шагая, кузнец понимал, что Федор Лукич сейчас, как раскаленное железо, и толковать с ним не о чем — только хуже будет — нрав председателя он знал хорошо. Федор же клял себя, что отдал незнакомому пришлому человеку завьяловский дом со всем скарбом, а теперь этот жлоб гребет под себя народное добро, а сам не сеет и не пашет... Когда Завьяловых увезли, Федор все надеялся, что скоро они вернуться, и дом обретет прежнюю жизнь. Но время шло, и стали доходить сюда страшные вести из дальней Сибири: сначала о смерти завьяловских детей, затем матери, а потом и след самого хозяина простыл. А дом стоял с заколоченными ставнями, словно живой укор ему, Федору, и при этом как будто бы спрашивал его: «Ну, выселил ты людей, но ведь я-то стою, и если кто войдет сюда, тоже будет жить не хуже моего хозяина — что же, и его сошлешь?». Три года пустым простоял дом, и никто из своих не замышлял его обжить, все сельчане

помнили о Завьяловых. А тут вот оно как вышло — темному человеку достался со всеми потрохами. Ну где же справедливость? Тут взгляд Федора уперся в церковь, белешую в темноте, он смачно сплюнул и выругался:

— Враги, ядрена вошь... Кругом классовые враги!

2

Зеленое неохватное раздолье тульской земли издревле изморщилено оврагами. Один из них делил Савино пополам, и по дну его текла мелкая речушка. Правая сторона круто взмывала к небу, и на Бугре — а она так и зовется у сельчан — прилепилось два-три десятка изб, скрытых буйно растущими деревьями.

Бугор вовсе не останавливал взор: избы да деревья — где их нет? Но позади него над зеленым кружевом крон высилась золотая маковка на белой шее, и с какой бы стороны ни приближаться к селу, она всегда играла бликом солнца и, как путеводная звезда, притягивала к себе взгляд, никуда уже не отпуская. Вольно или невольно возникала мысль, что строение это не создание рук человеческих, а порождение самой русской природы, сокровенная примета ее, одухотворение всего земного цветения летом или белый выдох заснеженной равнины зимой. Непременно сначала должна была привлечь внимание путника церковь, а уж потом он неспешным взором разглядит и островок березовой рощи в пшеничном поле, и серые крыши, сбегаящие к речке, и стаю ворон, вразброд горланящую в небе. Но все это жило бы разрозненной жизнью, если бы не белое узорочье храма и сияющий его купол — вся окрестность, весь окоем, все вокруг объединялось сердечным чувством родной земли, и церковь Живоначальной Троицы материнским светом обнимала обозримые ею дали. Убери ее — и, казалось, осиротеет поднебесная даль, рассыплется в прах и вернется в первобытный бессмысленный хаос.

Кузница стояла там, где она и должна была стоять — за крайними избами, недалеко от речки. Думм-дамм... Думм... дамм... — доносилось оттуда, и все село знало, что это куют Григорий с напарником. Обычно в кузницу захаживали только по делу. Гриша, широкий в плечах двадцатидвухлетний парень, шибко не любил, если кто по любопытству засматривался на их кропотливый труд. Но Григорий, бронзовый от огня, копоты и пота, ковал обод, а на него во все глаза смотрела Томка — крепенькая, черноглазая, с тугой грудью, чуть выпиравшей из выреза платья. У нее была длинная темная

коса и белый бант, который она, волнуясь, теребила, не зная, куда девать руки. Рядом стоял ее брат Петро, с которым она пришла впервые в кузницу: отцу потребовалось заменить ободы на тележных колесах.

Григорий от того, что на него уставилась Томка, тоже волновался и работал не в полную силу — без обычного крика и матерка. Но то, что она стоит рядом, ему было приятно, и от смущения он нарочито делал вид, что ее не замечает.

Все село знало, что они нравятся друг другу, но сам Григорий с ней еще по-настоящему не гулял, словом даже не успел перемолвиться наедине. Впрочем, Томке и не надо было от него слов — врожденным женским чутьем распознала она в нем доброе сердце и честную страсть, и потому сама не скрывала своего влечения.

В середине лета Томка почувствовала, что ждет ребенка. Дурная тошнота с утра одолевала и не отпускала весь день. Есть она почти перестала, соблазняла лишь кислая капуста.

Однажды вечером, забравшись в запущенный сад, после особенно сладострастного поцелуя черноокая плутовка прямо таки огорошила кузнеца:

— Если родится мальчик, у него будут кудряшки, как у тебя, Гриша?

— Что, неужто обрюхатилась? — сразу отозвался Григорий.

— А что, промеж нас такого не может быть? Али испужался?

— Томка, пойдешь жить в мой дом? — спросил кузнец у зазнобы, и сердце занемело в груди в ожидании.

— А чего не пойти — только речку перейти, — простодушно улыбнулась Томка и, обвив шею, приложила ухом к его твердой груди. — Ой, как стрекочет — аль любишь меня? — подзуживала она его на признание, а Григорий вместо ответа так поцеловал ее, что у нее самой сердце заходило ходуном.

— А что отец скажет? — продолжал кузнец, втайне побаиваясь непонятного ему человека.

— А ты у него сам узнай, — выскользнула Томка из его рук и испытующе посмотрела колдовским взглядом.

— В воскресенье схожу, поговорю... — раздумчиво пообещал Григорий и добавил: — А с матерью ты сама, ладно, Том?

Воскресным утром, позавтракав кое-как, Григорий отправился на заречную сторону к Томкиному дому. Шел не спеша, дойдя до кладбища, и вовсе остановился. «С чего начать? Спросит — почему спешка такая, открыться или нет? Пожалуй, нет... Томка лучше меня знает, как быть. Про такое всегда напоследок сказывали... Еще чего и прибьет Тому».

Всю ночь Григорий маялся без сна — на постели, словно на колючей стерне, лежал, ворочался — сумбур в голове и смятение чувств так и не развеялись к утру. А за два шага до разговора — мыслимое ли дело духу набраться? «А, будь, что будет!» — сплюнул Григорий и постучал в ворота. Пес залился лаем. Навстречу вышел сам хозяин.

— Доброе утро, Савелий Петрович!

— Здравеньки булы, Гриша... Дружок твой в ночное ускакал.

— Да мне с вами надо потолковать...

— Ну захидь, колы так.

— Я, Савелий Петрович, пришел к вам просить руки и сердца Тamarы — жизни мне без нее нет, — спокойно продолжал Григорий. — Мы любим друг друга... Она согласна быть моей женой... Я Томе зла не желаю, жизнь за нее отдам.

— Жизнь отдам! Жениться хочу! А где же твои сваты? Не по-русски как-то...

— Какие сваты в наше время? Мы — колхозники... Тома — свободный человек...

— Чего мелешь? Ваша любовь блудом называется, понял? Придет — выпорю и в погребке закрою! А ну, проваливай отсюда, пока цел! Вот бог, а вот порог... И дорогу сюда забудь, паскудник!

Григорий молча встал и тяжелыми шагами направился к воротам. Вслед ему долго мугил душу собачий лай.

Ноги домой не шли, и кузнец остановился возле кладбищенской ограды. Неподалеку были видны кресты над могилами его деда и отца. Деду крест ковал отец, а отцу он сам — оно и понятно, кузнецкий род.

— К отцу пришел? — неожиданно раздался голос отца Бориса. — Пусть земля ему будет пухом, честному труженику... Много он чего сделал, но главное — из тебя, Григорий, кузнеца выковал. Кузнец — редкая удача природы... Птиц много летает, а дятел один выстукивает. И то, что ремесло это у нас в селе по наследству передается, лишний раз указывает, что у вас, Доросеевых, оно — призвание, Божий промысел. Большое счастье выпало...

— Какое там счастье, Борис Васильевич! Впорю мне рядом лечь... Разум одно говорит, а сердце свое гнет...

— Не буду тебя ни о чем спрашивать и советовать тебе ничего не буду, но скажу, Григорий: разум — в сердце, а все остальное — «суета сует и томление духа», как сказывал Екклезиаст. Кто противу сердца поступает, тот грех на душу берет. Что сердцем сделано, то нетленно. Вспомни, как ты сам крест ковал на могилу отца своего, Ивана Степаныча — цар-

ствии ему небесное! Любо-дорого загляденье: и отца-кузнеца почтил, и свое умение выказал. Искусство твое все в селе оценили. Двойной памятник, получается, поставил — жизнь над смертью утвердил. А рядом крест твой отец воздвиг над Степаном Яковлевичем, над отцом своим. Вот ты и сам, небось, смотришь на него и порой думаешь: отец мой первый тронул его руками, дело рук и сердца его, и нет между ними разлада. А дед твой — я его застал еще — тоже крест оставил — вон он! — отец Борис указал на храм, и в этот миг сверкнул крест ослепительной солнечной позолотой. До прозрачности ажурный он самой легкостью своей порывался в небеса, и, казалось, массивный купол еле сдерживал со всех сторон натянувшимися струнами его полетное устремление.

Вечером Томка с матерью возвращались в село с лугов. Корова, брэнча боталом, с ленивым достоинством несла разбухшее вымя и сытым мычанием оглашала окрестность. Григорий возле кузницы поджидал их. Он принял твердое решение и уже не волновался. Поздоровавшись, он предложил сесть на толстое бревно, коротко рассказал о беседе с отцом и по глазам матери понял, что Томка с ней уже поладила, и та на их стороне.

— Забираю я у вас Тамару, и пусть он ко мне не лезет... Так и передайте ему.

Обе женщины заплакали, припав друг к другу. Первой очнулась Томка:

— Хватит, мать, реветь. Он нам в родной деревне жить спокойно не дал, смуту заварил, сколько горя веем принес, аль забыла?.. Бог ему не простит... А уж тут я сама знаю, как мне жить. Через семь месяцев сама матерью стану... Я пошла, мать. Завтра принеси в кузню узелок с одежкой да зеркальцем моим. Я — жена Григорию. Так и скажи. Тебя саму в шестнадцать взял... И про ребенка добавить не забудь... Побесится — да перебесится, а счастье одно...

В ту ночь Савелий глаз не сомкнул. Злоба горячила голову, и мысли одна другой страшнее сшибались в воспаленном месте сознания.

Жена подсела к нему в изголовье и взяла его руку в обе ладони:

— Оставь их, Савелий, в покое. Дело молодое и уже решенное. Томка мне сегодня открылась, что дите ждет... Буду, гуторит, женой и матерью чего бы мне это ни стоило... Тут мы ничего уже поправить не сможем... Гриша — парень душевный...

— Паскуда он — слышать не хочу? — взорвался Савелий так, что аж подпрыгнул на кровати, но это была уже последняя вспышка ярости. Известие о Томкиной беременности, словно ледяной водой, внезапно окатило голову, и он оцепенел от ужаса, что его отцовская власть сникла перед ее назревающим материнством. Он хребтом почувствовал, что теряет дочь навсегда, и страх холодными мурашками прошелся по всему телу.

Жена спала, а он, прикрыв веки, трезво обдумывал, как поступить теперь с дочерью — отвернуться совсем или благословить...

Вспомнив о председателе сельсовета, он окончательно потерял сон. Отношения с ним были для Савелия особенно важны: именно он приютил их в селе в тот голодный год, самую лучшую избу выделил и склад доверил. Но вот, поди ж ты — трещина прошла между ними. Вот и принимай гостей — ни самогона, ни гвоздей...

От складной мысли Савелий повеселел и тут же подумал: «С Томкой дело сделано, надо о себе позаботиться, с председателем помириться. Но как?» И тут он вспомнил, что больно уж раздражает Федора поп Борис, что председатель очистить село хочет от религиозного дурмана. «Помогу я тебе, мой покровитель — ох, помогу! Сам в должниках ходить будешь — дочь свою ради тебя не пожалею! Жизнь, она сама узелки завязывает и сама же распутывает, если с ней ладить...»

Наутро Савелий отправился в кузницу. Григорий уже вовсю стучал по наковальне. Хотя он тоже ночь провел без сна, но сил как будто прибыло после Томкиных ласк, и работалось даже с азартом.

Увлеченный ковкой, он не сразу заметил подошедшего Савелия, а когда разглядел, руки сами собой опустились. Ничего хорошего он не ждал от Савелия, но тот смотрел ему в глаза вроде спокойно.

— Здорово, Григорий.

— Доброе утро.

— Горячая у тебя работа, потому, наверное, и сам горяч.

— Работа как работа.

— А где Тома?

— Тому, Савелий Петрович, я в жены взял. У нас согласие и любовь.

— Вот что, Григорий... я всю ночь не сомкнул глаз из-за вашей любви... Я ж тоже человек. Томе отец родной, все понимаю... Но как-то все не по-хорошему получается... Вроде как ты украл ее у нас... И мы не для того ее холили-берегли, чтобы так по-разбойному все вышло. Дело ваше молодое,

понятное, по-всякому случается, но всеж-таки в этом разе по-людски надо, по-божески начинать. Люди мы православные... между нами, во всем Бога чтим... В церковь не ходим, а иконе молимся... Раз уж грех приключился, не буду поперек дороги стоять, но условие мое такое: в церкви надобно обвенчаться... Предстаньте перед Господом нашим, как два голубка... А потом и свадьбу сыграем с родительского благословения. Все честь по чести, по-людски, по-божески будет.

...После ухода Савелия Григорий долго не мог приступить к работе, все думал: «Ну чудеса господни — тут намедни всю голову себе сломал, всю душу болью вытравил, а оно, поди ж ты, как все просто обходится — долго ли обвенчаться. Томе даже понравится такое условие... До чего же пожилые люди за старые привычки держатся!.. Зато заживем мы с Томой в ладу со всеми, свадьбу сыграем в доме — на весь Бугор!»

На третий день после разговора с Савелием в кузницу привел коня сам батюшка. Нужно было подковать гнедого на все четыре ноги. Случай выдался удобный, и Григорий его не упустил. После того, как дело было сделано и батюшка вывел любимого коня наружу, Григорий осмелился обратиться:

— Борис Васильевич, просить вас хочу...

— О чем, сын мой? Рад всегда выслушать...

— Жениться я надумал на Тамаре, дочери Савелия Ткачука... По-церковному хочу обвенчаться. Вы меня крестили, Борис Васильевич, вы и брак наш освятить не откажите...

— А невеста согласна венчаться?

Григорий кивнул.

— И отец с матерью тоже?

— Конечно, согласны.

— С благословенья, значит, в брак вступаете... Так, так...

А в каком возрасте невеста? Вроде как у них молоденькая дочка.

— Зимой восемнадцать исполнилось, вот родители и разрешили...

— А кольца обручальные есть, Гриша? — по-свойски подмигнул Борис Васильевич.

— Пока нет, но будут...

— Я пошутил — что тебе, кузнецу, отковать их? Но, пожалуйста, не хлопочи... Есть у меня для тебя и суженой — правда, не золотые, но есть... Не чужие вы нам, Дорофеевы — славная династия кузнецкая... Приходите через неделю, да поспешите — скоро Успенский пост начнется. Успеет невеста фату пошить, а?

— Спасибо, батюшка, за нарядом дело не станет. Вот и за

венчание деньги примите, — Григорий протянул было кошелёк, как Борис Васильевич решительно остановил его руку и ожег взглядом.

... На венчании людей было немного: со стороны жениха — братья и сестры с матерью да два соседа-ровесника, а со стороны невесты — ее подружка и брат. Родители не появились, к удивлению Григория.

Во время благословения брака над женихом венец держал Петр, а над невестой — сосед Григория, за улыбкой прятавший озорство. Батюшка сочным баритоном читал евангелие и опрашивал новобрачных, любят ли они друг друга и согласны ли они быть мужем и женой. Хор с упоением пел «Многая лета...».

От церкви Тамара, уже в звании жены, гордо неся цветы, шествовала под руку с мужем по знакомой дороге, ведущей к мосту. Здесь шумная ватага на минуту остановилась. Друг Григория, тот, что держал венец над невестой, вдруг зычно крикнул: «Горько!», и под всеобщую радость молодые поцеловались на виду у всего села. Один из букетов невеста бросила в воду, и цветы, распавшись, медленно поплыли по речке в неведомую даль. От моста дорога вела на Бугор, где ждала Томку новая желанная жизнь...

3

Поздним вечером, когда все в доме уснули, сидел Савелий Ткачук за столом и при желтом свете керосинки писал на листке, вырванном из амбарной книги.

«г. Тула, прокурору области.

В нашем селе Савино есть поп Тимофеев Борис Васильич. Он денно и ночно сеит мракобесие для трудового народа. Крестит детей против воли родителей. Ходит по избам и смущает честной народ бесовскими словами против нашей родной советской власти. А намерен в августе восимнадцатова дня обвенчал не совиршенолетнюю девицу Тамару Ткачук с насильником кузником Гришкой Дорофеевым. Он девицу опозорил и на пару с попом застрашал. Священник против воли родителей и против советскава закону обвенчал их и вытребавал с девицы большие деньги 100 рублей. Доколе будем терпеть притиснение над крестьянами честными советскими людьми? Требую попа Бориса посадить в тюрьму как врага трудового народа и нашей советской власти!»

Савелий поскреб затылок от удовольствия, что складно выразил мысли, и внизу подписал — «Честный советский че-

ловек», поставил дату, перечитал, сложил листок вчетверо и вложил в заранее приготовленный конверт с письмом к тульскому другу-большевику, следователю Маркелову. В этом письме он просил его как ответственного работника НКВД помочь избавиться его от «контр — революционной гидры» в образе местного попа и умолял друга ни в коем случае не разглашать его имя — иначе «кулацкие выродки и верующие не дадут покойной жизни и даже могут порешить».

Заклеив конверт крахмалом, Савелий задул керосиновую лампу и с сытым чувством лег спать. Рано утром он на телеге отправился в Плавск, чтобы собственноручно отослать письмо почтой. Накануне он всем сказал, что поедет за гвоздями.

Через десять дней Бориса Васильевича арестовали. Глухой ночью, когда в селе все огни погасли, к дому подъехала черная автомашина с брезентовым верхом. Шофер остался снаружи, а двое в военной форме постучались в дом священника. На стук вышел сам батюшка с лампой в руках.

— Кто там?

— Милиция.

— Что вам надо ночью?

— Открывай, а то дверь высадим! — грозно прозвучало приказание. Борис Васильевич отодвинул засов, и тут же дверь так резко распахнулась, что чуть не задуло лампу.

— Вы священник?

— Я.

— Оружие есть?

— Господи помилуй, какое оружие? Кто вы есть?

— Мы оперуполномоченные НКВД, — ответил высокий и показал какой-то документ, но свет был слишком тусклый, и Борис Васильевич от волнения ничего не разобрал. — Арест с обыском... На сборы десять минут, ясно?

— Нет, неясно, — попыталась было вмешаться, встав с кровати, Пелагея Ивановна, но, грубо отстранив ее рукой, высокий спросил:

— Контрреволюционная литература есть?

— Что вы себе позволяете? — снова преградила ему путь попадая. — В доме дети спят.

Никто ее не слушал.

— Зови понятых! — обратился второй через распахнутую дверь к шоферу.

В ту ночь старших детей в доме не было: Сергею удалось устроиться в Москве на силикатный завод, а Леля поступила в Московский областной пединститут и накануне уехала на учебу.

Младшие, Вовка и Галя, проснулись от непонятного шума и испуганно забились в угол.

— Все-таки можете по-человечески объяснить, чем вызвано ваше появление? — вновь попробовал заговорить со старшим Борис Васильевич.

— Сказано, собирай шмотки! — заорал высокий. — Разговаривать после будем, гражданин поп. Там вам все объяснят...

Дети, как по команде, заревели. К ним кинулась мать, обняла их, что-то приговаривая. Затем опомнилась — ведь надо было тотчас собрать еду и одежду мужу. Она металась от детей к комоду, от кухни к прихожей, от шкафа к сундуку. Руки ее дрожали, не слушались, ноги подкашивались. Нужные вещи куда-то вмиг подевались, она хватала что-то цепкими пальцами, но это оказывались ее вещи. Где лежал хлеб — и то вылетело из головы. Она, как полоумная, шарила по подоконникам, роняя на пол зеркала и флаконы, и детей спрашивала: «Где хлеб? Где хлеб?». Затем споткнулась о стул и забилась на полу в рыданиях, причитая:

— Что делается? За что тебя, Боря?! Этого не может быть! Что же с нами будет? Деточки мои, без отца мы пропадем! Совсем сгинем! За что же такая напасть?..

Тем временем, не дожидаясь понятых, оба оперуполномоченных приступили к обыску. Они вытаскивали и опрокидывали на пол ящики комода; раскрыв шкаф, ощупывали одежду; отодвигали от стен мебель и сундук; переворачивали матрасы и подушки; раскрывали каждую книгу и веером рассыпали страницы; поднимали иконы и шарили рукой под ними и даже заглянули внутрь физгармонии — действовали они быстро и методично, молча и решительно с будничной скукой на лицах.

— Еду надолго брать? — поинтересовался отец Борис.

— Еда лишней не бывает, — съязвил младший.

— Можно мне с ним? — сунулась к старшему попадя и в ответ услышала:

— Нельзя! Здесь останьтесь... пока.

Прозвучавшее «пока» передернуло лицо священника, он тут же подошел к детям. Каждого из них отец приподнимал от пола и целовал троекратно, а затем троекратно перекрещивал:

— Господи, будь милостив... Спаси и сохрани...

— Пошли, пошли, контра! — прозвучало в сенях. Борис Васильевич, воздев огромные огненные глаза к иконе Божьей Матери в красном углу, рухнул на колени и выдавил в отчаянье:

— Защити, Заступница, детей моих и жену!

Дюжий оперуполномоченный, двумя руками схватив за шиворот отца Бориса, резким движением поднял его с колени и, обхватив, потащил из дому.

— Боря, вернись живым! — огласил ночную мглу душе-раздирающий выкрик попадьи, павшей на колени перед черной машиной.

«... живым!» — вернулось эхо от стен белого храма...

4

Следователь курил «Беломорканал» и, не стесняясь, пускал дым прямо в лицо Борису Васильевичу. Был он в новенькой форме с одной звездочкой в петлице, белобрысые волосы, коротко остриженные, топорщились ежиком, а точнее одуванчиком. Красные веки с белыми ресницами часто мигали, и по всему было видно, что он мало спал предыдущей ночью.

Борис Васильевич смотрел на альбиноса даже с сочувствием. Парень хоть и ретивый, но еще молодой — лет двадцати пяти, не больше — слишком уж уверовал во всемогущество своего мундира. Глядя, как тот заученно и бесстрастно задает вопросы, священник про себя никак не мог взять в толк: «Сынок, ты же с людьми имеешь дело, а не с чурками. Разве можно так душу расшевелить? То вопрос, то угроза... Да и о чем ты спрашиваешь? Кто тебе внушил, что я людей хотел убивать, тем более младенцев? Почему ты мне, годящемуся тебе в отцы, не веришь ни на одно слово? Я ведь не перед тобой — я перед самим Господом нашим отвечаю, все как на духу...»

— А в семье Казьминых почему умер младенец?

— Так ведь родился он недоношенным, кругом голод был, у матери молока — ни капли... Поди ж, вы не помните, что в тридцать втором году творилось... Мать прибежала, он весь синенький, еле шевелится, даже не плачет. «Окрести, батюшка, — говорит, — знаю, что не жилец, а все крещеный перед Господом предстанет...» Так вот было, как перед иконой говорю.

— Пошел ты со своей иконой куда подальше... Небось, младенцы во сне являются, а, поп?.. Ты на других не сваливай. Не хочешь признаваться — стоять до утра будешь. Уже, кажется, стоял — не поумнел?

— Не в чем признаваться... Не брал греха на душу... Детей всех люблю и ничего для них не жалею.

— Встать, гадина! — заорал следователь, сам вскакивая из-за стола. — Увести! Ни воды, ни хлеба не давать, пусть опять стоит до утра.

Охранник увел священника в карцер. Его впихнули в тесную клетушку — настолько тесную, что в ней можно было лишь стоять, привалившись к стене. Присесть и прилечь было не на чем, а по бетонному желобу на полу сочилась вода, отчего стены отсырели и пахло гнилью. Света тоже не было, и когда лязгнула дверь, только слабое свечение под ней обозначало наружный мир. Борис Васильевич уже вторую ночь проводил в этом мешке, куда даже забыли поставить «парашу». Босые ноги быстро остывали и отекали, наливаясь свинцовой тяжестью. Тело, лишённое вольных движений, каменило, сливаясь с камнями стен, и лишь одна голова, не в силах забыться спасительным сном, переполнялась видениями в холодном сумраке.

И виделось ему, что он спал между двумя воинами, скованный двумя цепями, и стражи у дверей стерегли темницу. И вот ангел Господень предстал и свет осиял темницу; ангел, толкнув его в бок, пробудил его и сказал: встань скорее. И цепи упали с рук его. И сказал ему ангел: опояшьяся и обуяся. Он сделал так. Потом говорит ему: надень одежду твою и иди за мною. Он вышел и следовал за ним, не зная, что делаемое ангелом было действительно, а думая, что видит видение. Пройдя первую и вторую стражу, они пришли к железным воротам, ведущим в город, которые сами собою отворились им; они вышли и прошли одну улицу, и вдруг ангела не стало с ним...

И вдруг ангела не стало с ним, а увидел он перед собою следователя, но уже немолодого, усатого и лысого, со шпалой в петлице.

— Можно присесть? — изможденно спросил священник.

— Садитесь.

Едва опустившись на табурет, он чуть не потерял сознание. Комната поплыла перед глазами, и он еле удержал равновесие, схватившись за край стола.

— Где я нахожусь?

— Здесь вопросы задаю я, следователь Маркелов. У нас есть сведения, что вы обвенчали в своей церкви гражданку Ткачук с гражданином Дорофеевым. Так?

— Обвенчал, как же, хорошо помню.

— Если хорошо помните, то укажите, кто из родителей жениха и невесты был на венчании.

— Была матушка Григория Дорофеева, отец у них скончался.

— А со стороны невесты был ли кто?

— Был брат Петр.

— А были ли родители невесты?

— Не было родителей.

— А почему не было родителей, как вы думаете?

Борис Васильевич внимательно посмотрел на следователя и в его темных больших глазах уловил усталость с оттенком некоторой печали. «Неужели он мне сочувствует? Неспроста ангел примерещился...» — мелькнула мысль в его истощенном мозгу, и она прибавила ему сил для разговора.

— Церковные обычаи нынче, гражданин следователь, сильно исказились, стали проще. Народ подвержен атеистической пропаганде, подчас стесняется наших обрядов, боится в церковь зайти из-за осуждения начальства и знакомых безбожников. А для венчания присутствие родителей желательно, конечно, но необязательно. Главное — полюбовный союз двух сердец освятить именем Господа нашего. Подчас и не венчаются в самой церкви, а приносят кольца жениха и невесты, а священник обряд над кольцами совершает и этим благословляет молодых. Я, правда, категорически против такого «новшества» и никогда не венчал подобным образом. В живые глаза новобрачных надобно заглянуть перед тем, как именем Господа скрепить союз...

— Так вот, гражданин Тимофеев, оказывается, почему не было родителей невесты — они в принципе против этого брака и тем более против церковного венчания, потому что девица несовершеннолетняя еще...

«Как же так? Не мог подвести меня кузнец. К тому же все село знало, что они женихаются. Отец же не противодействовал, и в дом был вхож Григорий. А как же Петр? Ведь он же родной брат невесты... Быть того не может?» — лихорадочно раздумывал Борис Васильевич и не мог понять, что же происходит. Тут он почувствовал тошноту и сильное сердцебиение, острая боль ожгла грудь, и он, задыхаясь, соскользнул с табуретки на пол, теряя сознание.

Пришел он в себя в той же комнате, лежа на лавке. Борода и усы были в каплях воды — видимо, приводя в чувство, его опрыскивали. Кто-то из военных копошился возле него.

— Очнулся?

— Так точно, оклемался.

Следователь с бумагами подсел к лежащему без сил священнику и ровным, тихим голосом произнес:

— Подпишите здесь, внизу протокол допроса и отправляйтесь спать. Вас ждет койка. Вам сейчас, главное, отоспаться, Борис Васильевич.

Следователь вложил в слабую ладонь священника ручку и показал пальцем, где расписаться. Но ручка выпала из окостеневших, узловатых пальцев и оставила на полу чернильное пятно.

— Ах, черт, ну держите же! — снова обмакнув в чернила, протянул он перо. Но Борис Васильевич уже встрепенулся и подписывать не спешил. Ощущение незаконченности разговора вернулось к нему, и он сказал:

— Прежде, чем подписать, я должен прочитать.

И тут он разглядел, что в руках у следователя вместо протокола допроса — уже готовое его признание. «Так вот что он хотел мне подsunуть!» — молниеносно сообразил священник и, бегло пробежав глазами бумагу, понял, что его обвиняют в ведении враждебной пропаганды, умерщвлении младенцев при обряде крещения, венчании несовершеннолетних и получении крупных взяток от крестьян.

Он хотел выразить негодование следователю, но лишь беззвучно шамкал губами, задыхаясь, и новый приступ боли огненными клещами схватил сердце. Он простонал и уронил голову на стол.

— Ну что вы попусту мучаете себя и других? Зачем вам волюнку тянуть? Против вас есть улики, следствие располагает всеми необходимыми доказательствами вашей вредительской деятельности. Подпишите, и душа ваша успокоится.

— То есть как успокоится? — поднял голову священник.

— Ну нет, не в вашем религиозном смысле. Срок, конечно, вам дадут, но, как говорится, всюду жизнь, батюшка.

— Прошу милостиво называть меня по имени-отчеству. Батюшка я для верующих! Так в чем же вы обвиняете меня?

— Борис Васильевич, — следователь придвинулся поближе, — опять сказку про белого бычка начнем? Следствие подтвердило, что вы обвенчали несовершеннолетнюю гражданку Ткачук незаконно и без согласия родителей...

— Но ведь ей исполнилось восемнадцать лет зимой.

— В деле есть копия свидетельства о рождении. Это неопровержимая улика... Борис Васильевич, вы же умный человек, вы должны понять, что в принципе вся ваша деятельность направлена против построения социализма. Вы думаете, вы один в тюрьме из церковников? Из Алексина есть, недавно из Скуратова привезли сектантов, да и здесь, в Черни, гнездо вредителей разоблачили... И замечу вам: никто, как вы не упирается...

— Так я в Черни?

— Да, и запомните, что никуда вам отсюда не деться... Чистосердечное признание — смягчающее вину обстоятельство. Это самое разумное, что вы можете сделать, оно многое меняет... Семью вашу не тронут, понимаете? А если будете упрямство выказывать, то пострадает ваша семья, жена, дети — у вас их четверо, кажется? Подумайте о них — я вам по-доб-

рому советую. А то, знаете, в сибирской ссылке всякое бывает: туда-то увезут, а обратно мало кто возвращается... Подпишите и идите с богом спать.

Отец Борис выпрямился во весь рост и твердо произнес;

— Наговор сатанинский подписывать не буду. Христос терпел и нам велел.

— Отведите в карцер, — устало сказал следователь охраннику.

Третью ночь стоял на ногах отец Борис. Но не держали его ноги: скорчившись от холода и голода, он рухнул на колени и, теряя сознание, прохрипел: «Господи, за что караешь меня, слугу твоего верного, жену и детей моих?! Тебе ли не знать, что чист я в помыслах и деяниях моих скромных! Готов принять любые испытания духа и плоти, но об одном молю: не обрекай супругу мою Пелагею и детей моих безвинных на страдания, обереги их светом своим...»

Обессилев, распростерлось худое жилистое тело священника на самом полу: босые ступни его упирались в склизкий камень, а левый глаз слепился полоской света под железной дверью. Мутная вода, что текла в желобке, вымочила всю рубаху и стекала по оческу рыжей бороды. Ангелы сна заволакивали белой пеленой его истощенный мозг, но бодрые псы, оскалив алые пасти, рвали зубами легкий шелк сновидений. Небесную музыку корежил металлический скрежет дверей. Пересохшие, потрескавшиеся губы в беспомощности припадали к вонючей ржавой жиже, растекавшейся по полу. И когда его раздавленное, сломленное существо позабыло все свои желания, из темного камня вышел тот, имя кому было Камень, и услышал отец Борис голос апостола: «Господа Бога святите в сердцах ваших; будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением; имейте добрую совесть, дабы тем, за что злословят вас, как злодеев, были постыжены порицающие ваше доброе житие во Христе, ибо, если угодно воле Божьей, лучше пострадать за добрые дела, нежели за злые; потому что и Христос, чтобы привести нас к Богу, однажды пострадал за грехи наши, праведник за неправедных, быв умерщвлен во плоти, но ожив духом, которым Он и находящимся в темнице духам сошел проповедал...»

Очнулся Борис Васильевич на железной койке в одиночной камере. Слабый свет падал из зарешеченного окна со скошенным подоконником, прорубленного под самым потолком. Камера была узкой, метра полтора в ширину и метра два с половиной в длину. В углу стояла параша, а возле же-

лезной двери — маленький столик с алюминиевой миской, кружкой и ложкой. В миске остыла каша, а кружка была с водой. Выпив и оглядевшись, Борис Васильевич почувствовал себя в раю после карцера. Но на ногах он еле стоял. Жгучая сердечная боль снова свалила его на кровать. Он укрылся суконным одеялом с головой — в камере было холодно.

На допросы несколько дней почему-то не вызывали. Время текло медленно, заполняясь мучительными раздумьями между приемами пищи, состоявшей всегда из ложки пшенной каши, кружки воды и куса черствого хлеба. Иногда подавали в окошко железной двери миску баланды с запахом мяса. Чувство голода после еды не исчезало, а, напротив, разыгрывался аппетит, и невольно думалось о следующей «трапезе».

Но самое большое благо заключалось в ежевечерних прогулках по тесному тюремному двору, со всех сторон окруженному кирпичными стенами. Полсотни заключенных выводили на двадцать минут во двор, и они, заведя руки за спину, гуськом по кругу ходили друг за другом. Разговаривать строго запрещалось. Охранники с оружием тут же курили, но глаз с зеков не спускали. И все равно какими-то немислимыми приемами люди общались, узнавая своих земляков, приветствуя новичков. Ботали по фене бывалые урки. Матерщина и вопли, тычки и шепот, смех и стоны — все шло в лыко. Все друг о друге знали все, и в первую же прогулку Бориса Васильевича окрестили «попом». Он и впрямь выделялся из всех не только высокой прямой фигурой, но, главное, ясными озерами глаз, которых не замутило страдание, нет — они еще ярче сияли, выделяясь на безжизненно-сером лице, и еще сильнее привлекали к себе внимание — стоило заглянуть в них, как в людях просыпалось уважение к нему и, стало быть, к себе, и ответно вспыхивали их глаза живыми искорками.

5

Под суконным осенним небом их вывели во двор, и неожиданно для себя Борис Васильевич увидел Федора Лукича в такой же, как и у него, одежде. Первым побуждением было броситься к нему, окликнуть, но священник справился с волнением и, чтобы не испортить встречу, затаился. Подгадав момент, он перебежал поближе и встал в затылок к Федору.

— Не оглядывайся, Федор Лукич... Вот где свиделись... Не ожидал. Завтра после обеда будет баня, там поговорим... Скажи одно, мои дома?

— Да... — выдохнул Федор, не оглядываясь.

-
- Все живы?
 - Да...
 - Дети учатся?
 - Да...
 - Ссылкой не грозят?
 - Нет...

От сердца Бориса Васильевича отлегло. Захотелось обнять Федора Лукича, петь захотелось от нечаянной радости. Силы, невесть откуда взявшиися, подмывали взлететь с земли в небо выше стен тюремных и быстрым облаком мчатся в Савино, чтобы оказаться сейчас дома, обнять жену Пелагею, прижать к себе Лельку, Сережку, Галочку и Вовку. Стряхнуть, как наваждение бесовское, всю эту страшную явь и вновь погрузиться в праведные заботы сокровенного промысла своего.

После нахлынувших воспоминаний о доме мысли вернулись к Федору. «Отчего он здесь? Как могло такое случиться? Что мог натворить разумный и крепкий мужик, председатель сельсовета, чтобы оказаться в тюрьме? Вырос в деревне на виду у всех, родной всем и нравом спокойный — что стряслось?» Ответа Борис Васильевич не находил.

И уже в камере, ворочаясь на койке с боку на бок, раздумывал отец Борис над происшедшим и вдруг поразился, что эти же вопросы, отнесенные к нему самому, тоже оставались без ответа. «Что-то здесь не то... логики жизни никакой нет...» Он интуитивно чуял, что его беда и беда Федора — одна беда, и оттого Федор становился ему ближе.

Камера, где содержался Федор Лукич, вмещала четверых и располагалась в том же коридоре, где находилась камера отца Бориса. После обеда их повели в баню, и там им удалось, наконец-то, поговорить всласть.

Федор Лукич поведал, что в ту же ночь новость об аресте священника облетела все село. Сарафанное радио сработало. К нему приходили и спрашивали, но он ничего толком не мог людям ответить. Каждый день приезжали какие-то люди и всех жителей, дом за домом, опрашивали: не вел ли священник с ними бесед против Советской власти, не организовывал ли секты какие. Все сельчане в один голос заявляли, что священник человек доброго сердца, честный во всем и всем им делал только хорошее, проявляя заботу и о ребятишках, и о больных, и об осиротевших. Никакой вредной пропаганды, подозрительных бесед не вел, в церковь никого не ташил и даже своих собственных детей не пускал.

В церкви служба прекратилась. Дьячок Миша со слезами на глазах навесил замки на все двери и уехал в Плавск. К Пелагее Ивановне мало кто заходил, да и она с детьми нигде

не появлялась, лишь просила его узнать о судьбе мужа. Ничего вразумительного он не мог сказать.

Через месяц, когда он был в Туле на совещании по поводу уборки урожая, к нему в гостинице подошли с ордером на арест и в автофургоне с надписью «Хлеб» привезли в Чернь. Его обвиняют в подрыве колхозного строя и вражеской пропаганде против Советской власти, а также за укрывательство кулаков в селе и правотроцкистские взгляды. «Ты — враг народа!» — сказал ему молодой следователь, тот же альбинос, что допрашивал впервые и священника.

День ото дня они встречались все чаще и поверяли друг другу многое из того, что составляло их прежнюю сельскую жизнь. Отношение Федора Лукича к священнику тоже изменилось — потеплело, и он даже сказал однажды:

— Прости меня, Борис Васильевич, это ж я тебя упек в тюрьму, получается...

— Как так? — вздрогнул всем телом священник.

— Знаешь, кто на тебя донос склепал?

— Кто?

— Савелий, будь он трижды проклят...

— А ты при чем?

— Да я на тебя осерчал — помнишь историю с плакатами? — а эта сволочь приходит ко мне опосля ареста твоего и радуется всей рожей: «Федор Лукич, с тебя четверть полагается — хорошо я свалил вражину твоего, попа окаянного?» Тут я не стерпел, прости господи, да как врежу промеж глаз по наглой роже, аж кровь из носа хлынула. «Ну, говорит, попомнишь ты меня, председатель!» Вот и попомнил... А ведь избу Завьяловых отдал гаду... Мне эту избу и вменяют на следствии — четыре года укрывал избу от колхозников, для кулаков берег, вражина! — заявляют... Ну ты ж сам знаешь, какие Завьяловы кулаки... Укрыл кулаков, мало дворов раскулачено, говорят... Вот самого и раскулачим!.. Вот таки пироги... Вишь, какого гада пригрел на груди... Выходит, я тебя подвел под монастырь... Прости меня, грешного, отец Борис...

— Что ты, Федор Лукич... тут дело не в тебе...

— Как не во мне? Что я, маленький, — не соображал, когда туляк мне его подсовывал: дескать, выручи родственника, плохо ему под Краснодаром, деревня вымерла, погибнет там... Сжалился я, а теперь понимаю, что и родная деревня вымерла с его помощью, да еще и вашу разорит.

— Но ведь он сам оттуда уехал?

— Видать, и самому житья не стало там, все-то свои, все знают, что почем... А тут он может размахнуться — тут для него чужое все. На мое место, гад, метит...

— Да, Федор Лукич, наши крестьяне вовек на своих доносов не писали. Но ведь доносы не только пишут — их ведь и прочитать надо, в дело пустить, вот в чем фокус... Нет, тут не все так просто, Лукич. Тут политика... Политика, идея, то есть, она всему unserem фараон, как в Писании сказано...

— Собрал бы всех попов и на Амур бы отправил тайгу расчищать, делом заниматься — там сейчас наши комсомольцы новый город строят. Тут вы в тихих углах, как тараканы запечные, в темноте народ смущаете, тайные проповеди нашептываете, а там — на миру, на свету, посреди честного народа против рабочего энтузиазму с иконой не шибко попреете. А потом, глядишь, и опомнитесь, нужную специальность освоите, кадило на рубанок меняете. Бог вам в помощь! Вон, в Москве, слышал, одну за другой церкви валят. Храм Христа Спасителя сокрушили. Смех один — что же ваш боженька, выходит, Россию спас, а храм свой — кишка тонка. Одно название — Спаситель...

Борис Васильевич заткнул уши ладонями и взмолился:

— Слышать не могу! Избавь меня от богохульства, Лукич! Храм Божий не камень и купола, пусть и золотые, а вера людей.

— В кого вера? В того, кого нет?

— Вера в любовь человеческую и Божью благодать. Камень взорвать — нехитрое дело, но этим храма не сокрушишь — он в самом человеке создается, и не попать его даже смертью. Как говорится, вера не в бревнах, а в ребрах. А невинно пролитая кровь Храм Божий еще больше укрепляет. Крестьянин всю жизнь — веки веков — мечтал обустроиться по-своему: свой надел иметь, свой дом, свою скотину и свою гордость. Жаль, не дали ему плечи расправить — кулаком обозвали и ликвидировали как класс. А ведь «свое» — это не «мое», не надо путать. «Свое» — это от вложенной души, от векового уклада, от общины крестьянской, и ничего страшного нет для вас, большевиков, что «свое» трудом укрепляется. Один из ваших — помните? — даже клич бросил: «Обогащайтесь!» А вот «мое» — это от жадности, от того, что на остальных людей наплевать, от хамства и глупости ничтожной. Это и мы, церковники, осуждаем и верующих учим: «Возлюби ближнего своего...»

— Ты, Борис Васильевич, полегче — я, что ли, сам это придумал? Меня самого заставили кулаков добывать. Пять процентов, говорят, по разнарядке... А где я их добуду в нашем-то Савино? Сам знаешь всех не хуже меня. Я, покамест, с коровами да бумажками разбирался, ты с людьми разговоры вел, сам знаешь, что у них на душе.

— Человеку, Лукич, без веры нельзя — потребность души извечная. У вас вера новая. Провозгласить мало — надо делом эту веру утвердить. Чтоб люди сами в огонь и воду за нее пошли. Да люди, собственно, и пошли сами за новой верой. Дай ты им на ноги встать, природную смекалку выказать, любовь свою выносить. Так нет, надо их в спину толкать, подгонять — быстрее, быстрее шевелись! — к светлому грядущему идем, невзирая на трудности. А добром не хочешь — силой заставим! Пять процентов кулаков — ему не народ, а враги народа. Но ведь это только на бумажке так, если из кабинета смотреть. А придешь ты, Федор Лукич, раскулачивать — так ведь это же твой друг детства, и жена его — жены твоей товарка, и дети его — в одной ораве с детьми твоими... Завьялов это, понимаешь?

— А самому, Борис Васильевич, не страшно про такое говорить?

— Не страшно, Федор Лукич... считай, что исповедь мою предсмертную слушаешь.

— Да что вы такое говорите?

— Сердцем чую, не для того они произвол учиняют, чтобы меня обидеть, а для того, чтобы святую церковь сокрушить. Я для них не столь человек, сколь символ старого мира, который надобно им до основания разрушить — так ведь поется в вашем гимне? Но что-то я замечаю, душа у наших крестьян в новой вере несамостоятельна... на повинении и долготерпении держится... что начальство скажет... какой налог будет... а то и продразверстку введут... А куда денешься? Без паспорта далеко не уйдешь... Вот они с недолями своими и являются во храм Божий. Вера у нас вечная, от сотворения мира все сущее под Богом ходит. А православие на Руси всегда людям в утешение было...

— Ты, Борис Васильич, и вправду враг социализму. Ваша вера, как болото, людей держит и не дает им пути сбросить, смело шагать — все с оглядкой на Бога живут. А Бога нет! Был бы Бог, разве он допустил бы мироедов к власти? Иисус Христос торговцев из храма изгнал, а что на земле творится? Те же торговцы и банкиры нашу народную власть душат — газеты аль не читаете? А где был боженька, когда от засухи люди, как мухи, мерли? А прошлым летом молнией убило малютку у Трушиных — за что, спрашивается? А ведь молния — бич небесный, так ведь?

Борис Васильевич молчал, покорно слушая упреки безбожника, и лишь в самой глубине голубых глаз тлело сожаление.

— А коммунизм мы все равно построим — без фараона и без попов. Читали Сталинскую Конституцию? Это гаран-

тия... Наш символ веры... Наш рабоче-крестьянский закон... Эх, отец святой, об одном жалею: трактор должен был вот-вот прийти, да, видать, не скоро увижу вестника коммунизма... Ошибочка какая-то у них вышла... Но ничего, товарищ Маркелов разберется. Не сегодня-завтра свидимся.

Услышав знакомую фамилию, Борис Васильевич встретился: «Да ведь это же тот, кто меня допрашивал!»

— Вы что, с ним знакомы?

— Однажды на совещании познакомились, тульский следователь... Я ему все, как на духу, выложу, кого он мне в Садино подсунил — подлеца Ткачука.

— Он меня уже допрашивал, — спокойно произнес Борис Васильевич.

— Ну и как он вам показался? Руку даю на отсечение — настоящий большевик.

— Сами знаете, нас, священников, милостью не жалуют... По всему видать, мне уж отсюда не выйти... Об одном молю: чтоб жену и детей в покое оставили.

— Борис Васильич, не отчаивайтесь. Мы с ним поговорим — я вас в обиду не дам.

— На выход! — прозвучала команда, и вскоре всех развели по камерам.

6

«...Избавь меня, Господи, от человека злого; сохрани меня от притеснителя: они злое мыслят в сердце, всякий день ополчаются на брань, изошряют язык свой, как змея; яд аспида под устами их. Соблуди меня, Господи, от рук нечестиваго. Сохрани меня от притеснителей, которые замыслили поколебать стопы мои...»

Став на колена, уткнув голову в обшарпанную стену камеры, Борис Васильевич шептал псалмы и молитвы всякую минуту, когда приводили его с допроса. Он воздевал обнаженные глаза свои к маленькому оконцу под самым потолком, словно к иконе, и крестился, глядя на железные перекрестья решетки, сквозь которую днем сияло бездонное небо, а ночью, как Божий зрак, мерцала звезда.

«Верую, Господи, и исповедую, яко ты еси воистину Христос, сын Бога живаго, пришедший в мир грешныя спасти, от них же первый есмь аз. Помилуй мя и прости ми прегрешения моя вольная и невольная, яже словом, яже делом, яже ведением и неведением: и сподоби мя неосуждению причаститися пречистых твоих таинств, во оставление грехов и в жизнь вечную...»

Иной раз сил не было добраться до койки, и священник изможденно лежал на холодном полу и час, и два, пока не входил кто-то из надзирателей и не встряхивал его зычным голосом: «Встать!» Днем спать не дозволялось. Но и далеко не всякую ночь удавалось забыться сном — на допрос водили к полуночи. Допрашивал его все тот же молодой альбинос с кубком в петлице, и, судя по рвению, он явно желал заполучить второй как можно скорее. Теперь уж он работал с пристрастием: не стеснялся в выражениях и, выходя из себя, давал волю кулакам, отчего зубы у Бориса Васильевича крошились, губы растрескались и под скулами бывали кровоподтеки.

На дворе уже стояла зима. Оконце в камере заделали деревянной ставней, подоткнув тряпьем края, но все равно внутри было холодно. Однако мучило Бориса Васильевича совсем не это. Чувство каждодневной неопределенности, отсутствие суда над ним, полное неведение относительно семьи доставляло гораздо больше страданий, чем физические пытки и на допросах, и в зябкой камере.

И вот наступил день, когда его вызвал на допрос следователь Маркелов. Лысый коренастый человек в плотно облегающем грудь кителе добродушно — как ему показалось — посмеивался в усы.

— Добрый день, святой отец!

Борис Васильевич молча поднял на него глаза.

— Любят, оказывается, вас в деревне. Или все верующие там?

Священник, не зная, куда клонит следователь, молчал.

— Вот и Федор Лукич, ваш бывший председатель, — Маркелов выделил слово «бывший», — говорит, что ничего контрреволюционного вы не замышляли.

— Истинно не замышлял, — наконец разомкнул уста арестант. — Ему-то вы, возможно, поверите как большевик большевику...

— Большевик? Он — большевик? Ваш председатель конторой оказался, прихвостень Бухарина, которого расстреляли третьего дня... Во всех делах коготки увязли, и к тому же с вами заодно. Когда товарищ Ткачук предложил церковь взорвать, вот тут он и открылся, сволочь. До рукоприкладства за вас стоял. Все вы одна шайка, и будь моя воля, по одному делу бы вас пустил обоих, но правотроцкист он, гад!

— Как церковь взорвать? — округлив глаза и вскинув брови, ошарашенно спросил Борис Васильевич.

— Как-как, динамитом, естественно... Чего она будет торчать посреди колхоза: ни богу свечка, ни черту кочерга.

— Но церковь же отделена от государства... Как можно?

— Земля-то у нас народная, колхозная. Вот народ со своей землей эту пакость и уберет.

— Беззаконие творится... На каждую провинность есть свой суд. А меня без суда и следствия заточили в темницу, душу топчут и тело пытают — это как, по вашим законам, выходит, можно?

— И по нашим, и по вашим — все едино... Ведь сказано же в вашем Евангелие от Луки: «Кто не со мною, тот против меня». Справедливые слова... Так что и мы по-божески поступаем с вами. А в нашем Евангелие от Максима Горького сказано: «Если враг не сдается — его уничтожают». Учтите, отец святой, вас судит народ по советским законам.

— Как же народ может судить, если суда не было? И какое право вы имеете чинить произвол над Божьим храмом? В том же Евангелие от Луки сказано: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие — Богу».

— Вы, гражданин Тимофеев, арестованы и осуждены по приговору Особого совещания НКВД от лица Советской власти. Это и есть народный суд, и незачем вам дурака валять, корчить из себя святую невинность. Вы — не Андрей Первозванный, что за веру страдал. Вас судили не за веру. Вы нарушили советские законы и находитесь в тюрьме, ясно? Я, как вы сами понимаете, тоже Закон Божий в школе учил... Поставь коммунистических людей рядом с апостолами вашими — и, сравнивать нечего, настолько благородней и прекрасней будут они ваших пастырей церкви. Один трижды отрекся от учителя, пока петух не прокукарекал, другой в сомнениях погряз, за что и прозван был неверующим, а третий и вовсе за тридцать сребреников предал Христа... А вот наши чудо-люди с ясным взором и чистым сердцем будут творить красоту мира, неведомую нам. Работать их не надо будет заставлять — как дышать. Только встанет солнце, а они уже на ногах. К чему душа лежит, то и делают на пользу всем, с улыбкой делают, с песней, по совести пролетарской. Никто не грубит, никто ножом не пыряет, тюрем нет, потому как сознательность у граждан высокая. Представьте такую картину: города из стекла и бетона до самых облаков достают. Заводы и фабрики работают круглосуточно. Встает Петров к станку, положим, в семь утра а в десять уже другой, Иванов подходит и говорит: «Хватит, Петров, ты уже, наверное, устал — дай и мне поработать, руки чешутся». А Петров ему отвечает: «Не могу пока с пережитками социализма расстаться, хочу еще три часа по-стахановски повкальывать». А Иванов ему отвечает: «Да, товарищ Петров, трудолюбие это

у нас у каждого в крови, но ведь ты при социализме молодой был, а теперь годы взяли свое: при прежней формации таких на пенсию провожали. Теперь, при коммунизме, общество требует от каждого по способностям, и по твоим — уже хватит».

Идет Петров на базар, а там изобилие немислимое. Все есть — и все задаром. Бери — не хочу. Продукты со всей земли. Государств при коммунизме больше нет, многонациональное братство. И вот братья-бразильцы нам кофе поставляют, братья-брюссельцы капусту, братья-пигмеи кокосы несут, а братья-эскимосы моржа предлагают. А Петров идет мимо: у брата-исландца селедочку берет и у сестры-цыганки семечек два стакана в карман насыпает. Потому что от общества берет по потребностям. При коммунизме людям будет стыдно, если их потребности превысят их возможности. Никто их не контролирует, милиции нет. Как вести себя — дело совести каждого, а общество полагается на веру. Библейскому Моисею вера такая и присниться не могла.

Следователь Маркелов был явно в ударе, и свой вдохновенный монолог сопровождал такой выразительной жестикуляцией и таким пламенем в глазах, что священник неожиданно для себя поддался его азарту и на минуту забыл, где он находится. Но когда он обвел комнату глазами и увидел зарешеченные окна, то вновь почувствовал жгучую боль в сердце.

Пережив приступ, он отчетливо вспомнил горящие взоры детей во время своего рассказа о будущем, и ему сделалось странно от ощущения, что они мечтали, собственно, об одном и том же и стало страшно от мысли, что этого будущего у них может не быть. «Что с ними будет?» — вопрос без ответа терзал его захлебывающееся сердце.

И как бы почувствовав его тревогу о семье, Маркелов сказал:

— Не упрямитесь, Борис Васильевич, не усугубляйте свое положение и положение семьи, подумайте о детях, в конце концов. Кроме того, что вы отец святой, вы ведь еще и просто отец... Вы уже обречены, так зачем же тянуть за собой на каторгу близких вам, да что близких — просто родных людей? Скажу вам, в нарушение наших обычных правил, я дал разрешение вашей супруге и детям свидетелься с вами. Послушайте моего доброго совета — подпишите признание, оно уже ничего не меняет в вашей участи.

Услышав о возможном свидании, Борис Васильевич так разволновался, что сердце готово было выпрыгнуть из груди, а голова пошла кругом. «Пелагея, милая моя Пелагея, дети мои родные, неужели я вас увижу? Да что там каторгу —

смерть приму с кротостью христианской лишь за одно свидание с вами, любимые мои! Последнее моление мое о вас ненаглядных... Прав Иаков: «Что такое жизнь наша? Пар, являющийся на малое время, а потом исчезающий».

Маркелов уловил перемену в глазах отца Бориса и пододвинул лист с ручкой к нему. И уж было приготовился святой отец подписать бумагу, как неожиданно для себя услышал новое предложение следователя:

— Борис Васильевич, голубчик, доверю вам еще кое-что из разговора моего с высоким начальством. Прямо скажу: вам и в тюрьме-то недолго придется сидеть, если откажетесь от своего сана. Сами знаете, многие ваши люди становятся расстригами, наряду со всеми тружениками, рабочими и крестьянами, полностью поддерживают народную власть. Воистину, новую жизнь начинают...

Святой отец оцепенел, услышав такие слова. Дрожь негодования прошла по телу, и ужас обуял его душу от осознания, что мог он всего мгновение назад подписать эту страшную бумагу. В глазах потемнело, кровь отуманила голову, и был ему голос: «Братия, вас постигло искушение не иное, как человеческое; и верен Бог, который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении дает и облегчение, так чтобы вы могли перенести. Итак, возлюбленные мои, убегайте идолослужения».

— Двум жизням не бывать, а сердце мое отдано Богу.

— Вот то-то, что Богу, а не трудовому народу... Давно пора вас в расход пустить, а я все цацкаюсь. Одна шайка с Лукичом-бухаринцем, как выяснилось.

— Что значит — одна шайка? Он — безбожник...

— А то, гражданин поп, значит, что дружок ваш честнее вас оказался и всю подноготную выдал. Извольте прочесть своими глазами, — Маркелов достал из ящика стола заранее приготовленный лист и пододвинул его поближе к священнику. — Руками не брать, читайте так.

Весь лист был исписан неровными строчками корявых букв. Борис Васильевич взглядом выхватил середину:

«...Ишо он говорил Обогащайтесь! Власть Советов падет, а имущество останется. Он лошадь свою колхозу не отдал и по ночам возил отовсюду золотые вещи и оружие для нашего боевого отряда. А оружие ковал кузнец Григорий Дорофеев. Они с попом часто встречались в кузне».

Буквы наполнили одна на другую, шевелились, будто мотыль, рассыпанный на бумагу. «Наваждение бесовское», — закрыл веки священник и потер их ладонями, но лист все так же лежал на краю стола, когда веки разомкнулись.

— Какой боевой отряд? Какое оружие? При чем тут Григорий? Чуть какая-то... — недоумевал Борис Васильевич вслух и вновь чувствовал острую клешню, вонзившуюся в сердце. Бледный, теряя силы, он опустился на пол в холодном поту.

— Встать, гадина! — услышал он визгливый голос альбиноса позади себя и, едва придя в сознание, получил сильный удар по лицу.

Впервые обоих следователей Борис Васильевич увидел рядом и поразился сходству выражения их глаз. Ярость и непреклонная решимость добиться своего объединяла их.

«Что им от меня надо?» — цепляясь за стол и поднимаясь с колен, думал священник.

— Садись и пиши, пока писать можешь! — грубо толкнул его к столу Маркелов. — А не то, как кузнецу вашему, все пальцы обломаем — не то что ручку, крест держать не сможешь.

— Господи, Григория-то за что? Руки ж у него золотые, как же вы можете?

— Пиши, паскуда, где оружие и ценности, что замышляли и с кем, последний раз тебе говорим! — приблизив искаженный гневом рот, впервые заорал Маркелов и смачно плюнул в лицо священнику.

Борис Васильевич остался невозмутим. Утираться он не стал, а поднялся в полный рост и, глядя бездонно голубыми глазами куда-то мимо истязателей своих, тихо произнес:

— Жалко мне вас — не ведаете, что творите... Жалко и Федора Лукича, хороший он мужик, но напраслину на себя и других возвел. Грех тяжел да милостив Господь. Помолюсь я за него. Но более всего жаль мне Григория — руки ему душу греют, вся жизнь его — в них. Руки покалечите — дар Божий погубите, а душу растопчете — зачем ему руки тогда? Такой, как Григорий, для серпа и молота родился, он самый что ни на есть советский, опора всему — одумайтесь, заблудшие! Имеющий ухо да слышит! И хоть грамотный он — ничего вам не напишет — не его это дело! — Борис Васильевич решительно вскинул голову: — и не мое тоже...

— Сейчас мы тебя, контра, научим писать! — снова завелся альбинос.

Маркелов схватил тощее тело священника и поволок к двери.

— Левую, левую пока!

Младший засунул в дверную щель пальцы Бориса Васильевича и, внимательно глядя на него из-под белых век, стал медленно зажимать суставы. Священник закрыл глаза и стиснул зубы: «Господи, повели взять дух мой, чтоб я разре-

шился и обратился в землю, ибо мне лучше умереть, нежели жить, так как я слышу лживые упреки и глубока скорбь во мне! Повели освободить меня от этой тяготы в обитель вечную и не отвори лица Твоего от меня».

7

Пелагея Ивановна, идя на свидание, покрыла голову платком, чтобы при случае было чем утирать слезы. Дети взяли ее под руки: Галя слева, а Вова — справа. Так они и шли от станции Чернь до самой тюрьмы. Они пришли на час раньше и топтались от холода на сыром мартовском снегу перед входом в тюрьму. Рассвет уже выпустил из-за леса кроваво-красное солнце, и оно показалось попадье зловещим признаком.

— Сказывают, узелочки не примут?..

— Токо три минутки дадут и те без разговору..

Два десятка баб в овчинах и телогрейках, сбившись в кучу для обогрева и сострадания, безропотно переносили томительное ожидание у тюремных ворот. Уныния на лицах ни у кого не было — пришли ободрить своих бедолаг. Напротив, взгляд у каждой был напряжен, полон смысла и энергии, и за ним скопились сокровенные слова, ночами обдуманые и до поры затаенные.

Узелок с продуктами отобрали у Пелагеи Ивановны еще при входе, но обещали после проверки передать арестанту. «Спасибо преогромное!» — кланялась попадья.

Расстояние между перегородками в комнате для свиданий оказалось большим, чем ожидалось. Между ними, спрятав руки за спину, молча и методично расхаживал военный в португее с кобурой. Наконец противоположная дверь отворилась, и два конвойных с ружьями встали по обе ее стороны. Тут же в дверях показался Борис Васильевич.

«Боже, что они с тобой сделали?» — сжалось сердце у попадьи.

Исхудавшее лицо его носило следы побоев, волосы ниспадали сваявшимися прядями, полуоткрытый рот зиял темным провалом на месте выбитых зубов, и только глаза на костистом лице стали еще крупнее и ярче. Выпукло блеснув, брызнули слезы и побежали беспомощно по впалым щекам, теряясь в рыжей нечесаной бороде. В его кричащем взоре было столько отчаявшейся любви к ним, стоящим в запредельном мире, что они все сразу поняли: между ними разверзлась бездна, и ему ее не перейти. Высокая тощая фигура его, облаченная в тюремный балахон, походила на живую колоколь-

ню, и очи его горели, словно солнце сквозь бойницы, нестерпимой болью, но во всем его облике тем не менее чувствовалась грозная несокрушимость духа.

Попадья ощущала только ей даденным чутьем, что он терпел немислимые оскорбления, превозмог их тем, что ушел из мира, и сейчас взирает на них из горних эмпирей одесную Господа своего. Все потуги не плакать пошли прахом, и куда-то совершенно подевались слова, которые она припасла для свидания. Дети жались ближе к матери, а она вся сотрясалась в беззвучном плаче. Нелепыми жестами, шамкающими губами пыталась она выразить свое сострадание и чем-то ободрить его, но чувствовала в беспомощности, что еще больше разрывает его сердце.

Теперь уже в два ручья текли слезы по его щекам, словно он их все эти долгие месяцы копил про запас, и вот они хлынули через край сами по себе. Он их не вытирал и перестал прятать руки за спину. И тут Пелагея Ивановна заметила, что некогда красивые, длинные и тонкие пальцы его взбухли кровавыми култышками и растопырились, и ногти были черны. «Цинга, что ли?» — подумалось ей, но вдруг страшная догадка стоном вырвалась из ее оцепенения. Ноги подкосились, и, если бы не дети, попадья рухнула бы на пол.

Что-то резкое сказал военный, и двери за Борисом Васильевичем затворились, словно складень.

— Боря! Папочка! Отец! — прорвались наконец-то отчаянные вопли, но лучше бы он их не слышал...

8

Через неделю Пелагея Ивановна получила письмо от Лели из Москвы, где она училась в педагогическом институте.

«Здравствуй, милая, любимая моя мамочка!

Здравствуйте, Галя и Вова!

Ни часа, ни минуты не проходит, чтобы я не думала о вас, мои родные. Как вы там без отца нашего существуете? Сказать, что я соскучилась — ничего этим не сказать. Душа рвется надвое, а ночами просто выть хочется. Живу в двойном мире. Утром просыпаюсь в общежитии с девочками — они чудесные подружки, веселятся, шутят — и улыбаюсь, как все, а на душе кошки скребут, еле слезы сдерживаю на людях, Каждое утро подушку переворачиваю — мокрой стороной книзу. Недавно анкету заполняли. В графе «отец» написала «служащий». Дальше не могла писать — вся дрожу, рука трясется, слезы текут. Вроде как от отца отрекаюсь, прячусь от людей. А ведь из-за какого человека на фальшь иду! Знали

бы они, какой мой папа — само благородство, сама доброта, сама честность, сама любовь! Умный не просто умом, а сердцем своим. Всегда приветливый, открытый — слово скажет, но такое, что навек запомнится. Сроду никому худого не сделал, скольких сам из беды вызволил, скольким помог в нужде и горести! Да что говорить — мне бы перед всем миром гордиться таким отцом! Он дал мне самый главный урок в жизни — мир постигай сердцем, любовью и к людям любовь в сердце неси! За что ж ему такое наказание выпало, родные мои?

Я благодарна папе, что он посоветовал мне стать учительницей. Это такое нужное дело — нести детям, будущим гражданам свет знаний для построения новой жизни. Дух захватывает от того, что ждет наше поколение впереди, какие горизонты открываются, на какие дела молодежь замахивается! Я мечтаю о том времени, когда в нашем Савино откроется школа и я войду в класс и буду нашим сельским ребяташкам читать «Евгения Онегина» и стихи Ярослава Смелякова — он мой любимый поэт, и недавно я была на его вечере.

Сегодня ночью я видела сон, наверно, вещий. Сижу будто бы в нашем доме у окна за тумбочкой с книгой. И вдруг через раскрытую дверь вижу: в прихожей появляется кто-то, закутанный в белую простынь так, что лица не видно. Он сделал несколько шагов ко мне, но близко подойти не решается. Я вся оцепенела от ужаса. И вдруг он ладонями раздвигает простыню на лице, и я узнаю папу. Хочу крикнуть, а не могу — дыхания нет. А он тоже молчит и внимательно смотрит мне прямо в глаза. Долго-долго так смотрит, словно глазами одними сказать что-то хочет мне. Я поднялась ему навстречу, а он руку перед собой выставил, словно останавливает меня, чтоб я к нему не приближалась, а сам отступает назад, отступает, в каком-то длинном темном коридоре уменьшается в размерах и вовсе исчезает из виду. Тут и я вся не своя проснулась. Девочки спят спокойным сном, а у меня сердце колотится — тук-тук, тук-тук — и не знаю, то ли радоваться мне, что папу видела, то ли плакать. Вот такой сон мне был сегодня, мама... Сообщи мне, пожалуйста, что слышно о нем? Я просто с ума схожу... Обнимаю вас всех и нежно целую — ваша Леля».

Вскоре после письма Тимофеевы получили известие через родных Федора Лукича, что Борис Васильевич скончался в тюрьме во время сердечного приступа. Ночное видение Лели совпало с часом смерти отца.

В мае прибыла в Савино бригада по разрушению культовых объектов. Было их пятеро молодых мужиков да возникчий с конем и телегой, на которой перевозили ящики с динамитом и канаты.

Все село сбежалось к церкви, даже с Бугра шли жители на заречную сторону. Прежде всего сняли колокола. Внутри церкви была уже пуста. Задолго до этого дня позаботились сами верующие, но еще больше — безбожники. На крест, высоко вознесшийся в небо, накинули петлю-удавку и конец каната привязали к трактору «Фордзон», неделю назад собственным ходом пришедшему со станции в село. Действиями бригады руководил новый председатель сельсовета Савелий Ткачук и специально прибывший сюда активист Союза безбожников из Тулы.

А церковь, как бы предчувствуя свою кончину, сияла как никогда своей красотой, и золотая маковка ее нестерпимо слепила глаза, словно чистая, умытая небесной лазурью слеза самого солнца. Никогда прежде такой прекрасной люди ее не видели. Свыклись жители с детства с храмом, с его малиновым звоном и блистающим куполом — верным ориентиром на пути к родному селу для пешего и конного. И невозможно было представить им, что рухнет красавица, что надломится лебединая ее стать. Видели они копошение низвергателей храма и не верили в их власть над ним. Но когда, взревев мотором, пошел чужестранный «Фордзон», натянулся канат и накренился крест, невольный стон прошелся над головами, и все перекрестились. Дрогнул крест, но устоял. Вновь разогнался трактор, затрещал канат, и золотой крест с обломком маковки низвергнулся на землю, и сотряслись сердца у людей — такого еще не бывало в их жизни.

Рванул динамит, и раскололся купол на многие куски, и рассыпался четверик, и обрушилась кровля храма — пыльный прах взошел к небу и окутал стены церкви, и на миг она скрылась с глаз.

Но когда седая пелена осела, взору всех представилось корявое, обезглавленное, израненное тело сокрушенного храма, и древний ужас — с тех, монгольских времен — всколыхнулся в каждом жителе, и молиться стало не на что...

РОЗЫ ОТ СВЕКРОВИ

РАССКАЗ

Тося проснулась рано. Так рано она не просыпалась уже добрых девять месяцев.

В преддродовой стоял еще полумрак. Осенний рассвет медлил, затаившись за окном. Верхушки сосен замерли в ожидании.

Тихо, торжественно охраняет лес этот таинственный вечнозеленый островок на окраине города. В центре островка — старое, пожелтевшее от времени трехэтажное здание — городской роддом. В нем когда-то родилась и Тося, и ее младший брат Андрей, и совсем недавно здесь проходила Тося еженедельную практику по акушерству и родовспоможению. И хотя акушеркой она не стала, с дневного акушерского сразу после замужества перешла на вечернее медсестринское отделение, чтобы молодая семья сама себя кормила и содержала. Все для нее здесь, в этом роддоме, осталось родным и знакомым. И приемный покой с облезлыми весами и клеенчатой кушеткой, куда сегодня за полночь привезла ее «скорая», и эта преддродовая палата с двумя огромными окнами во всю стену. Хорошо помнит она и родильный зал с его ледяным полом из блестящего кафеля.

Будто вчера, затаив дыхание, стояла Тося здесь за спиной своего учителя, врача-гинеколога Светланы

ПРОЗА

Сергеевны, в глубоком, туго накрахмаленном колпачке, то и дело сползающем на глаза, длиннющих бахилах, вместе с другими студентами наблюдала процесс родов, кусала губы и крепилась изо всех сил, чтобы выстоять часы практического занятия. Едва живую, когда уже уплывали из поля зрения и рамы, и стекла, и двери, все, за что пытались еще уцепиться уплывающее сознание, когда и голоса, и крики, и стоны, отдаляясь, становились совсем тихими, приглушенными, более крепкие нервами девчонки выводили Тосю в коридор. А там, прижимаясь к стене и обливаясь потом, Тося ругала себя, что опять не выдержала, и опять одна из всей группы не увидит родившегося малыша.

И напрасно больничные работники пытались вселить в Тосю уверенность, что к человеческой боли, крови и крику можно постепенно привыкнуть, умом Тося и без них все это понимала, но вот сердце отказывалось понимать. Именно оно, Тося чувствовала это, и вводило во временную и неуместную парализацию сознание. Оно словно впадало в спячку независимо от Тосиной воли, и отключалось бы, несомненно, если бы стоящие рядом подруги не подхватывали ее и не выводили на свежий воздух.

К счастью, по окончании училища свекровь устроила ее в курортологию, ни боли, ни стонов, ни криков, ходи себе по светлым коридорам и улыбайся, и все тебе в ответ тоже улыбаются.

Свекровь у Тоси женщина образованная, интеллигентная, преподает в строительном училище немецкий язык, а в курортной поликлинике у нее работает подруга, одноклассница, с которой они дружили с детства. Она заведует лабораторией, куда и устроили Тосю на первое время младшей лаборанткой: пробирки дезинфицировать да марлевые тампоны скручивать. Только на деле оказалось, что Тосе и кабинеты убирать надо, и в холле мыть, пылесосить.

Только после больницы ее из лаборатории перевели на легкий труд, даже, кажется, обрадовались, что Тося от них ушла. Потому что то у Тоси практика, то зачеты, то экзамены, то вообще... Умудрилась на ровном месте ни с того ни с сего выронить из рук какую-то необыкновенную колбу, наверное, дорожку. Так получилось. Передавала шоферу, который их со склада аптечного должен был везти, и... хлопс! На мелкие склянки разлетелась у Тосиных ног. Она так и ахнула. Что теперь будет?!! Уволят или деньги высчитают? В испуге взглянула на шофера, которому колбу эту передавала, а он смотрит на нее и улыбается. «На счастье!» — говорит. Какое уж тут счастье? Последняя капля терпения у заведующей

кончилась. А тут еще и сестра-хозяйка ходит, подзуживает: «Жених к тебе приходил, расспрашивал». — «Какой еще жених?» — «А такой, хорошенький! Сашей зовут. Шофером у нас работает». — «Вы ничего не путаете?» — «Ничего я не путаю, приходил уже не раз, за тебя спрашивал, а я ему сказала, опоздал, дорогой, замужем она, и ребеночка ждет».

В тот день этот Саша и вправду ожидал ее у поликлиники, или не ожидал, а просто стоял его автобус у входа. Она вышла, пошла, он посигналил, она оглянулась, он махнул рукой, позвал, она подошла. «Привет!» — «Привет!» — «Домой?» — «Нет!» — «А куда?» В тот день он ее к медицинскому училищу подвез, спросил, правда ли, что замужем? Она сказала: «Да».

А на другой день он ей целый кулек апельсинов принес. Она, конечно, смутилась, неудобно как-то, дорогие очень, из «Копторга», да и вообще человек-то чужой, не успели познакомиться. Но он и слушать не хотел, сказал, что ей сейчас витаминов больше нужно.

Тося попросила его впредь не тратиться, потому что все у нее есть, ни в чем она не нуждается. Но он еще несколько раз угощал ее конфетами, а однажды даже какими-то вкусными пирожками, и после работы раза два подвозил до медучилища, ссылаясь на то, что все равно в это время свободен.

И почему некоторые люди говорят, что между мужчиной и женщиной не может быть простой человеческой дружбы? Да Тосина жизнь с ее многочисленными проблемами никогда и никому так не была интересна, как этому чуждому парню. Отцы у них были у обоих пьющие, матери — несчастные. Тося по секрету рассказала ему, что муж ее тоже иногда напивается. Сказала «иногда», а надо было бы сказать, что часто. Но оказалось, что признать это трудно, даже перед самой собой, уж лучше почитать стихи, свои, между прочим. И никто-то так, как этот Саша, не слушал их никогда...

А когда Тосю положили в поселковую больницу на сохранение, он самый первый приехал к ней. Девчонки крикнули: «Шалимова, к тебе муж!» Она вышла и обомлела. С цветами, с полным пакетом продуктов, но не Антоша, а Саша. И пока он по-братски отчитывал ее, что не надо было поднимать полные ведра воды, Тося все думала: «Зачем? Это уже слишком». Она так обрадовалась, думала — это Антон. Но Антон провозжал ее сюда, он приедет в выходной...

А однажды они там встретились. Сначала приехали Саша с Ириной, а потом и Антон с Любашей. С Ириной Тося работала вместе, а с Любой росли в одном дворе, она у нее и на

свадьбе гуляла. Так что обе близкие Тосины подружки. Антон такой веселый был, их еще и дождик намочил, а Саша как-то сник сразу, вышел на крыльцо и больше не заходил. Ирина сказала потом, что он промок весь, и всю дорогу молчал в автобусе.

Вернувшись из больницы, Тося работала на легком труде, сидела в холле за своим административным столиком, направляла отдыхающих по разным кабинетам. Ее уже никто не беспокоил и никто не угощал фруктами. Сашу она вообще больше не видела, как будто его отправили в длительную командировку.

С Ириной Тося постоянно виделась на вечерних занятиях. Однажды она принесла записку от пропавшего Саши. Он просил Тосю прийти в парк у Дома культуры, чтобы о чем-то поговорить. Тося не могла сдержаться тогда, рассмеялась. В уме ли он? Ну, во-первых, у нее уже живот выше носа, а во-вторых, как он себе это представляет? Это не на работе случайно встретиться, это же пахнет уже прямо свиданием каким-то! Чудной человек, непонятный. Тося наотрез отказалась, и Ирина назвала ее дурочкой.

Тося ничего ей не ответила, у той недавно был развод с мужем, она не в духе. И уж конечно не может она лучше Тоси знать, где оно — счастье! Этого Тося и сама не знает.

Другое дело, что с тех пор, как она ушла в декретный отпуск, дни стали на одно лицо, словно время замерло и ничего не происходит вокруг. Она только сидит со своим огромным животом и вяжет, вяжет по журналам пинетки и чепчики.

Тося открыла глаза и почувствовала, как заныло в животе. Ночью-то ей ввели снотворное, и теперь вот боли начались снова.

В полутьме кто-то тихонечко стонал. Тося приподнялась и увидела лишь русую макушку на сбившейся подушке.

— А вы гладьте живот по часовой стрелке!.. — посоветовала она незнакомке. — И считайте, считайте. Схватка пройдет, вам легче будет..

Но не успела она договорить, как та вскрикнула, потом еще и еще громче, легче ей уже не становилось. В палату впрорхнула девушка в беленьком халатике, «поколдовала» что-то над роженицей и увела.

А Тося, оставшись одна, принялась усердно гладить свой каменный живот ладошкой и считать: раз, два, три... тридцать три... пятьдесят...

Вчера вот так же считала она дома, и где-то на счет пятнадцать схватка проходила. А с приходом свекрови и вовсе все

как-то успокоилось само собой, и Тося еще помогала ей чистить картошку на кухне, и взялась было за веник, да та сразу отобрала.

Возобновилось уже совсем глухой ночью, когда все спали. Даже Антон, очень припозднившийся со своих вечерних занятий в институте, которому она, переваливаясь уточкой, босая и растрепанная со сна, открывала дверь, преспокойно сопел, отвернувшись к стенке. И она, конечно, давно бы уже заснула, но...

Если бы только один уже ставший привычным запах спиртного! Если бы только он! Но в эту ночь все было сложнее. В эту ночь она решила наконец-то задать ему этот глупый, бесполезный, в сущности, вопрос: «Где ты был?» И раньше он ответил бы: «В институте!» Какой же ветер залетел в их тихую гавань сегодня? Ведь на то, на что в другой раз бы она и внимания не обратила, именно сегодня вышибло ее из равновесия. Задушило обидой. «Какое твое дело?» — ответил он. Действительно, ну какое? Какое ей дело до того, что он каждый день где-то пропадает, что пьют они где-то с ребятами после занятий. Скорее всего, где-нибудь в подъезде, наспех, без закуски. О чем-то говорят. И что дернуло ее сказать ему, что завтра она уедет к своим? «Да уезжай!» — как гром, услышала в ответ.

И тут все началось. Она еле растолкала его, спящего, чтобы он вызвал «скорую».

Потом она уже не видела его лица, ей было так больно, что она до самого приезда «скорой» корчилась в подъезде, вцепившись в перила на площадке первого этажа. А он стоял напротив, растерянный, но какой-то отчужденный и безжалостный. На ее удивление, он все-таки поехал с ней, вероятно, его принудили врачи, кому-то же надо было забрать ее вещи. Потом ее сразу увели, а он остался за дверью приемного покоя. Ему вынесли вещи, хотя она точно не знала, взял ли он ее плащик и туфли. Нужны ли они ему теперь, когда сама она стала ему не нужна?..

В предродовую привели еще одну роженицу. Высокую, белокурую, растрепанную девицу. Она прошуршала пакетами и улеглась, но ерзала с боку на бок и покряхтывала.

«Какая чудная! И я вот такая же, и все здесь такие чудные, испуганные болью и неизвестностью». Раньше Тося видела беременных со стороны, жалела их, казалось, чуть тронь их, задень, и случится что-то непоправимое. Хотя Светлана Сергеевна всегда говорила им, будущим акушеркам, что и беременность и деторождение — естественные, нормальные процессы, протекающие в женском организме, и он к ним гото-

вится постепенно, и не надо ничего бояться, все предусмотрено природой, и она сама поможет женщине в этом деле.

А страха и не было! Удивительным образом когда-то давным-давно поселилась в душе уверенность, только терзала сама боль, и хотелось поскорее от нее избавиться. И еще мучила тошнота. Когда она стала нестерпимой, Тося встала с кровати и, поддерживая живот, кое-как, мелкими шажками дошла до умывальника. Так сильно тошнит... и ничего! Тося знала теоретически, что это так и должно быть, что по всем признакам вот уже скоро, скоро...

— Тося! Тося-я! — то ли услышала, то ли почувствовала, что кто-то зовет.

Она подняла глаза и увидела Антона. Он стоял за окном.

«Как не вовремя все это!» — мелькнуло сквозь начинающуюся боль. Она кое-как дошла до окна.

— Прости меня, — сказал он и улыбнулся какой-то жалкой улыбкой. — Ты как?..

Она пожала плечами и опять схватилась за живот. — Ты иди, иди, тебе ж на работу..

Он ушел. Он, конечно, не выспался, да и спал ли?..

И зачем приходил? Уже не нужно. Она никогда не забудет тот его голос, тот его взгляд. Ей вообще уже ничего не нужно, ни семьи, ни любви. Быть женой — это не так-то просто, это не только радость и разные там нежности и «сюси-пусси», это так трудно и унизительно иногда, особенно во время беременности, когда ты беспомощна, когда любая другая в сто раз привлекательнее тебя, а ты, ты, раскапустившись, ждешь его, единственного, к ужину, а он... а он чихал на твой ужин и на тебя чихал, и на всю любовь вашу прошлую. Прошлую... Вот именно, прошлую. Потому, что уже где-нибудь у него имеется настоящая. И она ему просто по определению дороже, ничего не требующая, ни к чему не обязывающая. А Тося потребовала. Она долго терпела и потребовала, наконец, объяснить ей, где он бывает? Унизительно, унизительно... Она никогда не вернется к нему. И не выйдет больше замуж. И рожать она тоже больше не будет. Это так больно, так больно, и пусть Светлана Сергеевна хоть что говорит! Она больше не желает быть в таком ужасном положении. Ей больно, больно, ей ничего не нужно...

Родила Тося вечером, когда уже и роддом закрыли, а передачу от отца с матерью принесла ей сама Светлана Сергеевна.

— Они уже уходить собирались. Я на отца твоего глянула, сразу догадалась. Поздравила их с внучкой. Как дочку-то назовешь?

— Викторией, — тихо ответила Тося и закрыла глаза.

Ей так хотелось спать, словно она не спала целую вечность. Она бы, кажется, и на родильном столе заснула, да прибежали из детского отделения однокурсницы Марьяна с Надюшкой, не дали — сбрызгивали периодически холодной водой, как куст огородный.

В послеродовую палату ее привезли на каталке, вскоре прибыла и та, «чудная», длинноногая и лохматая, с недавним начесом. Уже через полчаса ее муж кричал ей что-то под окном, но послеродовая находилась высоко, на третьем этаже, окна нельзя было открывать, и он ушел.

— Радуетя теперь, что сын родился. Он сына хотел, — по-детски выпячивая губы, поведала Тосе.

«А у меня девочка, и мой муж этого еще не знает, и ему это все равно».

— А ваш папочка еще не знает? — спросила «чудная».

Тося только дернула плечом, а мысли побежали сами собой.

«И мне все равно, что ему все равно. Мне наплевать. Я вычеркну его из жизни, и весь этот позор зависимости от него вычеркну, освобожусь, и никогда больше не выйду замуж, никогда-никогда».

Ближе к ночи в палату влетели веселые девчонки, Марьяна и Надюшка.

Не успела Тося опомниться, как ей в руки положили маленький теплый сверточек, из которого, как матрешка, поглядывала на окружающий мир, видя и не видя его пока, Тосина дочка.

— На Антона похожа, — улыбалась Марьяна, не раз встречавшая Антона у медучилиша.

— Да ты не бойся, ничего с твоей лялькой не случится! — успокаивала Любаша, глядя, с какой осторожностью держит малютку Тося, — а назовешь-то как?

— Вика. Виктория, — поправила себя Тося, вспомнив, как мать не хочет этого имени, говорит, что будут дразнить ви-кой-чечеви-кой.

А Тосе очень это имя нравится. Виктория — победа. И как нельзя подходит сейчас к сложившейся ситуации. Это Тосина победа над своей любовью. Над мягкостью и безволием своим.

— Ну ладно, давай сюда свою красавицу, — заторопились девчонки и ушли.

Засыпая, Тося вспомнила почему-то, как однажды они с Антоном лежали, мечтали, кто у них родится, мальчик или девочка, и он сказал: «Хорошо бы унаследовал мои волосы, а

лицом пусть будет похож на тебя!» Так вот — получилось все с точностью наоборот! Волосики беленькие, тонкие, ясно, что Тосины, а губки бантиком, как у Антона. И даже родинка на щеке, как у Антоновой бабушки Наташи. Копия.

На другой день к Тосе приходили родители, приходила крестная и бабушка, приходили подружки. Все поздравляли, кричали что-то под окном. И только Антона не было. «Ну и не надо! — думала Тося. — А Иринка — глупая, думает, что если я уйду от Антона, то выйду замуж за Сашу. Привет от него передала в записке. Глупая, ей никого не надо больше».

Они пришли вечером в субботу. Все вместе: муж, свекровь, золовка и тетя Лида, сестра Антонова отца. Долго стояли под окном, радостные, счастливые. Смеялся чему-то и Антон. Что-то кричали ей, но окно открывать строго запрещалось, «чуждую» только что отругали хорошенько за то, что открывала. Конечно, если бы Тося очень-очень захотела... Но она не хотела. И чему радуется Антон? Ну, они-то, допустим, еще не знают. Но он-то! Неужели забыл, куда поедет из роддома Тося?..

Они уже ушли, когда Тосе принесли передачу от них: большой букет роз, топленое молоко, сметану, свежие, теплые еще блинчики с творогом и грецкие орехи. Блинчики они съели сразу с двумя родильницами, с которыми уже успели подружиться за два дня и две ночи. Их испекла тетя Антона, она кулинар еще тот! Розы Тося поставила в банку, которую выпросила у санитарочки, и после последнего ночного кормления долго лежала, при лунном свете смотрела на их контуры. Конечно, розы эти купила свекровь, потому что все цветы, которые дарил ей Антон, были свекровины, так получалось, она учитель, ей дарили, а она отдавала Антону для его девочки, то есть для Тоси, и только однажды ранней весной он принес ей молоденькие, не раскрывшиеся еще бутоны тюльпанов. Стояли еще холода, и он нес их, пряча от колючего ветра под курточкой. Да еще был случай, они гуляли в городском парке, и вдоль тропинки, по которой шли за ручку, тянулась узенькая клумба с цветами. Вдруг Антон озорно оторвался от ее руки, по-хулигански запрыгнул на газон, и не успела она ахнуть, как стоял перед ней с маленьким букетиком. Это были беленькие нарциссы, такие нежные и хрупкие. Но она больше никогда не будет об этом вспоминать.

В воскресенье они тоже пришли, только без золовки, которая, скорее всего, делала в это время уроки, и без тети. И встретились с Тосиной мамой и братом. Отец не пришел, но Тося не обижалась, ведь он и так просидел у роддома целый день, когда Тося рожала. А сегодня, может, и выпил за внуч-

ку. Тося укрылась одеялом, выпроводила девчонок в коридор на прогулку, а сама открыла окно.

— Наташей назывите, Наташей! — кричала свекровь.

— Наташей! Наташей! — думая, что Тося не слышит, погромче повторяла мама.

Антон о чем-то переговаривался с младшим Тосиным братишкой. Они всегда хорошо ладят между собой, Антон выучил даже брата играть на гитаре. Сам-то он играет так, что сердце у Тоси ликует, все в него сразу влюбляются, а Тося не ревнует, нет, но ее всегда такая гордость распирает, что всем и каждому хочется говорить: «Это муж мой! Он у меня такой! Он лучше всех!» Но зачем, зачем она опять об этом вспомнила?

Уходили тоже все вместе. Впереди шли мамы, под ручку, о чем-то разговаривая. Конечно, Тося догадывается о чем, теперь им есть и о ком, и о чем поговорить! Это раньше мама считала, что Тося с Антоном не пара, что у них высшее образование, интеллигентность и все прочее. И живут они богаче, и вообще. «Надо искать по себе!» — словно врезалось в память мамино благословение. «Пережитки прошлого!» — обезоруживающе улыбнулся Антон, когда Тося рассказала ему. Улыбнулся и прижал к груди, и поцеловал так, что земля ушла из-под ног. Только он один и может так целоваться...

Позади матерей шли Антон с братом. Брат за это лето подтянулся хорошо, ростом чуть только пониже Антона. Антон высокий, выше Тоси на целую голову. Как радовалась Тосиному выбору бабушка Таня, папина мать. Для нее единственный козырь жениха — рост. А потом уж все остальное — ум, честь, совесть... Ей Антон сразу приглянулся, да и вся папина родня от него без ума. И мамина, впрочем, тоже. Еще бы! Бабушке Поле и крестной он собственноручно лампадку сделал, когда на «метизе» работал, ловко им выстругал каким-то неопишуемым образом, сидят теперь бабушка и тетя долгими осенними вечерами, играют в лото. Ковер им на стену повесил. Да так аккуратненько, что не нахвалятся они теперь соседям. Но зачем же лезут эти воспоминания в голову?

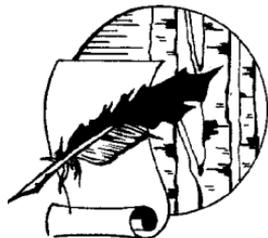
К очередному кормлению Тося готовилась особенно тщательно. Причесалась, косыночку подвязала, на постель свежую пеленочку расстелила. Лялечка ее вела себя спокойно, не то, что соседние мальчуганы, те покрикивали, побряхтывали то и дело. А ее Виктория... или Наташа... Кто же она теперь? Ну почему Наташа?.. Она совсем не хотела Наташу.

Тося посмотрела на дочь, та уже заснула, прикрыв зеленоватые, как у Антона глазки. На левой щеке такая знакомая родинка. Точь-в-точь как у бабушки Наташи. Надо же тако-

му случиться! Ну конечно, конечно, это имя больше подходит к ее дочери, к ее Виктории. И бабушка Наташа такая замечательная, тихая, гостеприимная. Она — мама свекра, и он частенько возит семью к ней, в небольшую деревушку под Воронежем. Ехать довольно далеко, они сидят с Антошей на заднем сиденье, плечом к плечу, когда Тося укачивается, она кладет голову к нему на плечо и дремлет. Иногда так делает и Антон. А иногда... но это уж когда свекор точно не видит, они целуются. Дорога очень дальняя, часов шесть...

Ну, вся, вся в его родню. Ничего-то, кроме волосиков, нет Тосино. А зря! И у Антона, и у его мамы, и у всех тетушек, ее сестер, у всех волосы темные, густые, волнистые, блестящие. А у Тоси так, насмешка природы! И за что он ее полюбил? Все оглядывался, оглядывался, когда уходили...

И уже засыпая, Тося подумала вдруг с новой, неведомой ранее, какой-то неистовой силой: «Ладно, пусть эта будет Наташей, но другую дочку я обязательно, обязательно назову Викторией. И никто мне не помешает, ни мама, ни свекровь. Виктория — это так мелодично! Это означает победу! А третью... младшенькую... непременно назову Кристиной, непременно, потому что Кристинка была самая красивая во дворе, и одна из всех подружек умела играть на фортепиано!»

Олег ДЕМЧЕНКО

ЛЮБИТЬ И ВЕРИТЬ

КОХАНА

Стало слышно в потемках далекий ручей.
Все весеннею силой наволгло...
От столичного шума, от подлых речей
отдохнуть я приехал сюда ненадолго.

Твоя хата тут с краю, и ты молода,
как вот эта весна: засветилась невестой.
То ли вишня цветет, то ли это фата,
то ль качнулась в окошке твоём занавеска.

Выходи в переулок, кохана моя, —
я тебе подарю черевички!..
Украина! До боли родные края!
Позабывтые Богом кулички.

То, что было нам близко, теперь далеко.
Но пока делят Крым, делят Раду,
сад сбежал, как на кухне твоей молоко,
белой пеной в овраг сквозь ограду.

Соловейко запел где-то возле ручья.
Как свежа гроздь сирени тугая!
Выходи за калитку, кохана моя!
Что делить нам с тобой? Всё твоё, дорогая!

МЕДАЛИ*

«За мужество» медали на помойку
свалили возле киевской горы, —
отдал приказ бандеровец какой-то,
в чиновниках засевший до поры.

* В основу стихотворения лег реальный случай, произошедший на Украине в феврале 2008 года.

Героев многих не нашли награды.
Но час пробьет — поднимется народ:
история, как ржавая граната,
еще в руках предателей рванет.

ТРУБА

Все умерло в этой стране —
затихло, затухло на свалке,
лишь слышно в глухой тишине,
как чавкают нефтекачалки.

Качают и ночью и днем
последнюю кровь из народа...
Хоронят дельцы нас живьем.
Всё меньше вокруг кислорода.

Давно наше дело — труба
диаметром более метра,
и всё утекает туда —
пространства, финансы и недра.

Ни фабрик вокруг, ни мостов —
окрестность, смотри, стала нищей,
и только всё больше крестов
на местном безмолвном кладбище.

И нету борьбы никакой,
и нет никаких революций,
лишь в чьи-то карманы рекой,
шурша, нефтедоллары льются.

Мы вылетим скоро в трубу.
Ты видишь, ты слышишь? Не мешкай!..
Плакат старый: «Слава труду!» —
торчит среди руин — как в насмешку.

БЕЗДОМНАЯ РОССИЯ

Заглядывая в баки,
что ищут здесь, скажи,
бездомные собаки,
безмолвные бомжи.

Избитые, обросшие,
двадцатый год подряд
копаются в отбросах.
Ты видишь, демократ?

Они нашли друг друга:
повязаны бедой,
спят вместе, если выюга,
и делятся едой.

Смирны собачьи взоры,
но бомж шепнет им «Фас!» —
и одичавшей сворой
набросятся на вас.

Здесь случаи бывали:
пуская в ход клыки,
прохожих разрывали
собаки на куски.

Здесь люди, что собаки, —
чёрт знает, что жуют,
и в нищете, во мраке
двадцатый год живут.

Давно властям не верим:
страна — сплошной дурдом.
Все скоро озвереем
и всех врагов порвем!

* * *

Война
костей немало
наломала
и разминулась
за семь лет
со мной,
оставив едкий запах аммонала
над черною воронкою лесной.

Подбитый танк...
Не сдвинется он с места —
сквозь гусеницы травы проросли.
Из каски перевернутой немецкой
с жужжаньем выбирают шмели.

И луг цветущий майским пахнет медом.
Не пули ночью свищут — соловьи...

Но все ж не говори о мертвом —
не трогай раны старые свои.

Одни с войны пришли домой со славой,
другие — на чужбине полегли.

А нам она досталась
миной ржавой,
которую саперы не нашли.

...Друзья бежали в рощу за грибами,
и вдруг —

рвануло в гулкой тишине!..

Всей школой
мы стояли над гробами
и думали
всей школой
о войне.

* * *

Душа открыта, словно степь, —
ей нет конца и нет начала.
И что-то хочется мне спеть
родное, полное печали.

В моей душе такой простор
для воли и степного ветра,
что если б руки распростер,
то полетел бы я, наверно!

И тишина, и высота,
и воля вольная, и ветер!..
Душа сияет, как звезда,
и хочет вновь любить и верить!

Олег ШЕСТИНСКИЙ

ЭТИ СНЕЖНО-МЕТЕЛЬНЫЕ ДНИ

ПОЛКОВНИК РИДИГЕР

Полковник Ридигер, герой эпохи оной,
Вел гродненских гусар на стан Наполеона.

Он учинил врагу жестокою прополку.
И император, злясь, надвинул треуголку.

«Мой генерал Бертье, пошлите эскадроны,
Чтоб воротился вспять, смутясь, воитель оный».

И генерал Бертье заверил словом чести:
«Я принесу вам, sir, лишь о победе вести».

Под вечер генерал в пыли, окровавленный,
Едва сошел с коня: «Разбиты эскадроны...»

Наполеон изрек, нахмурившись в запале:
«Мой доблестный Бертье, вы плохо смерть искали...»

А Кульнев, генерал, Отечественной слава,
Писал родным в письме, трактуя нелукаво:

«Коль милостей своих царь мне отпустит меру,
Я б их мечтал отдать герою Ридигеру...»

Когда в мой светлый день десница Патриарха,
Перекрестив меня — (знак Божьего подарка) —

Благословила в жизнь, я, чуждый маловеров,
Глядел в прекрасный лик потомка Ридигеров.

И странно, как меня мое воображенье
Умчало в чудный мир небесного творенья, —

И слышал я Христа, звук речи арамейской,
И древний глас Руси с ее стези армейской.

* * *

Жить бы, друг друга не обижая,
От урожая до урожая,
От травостоя до снегопада, —
Может быть, большего и не надо?

Но в меня целят каленой стрелою,
Меч возношу я над сворою злою,
Конь мой копытит победно и व्यужно...
Может быть, большего и не нужно?

* * *

Есть у нас в быту одна особенность:
Друг на друга странная озлобленность,
Словно друга мы хотим со света сжить.
Как нам жить?

Мы в двадцатом веке правду рушили,
Души рушили, кумиров слушали.
Подлостью мы заменили подлинность.
Вот отсюда и пошла озлобленность.

Как нам вылечить
Духовное увечие,
Воскресить в сердцах
Добросердечие?

Коли уж не свет,
То хоть бы жизнь с просветом,
Хоть бы жизнь с просветом, —
Вся надежда в этом.

* * *

А, демократы, художники-хваты!
Кто говорит, что они хиловаты?

Пишут доносы, подписи ставят,
Крепко друг дружку любят и славят;

Асы финансовых операций,
Дня не прожить им без презентаций;

Глянь: отмечая Октябрьскую гибель,
Старче-глухарче крякнул да выпил;

Рожебагровы и рыжебороды,
Кипр обживают, адепты свободы;

Молятся Будде, а кто Иегове,
Истину ищут все бестолковой;

Словно медузы, в синь-океане,
На телевизионном экране

Лишь колыхаются да колыхаются,
Тех обжигают, кто к ним приближается;

Тексты строчат не на русском, — на сленге,
Но уж зато за хорошие деньги!

* * *

Мне помнится: снежно-метельная
Пурга за морозным окном
И матери песнь колыбельная,
Склоненной над детским челом.

А все остальное, что было, —
Интриги, предательства, ложь, —
Как будто приснилось да сплыло
И стоило ломанный грош.

* * *

Я думаю, какая власть
Должна существовать в России,
Чтоб перед ней не в ноги пасть,
А лишь глядеть в черты живые.

Но за пятнадцать лет хитро
Так обмытарили нам души,
Зло принимая за добро
И ластясь к Запалу, как клуши,

Что легче под снежком-ледком
Найти в цветенье медуницу,
Чем отыскать погожим днем
Не вороватую царицу.

Николай БАКУШИН

ПРЕДЗИМЬЕ

* * *

На Покров собираю грибы.
Ну, никак в небесах не сратется.
И задорно к избе от избы
Зайчик солнечный в пляске несется.

Солнце словно забыло в сей день,
Что пора ему к южным широтам,

Обжигает бока деревень,
От большой отдохнувших работы.

* * *

Заполночь. Город живет норовисто.
Ярко окна в летящих горят поездах,
Мчат машины и хлопают двери, как выстрел
Светофоры мигают бессонницей в желтых глазах.

На балконе стою, опершись о перила.
А в мечтах — улететь, где сейчас тишина,
Закричать, крикнуть бы насколько есть силы,
Чтобы крик долетел до родного села.

Улететь, чтоб услышать, как дышит корова,
И как, вскрикнув, с насеста петух упадет.
Раствориться в ночи, уповая на Бога,
И заснуть в тишине
той, что слаще, чем мед.

СТАРЫЙ КОНЬ

Я коню поднес ведро напиться,
Он, дрожа, глотнул воды устало,
Посмотрел, как будто бы простился,
И под утро мерина не стало.

Сколь прошло, а он все чаще снится,
Жизнь проживший в праведных заботах,
Будто я нес ему напиться,
И запрячь, чтоб ехать на работу.

* * *

...А дожди в январях льют все чаще и чаще.
С каждым годом теплей февраль.
Если будет погода все так же пропаша,
Перестанут от нас улетать журавли.

Их не будем встречать по весне издалека,
Не услышим с высоких небес.
И остынут сердца, позабывшие клёкот,
И рука не возложит свидания крест.

Под Москвой по садам зацветут апельсины,
А в Рязани — кокосы. Какие-то южные «гли».
Не хочу! Пусть цветут мои вишни и сливы,
Пусть на юг улетают на зиму мои журавли.

* * *

Нынче ночь работала художником,
Белой краской красила холсты.
Легкими мазками осторожными
Грунтовала поле и кусты.

Все кругом безгрешное и чистое,
Словно вновь рожденная душа.
Радуюсь круженью серебристому
И бреду по снегу не спеша.

Мария АГАФОНОВА

ПЕРВЫЕ ЯБЛОКИ

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ

Раньше это было, как порог,
За которым — яблоки в корзинах
И тоска пустеющих дворов
В ниточках прилипшей паутины...
Раньше это издали ждалось,
Впереди запрятанное где-то,
И как будто чудо прижилось
На еще не срезанных букетах.
Раньше это было, как финал
Прежних странствий, но иных — начало,
И уже прозрачная волна
Лодочку кленовую качала.
Раньше это было... а теперь —
Это просто день осенний синий,
Проходя, вдыхает через дверь
Запах яблок, собранных в корзины...

* * *

Если б время могло ошибаться,
И прошедшее мимо — вернулось!
Но журавль устал дожидаться,
А синица — в руках задохнулась...

И ничто повториться не вправе!
Все попытки и тщетны, и лживы.
Если время ошибок не правит,
Значит, время — не знает ошибок...

* * *

О нет, я никогда не буду с вами!
Я где-то рядом, только вот беда:
Мы разными шагает берегами,
Которые рассорила вода.

Ни тем, кто есть, ни тем, кто будет после,
Жестокой тайны вверить не смогу:
Я вечно где-то рядом, где-то возле —
На противоположном берегу.

* * *

Не верьте говорящим: «Веры нет!»
Она во всем: в забытом первом шаге,
В попытке первой рифмы на бумаге
(И до бумаги!). В каждом новом дне.

Есть вера в чудо. Вера в долгий срок
(И в новый час — когда и часа много!)
И есть еще — молчите! — вера в Бога,
В него и в эти восемь новых строк.

ПТИЦЕЮ БЕЛОЙ ВЗЛЕТАЯ...

* * *

Предновогодняя досада —
Сквозь пальцы время утекло...
Блестят окошками фасады,
Мерцают елки за стеклом,

Рекламой светятся экраны,
В огнях дороги и мосты,
Но вновь загадочно и странно
Струится вечер с высоты...

И вдруг покажется неважным,
Что в мире всё не Бог как весть,
Когда вот так замрет однажды
Мгновенье вечностью небес...

* * *

На земле обычный зимний вечер —
Неба синь, и снега тусклый свет...
Что ж так душу тянет этот вечный
И непритязательный сюжет?

Слишком хрупким стал миропорядок,
Слишком беспокойно нынче жить —
И вздыхают бабки у лампадок:
«Ах, успеть бы смертное сложить...»

С каждым днем все гуще мгла над Русью,
Каждый год в России — недород.
И темнеют ликом Ржев и Усмань —
Снова ворог Русь в полон берет...

Оттого и на душе тревога —
Ускользает в прошлое сюжет:
Русь святая, зимняя дорога,
Неба синь и снега тусклый свет...

* * *

То ль из себя вырастаю,
То ли собой становлюсь.
Явно отбилась от стаи,
Но ничего не боюсь.

Буду лететь в одиночку —
Чувствую силу крыла —
И не на ближнюю кочку,
А на простор, где земля
С небом смыкается синим...
Ох, и раздольна ты, Русь!
Помнишь, когда-то наивно
Я обещала — вернусь?
Только летать не умела —
Ты терпеливо ждала.
Видишь, я всё одолела,
Птицею белой взлетела,
И — была не была!..

* * *

Если в доме поселилось эхо —
Значит, в этом доме не до смеха,
Значит, одиночеством объят,
Этот дом и этот стылый март
За окном в простой оконной раме...
Значит, я опять грешу стихами,
Значит, ты сегодня не придешь,
И стучит по крыше редкий дождь...

* * *

... Не опоздать на золотую осень,
На алую рябиновую кисть,
На журавлей, взлетающих с откоса
В туманную невидимую высь,

На клёнов медь, на темный глаз каштана
В колючем обрамленьи кожуры,
На дым костра в ночи, травы шуршанье,
На акварель зардевшейся зари...

На ландыши не опоздать лесные,
На трели соловья и майский дождь,
На солнца луч сквозь ставенки резные
И на слова, которых кто-то ждет...

Умчатся дни в просторы вековые —
И мир другим окажется без нас.
Не опоздать на жизнь, где всё впервые
И в то же время всё —
В последний раз...

* * *

Кто знает, сколько нам осталось...
А мы на выход бережем
Костюмы, чувства — и под старость
Окажется, что багажом
Себя не тем обременяли:
Костюм давно поела моль,
Любовь, которой изменяли,
Чтобы играть «по жизни» роль, —
Ушла. И пустота на сердце...
На теле — сущее тряпье.
Уже ничем не даст согреться
Бессмысленное бытие.
И пусть никто не знает, сколько
Ссудит Господь нам лет и встреч,
Мы все привыкли втихомолку
До лучших дней свой скарб беречь.
А после вынесут на свалку
Костюмы и черновики,
И кто-то тихо скажет:
«Жалко,
Хоть и такие пустяки...»

* * *

Любовь — она всегда от Бога...
А мы свой суд над ней вершим.
Не в силах воспарить высоко,
Не ведаем ее вершин.

Самонадеянно и строго
Грозим прервать ее полет,
Когда душа с немym восторгом
За нею рвется в небосвод...

И как рассудочно-убого
Ей предъявляем счет земной!
Убить любовь? Побойтесь Бога —
К Нему дороги нет иной...

Людмила ФИОНОВА,
доктор физико-математических наук

ГЛОБАЛЬНЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС

Ростовщик — главная экологическая опасность планеты

Мировая финансовая система функционирует исключительно ради получения прибыли, бесконечного взвинчивая производство и потребление. Природоохранные мероприятия органически неприемлемы для такой системы, так как предполагают обратное — сдерживание производства и потребления. Это принесет Финансовому интернационалу огромные убытки, а потому осуществить подобные меры в условиях спекулятивного капитализма практически невозможно.

Промышленное производство, попав под власть Ростовщика, стало работать ради умножения богатства «глобальной элиты», а не для удовлетворения реальных нужд людей. Созданное спекулятивным капиталом «общество потребления» провозгласило мерилom «успеха» обладание как можно большим объемом материальных благ. Более 90% нынешнего материального мира создано в XX веке, что катастрофически увеличило объем высокотоксичного трудноутилизируемого мусора на планете (один европеец дает в год 1 т мусора). Решить проблему мусора можно только одним способом — его не надо производить, что невозможно осуществить в рамках «общества потребления».

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Ярким примером искусственного взвинчивания потребления является тотальная автомобилизация, простимулированная пропагандой идеи: собственный автомобиль — главное жизненное достижение, маркер общественного положения. Реальная необходимость индивидуального автотранспорта сильно преувеличена, он неэффективен (около 100 лошадиных сил перевозят одного человека), а наносимый им вред огромен не только из-за перевода миллионов тонн нефти в токсичный дым (автомобили наряду с металлургией и энергетикой — главные поставщики парниковых газов), но и из-за строительства дорог, которые отнимают миллионы гектаров земли у дикой природы, нарушают среду обитания животных, повреждают водную систему планеты. Например, строительство дороги по берегу озера Неро перерезало естественные стоки речек и ручьев, что вызвало подтопление города Ростова Великого, отчего древний кремль этого города разрушается.

Исследования американских ученых показали: выхлопные газы автомобилей, которыми насыщена атмосфера мегаполисов, делают людей тупее, приводят к общему ослаблению организма — иммунодефициту, а также вызывают дыхательную недостаточность, пневмонию, рак легких, атеросклероз сосудов головного мозга, нарушения сердечно-сосудистой системы.

Именно спекулятивная финансовая система создала мегаполисы, удобные для нее вследствие концентрации капиталов и финансовых институтов. Но мегаполисы — зоны экологической катастрофы, калечащие природу и людей.

Так, в Москве, с приходом в Россию спекулятивного капитала, число автомобилей достигло 4 млн., а выхлопы автомобилей, использующих зачастую некачественный бензин (коммерсанты забывают, что сами дышат продуктами своих «трудов»), составляют около 85% загрязнений атмосферы. Вместо воздуха жители Москвы дышат ядовитым смогом, который распространяется уже примерно на 100 км от Москвы — даже на таком расстоянии фиксируется превышение ПДК вредных веществ.

Анализы снега с московских улиц, сделанные в январе 2009 года, показали превышение ПДК нефтепродуктов в 440 раз, таллия (высокотоксичного металла, смертельно опасного для человека) — в 40 раз. Игра в снежки для московского ребенка может привести его на больничную койку с аллергией вплоть до такой тяжелой формы, как отек Квинки.

Искусственно взвинчен и спрос на компьютеры, которые зачастую используются для развлечения — бессмысленных

«прогулок» по Интернету, компьютерных игр и пр. Такая же ситуация с мобильными телефонами и другими техническими новинками, основное назначение которых — приносить прибыль производителям. Реальная польза несопоставима с экологическим вредом, который эта продукция приносит на стадии производства, потребляя огромные невозполняемые ресурсы, давая мощные электрополя, повреждающие природу и человека на стадии утилизации мусора, а также тонны пластмассы и высокотоксичные металлы.

Экологическая безопасность производства напрямую зависит от его эффективности. Однако финансовые спекулянты тормозят внедрение новых технологий. Научные открытия, угрожающие прибылям Фининтерна, блокируются. Свежий пример: 20 января 2009 года был арестован английский хакер Гарри Маккиннон, который сумел, взломав защиту, получить информацию государственных организаций США, из которой следует, что альтернативное топливо уже разработано, но не используется, чтобы сохранить прибыли нефтяных компаний. Молодого человека обвинили по статье «терроризм».

Сельское хозяйство. Поскольку и здесь также решающим аргументом является прибыльность, все большее распространение получают продукты биотехнологий — генетически модифицированные организмы, клоны — дешевые в производстве, удобные в хранении и транспортировке. Однако последствия широкого использования генетически измененных продуктов не вполне изучены. Известно, что они могут распространяться, проникая в дикую природу, и вытеснять естественные виды.

Доктор биологических наук И.Ермакова сравнивает их с «вышедшими из-под контроля ядерными реакциями» и считает, что «среди многих причин, которые могли привести к изменению климата, — масштабное распространение и использование генетически модифицированных организмов. Распространение таких культур может привести к дебилизации населения, развитию бесплодия, всплеску онкологических заболеваний и генетических уродств, к увеличению уровня смертности людей и животных, резкому сокращению биологического разнообразия и достаточно быстрому (несколько лет) разрушению биосферы». И.Ермакова считает, что «...масштабное производство и распространение генетически модифицированных культур является угрозой не только существованию человечества, но и всего живого на планете». По данным НАТО, генетически измененные организмы могут быть использованы в качестве биологического оружия.

Поскольку использование продуктов биотехнологии дает производителям гигантские прибыли, непрерывно растет объем продовольствия, содержащего генетически модифицированные добавки. На российском рынке этот объем составляет уже около двух третей. При этом маркировка, отражающая наличие таких добавок, отсутствует, и власти ничего не делают в этом направлении. Хотя ряд стран Евросоюза законодательно ограничивает использование продуктов биотехнологий, уже пущены в продажу клонированные елки, снимается запрет на использование в пищу мяса клонированных животных.

Наука, попав под власть финансовых спекулянтов, стала коммерческой, начала работать на того, кто платит, не особенно интересуясь последствиями своих действий. Экологические проблемы, возникшие из-за производства атомного оружия, создания атомной энергетики нуждаются в серьезном исследовании, независимом от финансистов.

Космическая отрасль действует сегодня ради демонстрации военной силы государств или ради выполнения мало-значущих экспериментов, даже ради того, чтобы катать туристов, забывая, что каждый запуск — катастрофическое повреждение атмосферы планеты, нарушение озонового слоя, выброс огромных масс высокотоксичных веществ, расход тысяч тонн невозполняемых ресурсов и т.п.

Ученые всего мира, вдохновляемые щедрым финансированием, устремились в область нанотехнологий. Но, как считает кандидат физико-математических наук Ю.Лисовский, «массовое внедрение продуктов нанотехнологий ради коммерческой выгоды может обернуться глобальной катастрофой. Уже есть данные о том, что ряд нанопорошков, подобно асбестовой пыли, могут вызывать болезни человека. Применение нанотехнологий в сфере биологии может привести к моделированию структур псевдоживой материи, обладающей способностью к самопостроению и к саморегуляции, что вызовет качественное изменение мира. Простит ли нам природа такое вторжение?»

Продукты, содержащие искусственно созданные наночастицы, могут представлять опасность для здоровья человека. Опасность несет и создание nanoоружия в США — «умной пыли», «синей слизи» и т.д., то есть микроботов размером с пылинку.

Техногенная катастрофа может возникнуть из-за выхода продуктов высоких технологий из-под контроля. Какими законами будет руководствоваться в своих действиях искусственное «псевдоживое» существо? Фантастические ужасы из боевиков о космических войнах могут стать реальностью».

Социальная политика. Спекулятивный капитализм крайне несправедливо распределяет богатства в пользу паразитарных групп. Резкая поляризация общества наносит вред природе как истеричным потреблением на богатом полюсе (частные самолеты, гигантские яхты, дворцы и пр.), так и нечеловеческими условиями жизни на бедном полюсе (плохие коммунальные коммуникации, отсутствие грамотной утилизации мусора, а также браконьерство, истребление лесов и пр.).

Отношение «глобальной элиты» к прочему населению формулируется просто: сокращение числа людей, потребляющих стремительно истощающиеся ресурсы планеты, и превращение оставшихся в удобный объект управления и эксплуатации. Чтобы присвоить не принадлежащие ему ценности, Ростовщик должен отнять их у людей, которые превосходят его в силе, уме, таланте. Он побеждает, обманывая людей, ослабляя и дебилизируя их.

Управление общественным сознанием. Задача сокращения населения и дебилизации социума решается путем обработки общественного сознания. Этим целям служат образование, культура, средства массовой информации.

Образование на основе болонской системы, использующее систему тестов типа «Единого государственного экзамена», построено по принципу игры «Что? Где? Когда?», где необходимо только механическое запоминание фактов без их анализа. Такое образование направлено на подавление у детей способности мыслить, оно превращается в фабрику дураков.

Зомбирование через средства массовой информации внедряет в сознание людей фальшивую ценность — деньги, превращая их в ненасытных покупателей, управляемых рекламой, в легко манипулируемых избирателей. Информационная блокада, изъятие из СМИ правдивой информации, фрагментарная структура новостных блоков провоцируют мозаичность мышления, разрушают способность выстраивать логические связи. Замена реальных событий истории и современности системой выгодных Фининтерну химер (раздувание мифа о холокосте, мифа о международном терроризме, создание фантома «русского фашизма» и т.п.) помещает человека в вымышленный мир.

Масс-культура также занимается извращением сознания людей, разрушением здравого смысла. Ради этого объявлены произведениями искусства бредовые нагромождения «инсталляций», монстры Церетели и Шемякина, объявлена музыкой какофония шоу-бизнеса и т.п. Для сокращения насе-

ления в людях включается механизм самоуничтожения и снижения рождаемости, для чего пропагандируется нездоровый образ жизни — гедонизм, эгоизм, разврат.

Благодаря такой обработке идет нейродегенерация социума. Безусловно, дебил для Ростовщика идеальный объект управления и эксплуатации. Но может ли сосуществовать с природой цивилизация дебилов? Деградируя, люди неизбежно становятся врагами природы, ибо человек с разрушенным, извращенным сознанием не останавливается перед разрушением природы, не осознает, что рубит сук, на котором сидит.

Информационная война, развязанная Фининтерном против человечества, оказалась столь эффективной не только благодаря могуществу «глобальной элиты», но и благодаря утрате человеком сопротивляемости информационному поражению. Причина утраты иммунитета — жизнь в искусственном мире техноцивилизации. Больным и отупевшим людям можно внушить все, что угодно, даже то, что «черный квадрат» — произведение искусства.

Селекция социума. Для того, чтобы сделать общество контролируемым, из него исключаются неуправляемые, т.е. наиболее умные и сильные индивидуумы. На истребление крошечной группки уцелевших в информационно-психологической войне брошен весь аппарат так называемых правоохранительных органов стран, попавших под власть мировой финансовой системы.

В 2006 году в Австрии был арестован английский историк Ирвинг, который позволил себе публично усомниться в правдивости данных по еврейскому холокосту. Слова, сказанные 68-летним профессором семнадцать лет назад, явились основанием для помещения его в тюрьму.

В России в период «демократических реформ» подвергаются жестоким преследованиям публицисты, издатели литературы, разоблачающей деятельность «глобальной элиты», сионо-масонских структур. Например, более 10 лет преследуют власти главу издательства «Витязь» В.И. Корчагина, не менее 150 раз его вызывали в суды и в прокуратуру.

Фининтерн веками проводит селекцию под девизом: «Лучшего убей!», вырезая из социума самых талантливых писателей, мыслителей, ученых. Им не дают реализоваться, они отстранены от управления, их не допускают к средствам массовой информации, их труды не издаются.

Известно, что вырезание из общества наилучших приводит к резкому падению среднего уровня. Сегодня более полумиллиона (по некоторым данным, до 800 тысяч) научных сотрудников из России работает за рубежом. Ежегодно страну

покидает до 15% выпускников вузов, около 10 000 ученых. По словам Б.Паскаля, «достаточно уехать тремстам интеллектуалам, чтобы Франция превратилась в страну идиотов». Российская наука из-за неприемлемых условий жизни и работы ученых на Родине стремительно деградирует. По данным ЮНЕСКО, Россия по интеллектуальному потенциалу молодежи скатилась с 3-го места в мире (1953 г.) на 40-е, по другим данным — на 47-е место.

В результате деятельности Фининтерна на Земле выстроена система, которая подавляет умных, талантливых, честных, и выносит наверх, на ключевые посты в политике, экономике, науке, СМИ наихудших — бездарных, безнравственных, а потому контролируемых марионеток. Сегодня человеческое сообщество напоминает перевернутую пирамиду, где наверху располагаются те, кому положено быть на дне общества: финансовые мошенники — сверхбогатые, купленные ими политики, журналисты, судьи, прокуроры. Но сможет ли найти общий язык с природой цивилизация наихудших? Ведь в результате такой политики Фининтерна общество лишается тех, кто мог бы выстроить мирное сосуществование природы и человека. В итоге в трудный для планеты час некому будет спасать человечество, в том числе и организаторов этой системы.

Итак, мировая финансовая система, основанная на ссудном проценте, стала источником всех видов кризиса, в которые ввергнуто сегодня человечество: финансового, политического, демографического, кризиса науки, образования, культуры... Выстроив общество, действующее против законов природы, Фининтерн породил экологическую катастрофу. Иными словами, все дороги, ведущие человечество в пропасть, начинаются в банках. Следовательно, главное условие предотвращения экологического коллапса, условие выживания человечества — устранение власти спекулятивного капитала.

Сумасшедший с бритвой

Тяжесть нынешнего положения состоит не только в том, что миром управляет группа, которая ради создания элитарных условий существования для себя готова уничтожить весь мир, а в том, что нейродегенерация наиболее тяжело поразила именно эту группу. «Глобальную элиту» составили люди, которые в силу умственной неполноценности не в состоянии оценить последствия своих действий, не в состоянии осознать, что уничтожают собственную среду обитания.

Отношение к деньгам стало предметом интереса ряда крупных психоаналитиков. Так, З.Фрейд и Г.Блюм сравнивали страсть к накоплению денег с сексуальными расстройствами. Немецкий философ А.Шопенгауэр также считал источником болезненного стремления к накоплению материальных ценностей отклонения в половой сфере. Не случайно ельцинское правительство «демократов», сформированное олигархами, в большинстве своем состояло из людей нетрадиционной ориентации, а гей-парады, вопросы однополых браков и прочие проблемы этого рода в период «демократических реформ» в России вышли за стены психлечебниц и превратились в важные вопросы общественной жизни. Сегодня множество психологов и сексопатологов, которым предоставлены массовые аудитории, усиленно внедряют в общественное сознание мысль, что данное болезненное извращение является нормой. Признание болезни нормой пропагандирует и масс-культура. Глобальная финансовая элита часто обозначается также как «клептократия», что указывает на психическое расстройство составляющих ее людей, которое выражается в неодолимой тяге к воровству.

Разрушая сознание масс, Фининтерн не может сохранить неповрежденным собственное сознание, и без того от природы дефектное, ибо не может изолировать себя и своих детей от своих СМИ, своей системы образования, своей политики, пронизанных ложью. Физиологи считают, что человеческий мозг имеет отдел, который условно можно назвать совестью, т.к. он реагирует на безнравственные поступки и ложь, генерируя импульсы, возбуждающие нервную систему. Ложь разрушает мозг не только слушающего, но и лгущего.

Поведение российских владельцев капиталов свидетельствует, что эта «элита» нуждается в услугах психиатров: фантазмагорический облик строений на Рублевском шоссе, безумные оргии в ночных клубах, в Куршавеле, детские пустышки с бриллиантами, гонорары в сотни тысяч долларов, выплаченные артистам за вечеринки и т.п. Истеричное потребление свидетельствует о повреждении рассудка и потере жизненной перспективы т.н. «новых русских».

Подводная лодка, пристроенная Р.Абрамовичем к своей яхте, бункер для автономного полугодового существования в американском доме банкира П.Авена заставляют подозревать наличие у данных пациентов мании преследования. Расстройство психики не позволяет им понять, что глобальный экологический кризис безопасных убежищ не оставит.

Безумие «глобальной элиты», транслируемое через СМИ, масскультуру, компьютерные игры на миллиардную аудито-

рию, привело к глобальной психокатастрофе. Стрельба в школах, убийство детей своими сверстниками, убийство родителями детей и детьми родителей, убийство сослуживцев, оргии родителей с участием собственных детей — эти события, повторяющиеся с пугающей регулярностью, стали обычными в «развитых» странах. Уровень дегенерации характеризует страшный пример: сожительство австрийца с собственной дочерью, которую он держал в заточении многие годы, вынудив ее родить от него семерых детей.

Назначенные Фининтерном президенты вынуждают целые страны вести себя как сбежавший из психолечебницы больной. Неадекватный М. Саакашвили организует в августе 2008 года безумный налет на Южную Осетию, и жертвами этого припадка стали 2000 ни в чем неповинных людей. Поведение Украины, руководимой президентом Ющенко, в газовом скандале в январе 2009 года напоминает поступки «сумасшедшего с бритвой» (по словам заместителя главы Газпрома А. Медведева). Результатом этого безумия стали замершие города Европы, погруженные из-за отопления подручными средствами (в частности, мазутом) в ядовитый смог. Эти спланированные в Вашингтоне истерики — части сценария по созданию управляемого хаоса, направленного на создание «санитарного кордона» вокруг России. Мотивом таких действий является прибыль спекулятивного капитала, оплаченная уничтожением природы и людей.

Ради достижения своих целей «глобальная элита» без колебаний идет на катастрофические повреждения природы. Правители США сбрасывали атомные бомбы на Японию, поливали джунгли дефолиантами во время войны с Вьетнамом, использовали боеприпасы с обедненным ураном в военной операции против Сербии в 1999 году (по некоторым данным, также в Ираке и Афганистане), не осознавая, что природные процессы неизбежно принесут возмездие за такие действия на территорию США. Отравление атмосферы и мирового океана привело к увеличению числа торнадо в США (более 1000 за 2006 год), к росту их силы до катастрофической, как в случае урагана Катрина, затопившего Новый Орлеан. И речь здесь идет не о морально-нравственных категориях возмездия — экосистема Земли едина и ее возмущение в любой точке отражается на всей планете.

Нормальный человек реагирует на сигналы из окружающего мира, корректирует свое поведение в соответствии с меняющимися условиями. Сумасшедший ведет себя так, словно у него есть запасная планета. Кажется бы, перед лицом столь грозной опасности человечество должно было сплю-

титься и выработать срочные меры по предотвращению надвигающейся всеобщей гибели, однако, несмотря на явные признаки надвигающегося коллапса, осознания экологических проблем «глобальной элитой» не происходит. Продолжаются интенсивное опустошение недр и вырубка лесов. Власти и так называемые «деловые люди» продолжают считать природоохранные меры чем-то необязательным и бесконечно менее серьезным, нежели экономические проблемы.

Как реагируют власти и «деловые люди» России на активное таяние полярных льдов? Планируют добычу нефти в Арктике, напоминая притчу о деревенском дураке, который радовался пожару в собственном доме, мечтая погреться на угольках. Таяние полярных льдов приведет к затоплению большей части суши, к сокращению пространств, пригодных для жизни, к ухудшению условий земледелия, к нехватке пресной воды, к разбалансировке всех систем жизнеобеспечения на планете, к голоду, массовой миграции населения, военным конфликтам и т.д. В условиях сложившейся ныне взаимосвязи всех стран и их тотальной взаимозависимости эта катастрофа будет глобальной и затронет всех без исключения землян.

Как реагируют власти США на нарастающий вал данных о глобальном потеплении, об истощении сырьевых ресурсов? Нарращивают военные расходы. Военный бюджет США вместе с расходами на войну в Ираке и Афганистане составляет 647, 2 млрд. дол., превышая совокупные расходы на оборону всех стран мира. Сегодня власти США напоминают дебила, который, вооружившись до зубов, торопится сесть на последнюю бочку нефти, руководствуясь мудростью преступного мира: «умри ты сегодня, а я завтра».

Даже в том случае, если такое гигантское количество оружия не используется, его изготовление наносит вред, т.к. у природы отторгаются тысячи тонн ресурсов. Будучи же использованной, эта военная машина может просто уничтожить биосферу и без того перенапряженную. Война как средство решения споров при нынешнем уровне технического могущества человека есть убийство планеты и всех землян.

Однако США продолжает войну в Ираке, превратив страну в зону экологического бедствия. Израиль, уничтожая в январе 2009 года сектор Газа, применил запрещенный международными конвенциями белый фосфор и боеприпасы с обедненным ураном. От ядовитого дыма и пыли бомбежек половина палестинских детей заболела воспалением легких. Несомненно, экологическое повреждение затронет соседние регионы, т.е., осуществляя операцию «расплавленный сви-

нец», Израиль заливал этот самый свинец в горло собственных детей. Нечеловеческая жестокость истребления палестинцев евреями напоминает истерику тех, кто потерял жизненную перспективу.

Самое опасное для человечества — то, что в основании Фининтерна стоят религиозные фанатики, принадлежащие к ортодоксальному течению иудаизма. Готовясь к пришествию антихриста, они сознательно ввергают мир в хаос. Стоит прислушаться к словам известного представителя сионистского движения Льва Бронштейна (Троцкого): «Придет время и нас попросят уйти с Земли, но, уходя, мы так хлопнем дверью, что небо обрушится».

Цивилизация умалишенных не сможет найти общий язык с природой и неизбежно будет сметена с лица Земли, если миром будут продолжать управлять умственно и психически несостоятельные люди, которые руководствуются лишь маниакальным стремлением к наживе и мировому господству любой ценой, даже если эта цена — гибель всего человечества.

Цивилизация, лишившая себя будущего

Наиболее жестока политика спекулятивного капитала по отношению к молодому поколению, к детям, что обусловлено физиологически естественным для извращенцев, лишенных родительского инстинкта, равнодушием к потомкам. Физически здоровый и психически нормальный человек отдает все лучшее детям. Американские индейцы, в большинстве своем уничтоженные белыми завоевателями, принимали решения, думая о благе четвертого неродившегося поколения. Сегодняшние хозяева мира не заботятся даже о собственных детях.

Каждое новое поколение вступает в жизнь в худших условиях, чем предыдущее, т.к. повреждение природы нарастает. «Мы не получаем землю в наследство от предков, мы берем ее взаймы от потомков» — эта истина неведома Ростовщику. Организовав интенсивное истребление недр, нынешние хозяева мира, оставили будущие поколения без сырьевых ресурсов. Так, в России пик производства нефти (пик Хаббарда) пройден еще в конце 80-х. В ближайшем будущем страна будет вынуждена снизить добычу до такого уровня, что уже не сможет гарантировать даже собственную энергетическую безопасность.

Предметы материального комфорта, которыми насыщена сегодня жизнь молодого поколения, оказывают негативное

влияние на здоровье молодежи. Мобильные телефоны оказывают вредное воздействие на мозг, длительная работа за компьютером вызывает потерю репродуктивной функции у молодых женщин, негативно влияет на центральную нервную систему, зрение, состояние позвоночника у людей, независимо от пола. Честные исследователи называют памперсы «выстрелом, направленным в будущее», поскольку они ведут к импотенции и бесплодию у мальчиков. Следы плазмасс, источником которых являются детская бутылочка, соска, игрушки, коляска, попадая в кровь ребенка, способны вызывать тяжелые заболевания — аллергию и даже рак. Широко распространенные прививки против детских инфекционных болезней стали причиной превращения тысяч детей в инвалидов. Производители вакцин, лекарств, предметов, обеспечивающих человеку сиюминутный комфорт, не информируют потребителей об отдаленных последствиях использования их продукции. Согласно правилам игры, установленных Фининтерном, производители заинтересованы только в получении прибыли, и избавлены от ответственности за вред, наносимый природе и человеку.

В результате игры по таким правилам идет физическая деградация человека, ухудшение здоровья начинается уже в раннем возрасте. Об этом свидетельствуют данные о состоянии здоровья молодежи в России.

Ежегодно заболевает раком около 50 тысяч детей.

Бесплодием страдают более 40% мужчин детородного возраста.

Около 50% школьников в возрасте 14 лет имеют хронические заболевания, к окончанию школы это количество возрастает до 90—95%.

Сегодня старение людей начинается примерно на 20 лет раньше, чем 30 лет назад. У молодых уже после 20 лет наблюдаются болезни стариков: эндокринные расстройства, артриты, сердечно-сосудистые заболевания вплоть до тяжелых форм — инфаркты, инсульты.

Сознание детей уродуется неправильным образованием, их развращают, внедряют в их сознание идеалы потребления материальных благ как единственной цели жизни. Экологическое просвещение молодежи отсутствует. В результате молодежные пикники — это сломанные деревья, сорванные цветы, помятая трава, горы мусора в лесах и парках, на берегах водоемов, а иногда и зря убитые животные, птицы. В моду у молодежи вошли развлечения, являющиеся экологическими преступлениями: гонки на водных мотоциклах, высокоскоростные рейды мотоциклистов в городах, авторалли по

бездорожью, сафари. След вездехода в тундре, в лесу, в пустыне наносит повреждение, которое восстанавливается десятки лет. Флора и фауна реки или моря страдает от отравляющих веществ, выбрасываемых судном. Убийство животных на охоте ради сиюминутной забавы может быть забавой только для дегенерата, не сознающего, что он убивает собственную среду обитания, сокращая свою жизнь.

Компании, производящие алкоголь, все больше распространяют свою продукцию среди молодых. Примерно 630 тыс. британских подростков в возрасте от 11 до 17 лет употребляют алкоголь не менее одного раза в неделю. Одним из тяжелейших экологических преступлений Фининтерна является непрерывно расширяемый им наркобизнес, поражающий прежде всего молодежь — основные потребители имеют возраст до 30 лет. Пособниками наркобизнеса являются политики — агенты Фининтерна. Так, после того, как Б. Клинтон стал президентом США, употребление наркотиков в этой стране увеличилось вдвое. В России после включения ее в систему Фининтерна в 1991 году наркотики стали распространяться лавинообразно, по данным на конец 2007 года их употребляли до 6 млн. человек. Ежегодно в России от наркотиков погибает 80 000 человек. Дебилизация и убийство миллионов молодых людей, отторжение огромных территорий у дикой природы ради производства яда — еще одно экологическое преступление Фининтерна.

Массовая наркотизация вызывает резкое ухудшение здоровья молодежи, превращает миллионы людей в дебилов. Что устроит на планете миллионная орда невменяемых? Апокалипсис.

Национальное государство — союз человека и природы

Национальное государство — враг Фининтерна, поскольку ограничивает свободное движение капитала. В национальном государстве Ростовщик вынужден делить власть с правительством, которое защищает интересы собственного народа. «Интересы банков не совпадают с интересами страны», — считает известный американский экономист, лауреат Нобелевской премии Дж. Стиглиц. Международная финансовая система, внедряясь в национальное государство, уничтожает национальную экономику, используя ее как среду для ограбления, высасывая ее богатства.

Сегодня государства перестают существовать как целостные образования, они пронизаны сетями мировой закулисы. Современная история — это борьба мировой финансовой

системы против национальных государств. Однако главные поставщики загрязнений — государства, попавшие под власть спекулятивного капитала, который превращает социум в «плавильные котлы».

Вся история США — цепь экологических преступлений. Уничтожение великой индейской цивилизации Америки сопровождалось массивной вырубкой лесов, почти полным уничтожением дикой природы целого континента. Сегодня США производят более 45% от общего количества парниковых газов, потребляя почти половину энергоресурсов планеты при населении всего около 6% от мирового. Американский уровень потребления объявлен идеалом, к которому стремятся многие страны, забывая, что достигнуть такого уровня повсеместно невозможно, т.к. это погубит природу, и без того испытывающую огромное антропологическое давление. Однако вопрос о сокращении потребления гражданами США не может даже рассматриваться, как заявляют представители власти США.

По мере нарастания степени глобализации усугубляется экологическая катастрофа. Около 35% выбросов углекислого газа дают страны Западной Европы, которые с объединением в Евросоюз стремительно теряют свою национальную идентичность, заменив ее идеалами «общества потребления».

Экономический взлет Китая не выглядит таковым, если учесть экологические проблемы страны, в частности, массовую эрозию почв, вызванную архаичными методами земледелия, резким расширением посевных площадей из-за вызванного нищетой лавинного роста населения деревень. Расширяется площадь пустынь, отчего засыпается песком даже столица Пекин. Использование устаревших технологий в промышленности приводит к загрязнению рек, которое все чаще поражает и соседние страны, в частности, Россию. В конце 2008 года Китай поразила сильнейшая за 50 лет засуха. Острую нехватку питьевой воды испытывают более 4 млн. человек, а также почти 2 млн. голов крупного рогатого скота. В Пекине впервые за 38 лет в течение более ста дней не было осадков. Китайское правительство решило выделить 867 млн. юаней (126 млн. долларов) для ликвидации последствий засухи. Одной из важных причин разрушения природы является отказ Китая от традиционных конфуцианских идеалов, восприняв систему ценностей «общества потребления».

Губительной для природы России оказалась эпоха «реформ». За 18 лет господства «рынка» «демократические» правительства разрушили промышленность, сельское хозяйство, науку, вынудили огромную страну жить только за счет ис-

ребления недр, назвав это экологическое преступление превращением России в «энергетическую сверхдержаву». Добыча нефти ведется с нарушением экологических норм (вокруг озера Самотлор около 4 тыс. га залиты нефтью). Идет бесконтрольная массовая вырубка лесов, развертывание на территории России вредных иностранных производств, хозяйства которых экономят на очистных сооружениях. Активно застраиваются элитным жильем заповедники и водоохранные зоны водоемов. Практически ликвидирована служба санитарно-эпидемиологического контроля.

Действия «реформаторов» подпадают под статью 358 Уголовного Кодекса Российской Федерации, которая предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от двенадцати до двадцати лет за экоцид, за массовое уничтожение растительного или животного мира, за совершение действий, способных вызвать экологическую катастрофу. Однако никто наказывать преступников не собирается, правоохранительные органы поглощены борьбой с «русским экстремизмом». «Фашистами», злейшими врагами власти объявлены сторонники национального государства.

Чтобы сломать национальное государство Фининтерн насыщает захваченные им страны эмигрантами. Национально пестрый социум, где неизбежно размываются духовные, культурные, бытовые, хозяйственные традиции государствообразующего народа, становится легко контролируемым и управляемым. Только национальное государство, основанное на народных традициях в быту, в организации общественной и хозяйственной жизни, в культуре, способно поддерживать равновесие между человеком и природой. Национальные традиции формировались веками жизни народа на родной земле. Они сложились ради достижения главной цели: ради сохранения земли предков для своих потомков.

В национальном государстве люди считают главными ценностями здоровье, свежий воздух, чистую воду, натуральные продукты. Цель национального государства — разумный и стабильный баланс между благосостоянием народа и сохранностью среды его обитания, а не рост взятых с потолка цифр «внутреннего валового продукта». Богатство страны здесь должно оцениваться не бессмысленным критерием — количеством золота в сейфах банков, а количеством лесов, рек, животных, здоровьем и продолжительностью жизни граждан.

Только национальное государство способно организовать экономику природосбережения, сократить производство и потребление до физиологически необходимых норм, отказаться от предметов роскоши, ненужных вещей, от высоких

стандартов жизни, принятых сегодня в так называемых «развитых» странах. Только такое государство способно убедить людей принять здоровый аскетизм как норму жизни.

Снижения потребления невозможно достичь без справедливого распределения материальных ресурсов между странами и людьми. Для этого России необходимо вернуться к обществу социальной справедливости — социализму. Справедливость необходима не только в отношениях между людьми, но и в отношениях с природой, т.е. необходим экологический социализм — экосоциализм. Придется установить приоритет экологических норм над размером прибыли, т.е. отказаться от капитализма.

Экосоциализм невозможен без выстраивания правильной иерархии ценностей в сознании человека: приоритетными должны стать интересы планеты, интересы государства. Интересы личности должны быть подчинены этим высшим приоритетам ради сохранения планеты, страны. Либеральная демократия, напротив, переворачивает эту естественную иерархию ценностей с ног на голову, декларируя приоритет «свободы личности», т.е. безответственность и эгоизм. Сознание людей искусственно сужается, замыкается кругом личных проблем. Люди перестают осознавать, что их благосостояние и сама их жизнь зависит от общества, страны, планеты, что природа может в одно мгновение уничтожить их и их жилища. Причем, это равно относится как к хижинам бедняков, так и к дворцам хозяев мира.

В условиях быстро развивающейся экологической катастрофы было бы разумным переориентировать науку от бесконечного умножения технических игрушек, производство которых приносит прибыли Фининтерну, к наукам о Земле. Перейти от собирания обрывочных данных к систематическому анализу экологического кризиса в связи с его экономическими, политическими, социальными причинами. Остро необходимо создание наук типа «политэкология», «экосоциология».

Эти меры представляют собой столь разительный контраст существующему порядку вещей, что кажутся утопией. Переход к новому миропорядку потребует от человечества столь принципиальной, столь резкой смены системы ценностей, столь коренной ломки образа мыслей, образа жизни, что кажется нереализуемым. Однако пренебрежение этими мерами неминуемо приведет к экологическому коллапсу и всеобщей гибели.

Жизнь человека в гармонии с природой означает крах «общества потребления», поэтому осуществление всех этих мер невозможно в условиях глобальной власти Фининтерна. Устранение спекулятивного капитала от управления миром, ук-

репление национальных государств, ориентированных на эко-социализм, позволит перейти к эффективному природосбережению, которое сегодня практически не осуществляется.

Остался один год

В настоящее время международные организации рассматривают меры предотвращения экологического коллапса при одном непременном условии: сохранение власти «глобальной элиты». Только 37 индустриально развитых стран, ратифицировавших Киотский протокол (в том числе Россия), имеют обязательства по сокращению выброса вредных веществ в атмосферу. Но главные «загрязнители» — США и Китай не присоединились к этой группе. В 2008 году объемы американских выбросов углекислого газа на 14% превысили уровень 1990 года.

«Если к 2050 году мы не уменьшим выбросы хотя бы вдвое, потерпим гуманитарную и экономическую катастрофу, неизмеримо большую, чем нынешний кризис», — заявил на Международном экономическом форуме в Давосе в январе 2009 года премьер-министр Великобритании Г. Браун.

Однако экологическая ситуация гораздо опаснее, чем полагают многие политики. «Для спасения Земли у человечества остался год» — под таким заголовком был размещен в Интернете материал о XIV Международной конференции ООН, посвященной глобальным изменениям климата, состоявшейся в польском городе Познань в декабре 2008 года. На форуме прозвучали чрезвычайно пессимистичные прогнозы. Как заявил министр по охране природы Польши М. Новицки «экосистема планеты... находится на грани разрушения... Если не предпринять срочных мер, то мир столкнется с невиданными ранее угрозами: масштабными засухами и наводнениями, разрушительными циклонами, пандемией тропических болезней и даже военными конфликтами и беспрецедентными миграциями населения».

Прогноз срока, оставшегося до наступления экологического коллапса, все время корректируется в сторону уменьшения. По словам вице-президента Академии геополитических проблем К. Н. Соколова, «процессы изменения природных систем не носят некий плавный нарастающий линейный характер. В один «прекрасный» момент может произойти «цепная экологическая реакция». Может измениться не только климат, но вся биосфера. Когда такое может произойти — наука точно предсказать не может. Но экологи говорят: в любое время, для этого все уже созрело».

НЕФТЯНОЙ ВОПРОС РОССИИ

Нефтяной вопрос очень важен для России и, пожалуй, каждый знает, что реально вся экономика РФ держится на экспорте нефти и газа, а нефтедоллары составляют в бюджете страны львиную долю. Любое колебание цен на нефть отражается на состоянии экономики РФ. Если цена на нефть поднялась — можно докладывать главе государства об успехах в экономике, если цены на нефть упали, то — «А при чем тут мы? Цены на нефть снизились».

Сейчас цены на нефть высоки, а, следовательно, «правительство добилось экономического роста». С телевидения и радио раздаются радостные известия о светлом настоящем и о еще более светлом будущем страны. Казалось бы, внешне все хорошо — правительство на месте, а владельцы нефти и газа умело и грамотно используют все имеющиеся ресурсы на благо своей Отчизны. Но так ли оно на самом деле? Давайте разберемся, раз уж нефть для России как кровь, а нефтепроводы — артерии, то каково же состояние жизненно важной для России сердечно-сосудистой системы?

Нефть и газ для России — это гораздо больше, чем природные ресурсы, которые можно продать. На самом деле это невозобновляемые природные ресурсы, без которых Россия с ее холодным кли-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

матом просто не сможет существовать, не говоря о том, что не только общественный и частный транспорт должен ездить, но и для посевной, и сбора урожая должно хватать топлива. И только после того, как отечественное хозяйство обеспечено этими жизненно-важными ресурсами, в случае его явного избытка, только тогда его можно продавать за рубеж.

Для начала нужно определиться, сколько же в России нефти. Отечественных официальных данных по запасам нефти и газу нет, эта информация засекречена и она нигде не публикуется. Однако есть экспертные оценки. Итак, согласно мировым экспертным оценкам в России 8—10 млрд. тонн, что составляет примерно 6% от мировых, газа в России больше, его процент составляет 26—28 % от мировых запасов газа. Проведя нехитрый арифметический подсчет и разделив 8—10 млрд. тонн на ежегодную добычу (450—500 млн. тонн), получим количество лет, на которые государству хватит нефти. Увы, данные весьма неутешительны, в России нефть закончится примерно через 20 лет. При увеличении разработок нефти соответственно количество лет будет в той же прогрессии уменьшаться. По телевидению же вещают, что Россия очень богатая страна по ресурсам, а нефти у нас чуть ли не больше всех. Но по запасам нефти Россия только на 7-м месте. Лидерами по запасам нефти являются: Саудовская Аравия (36,3 млрд. т), Иран (18,9 млрд. т), Ирак (15,5 млрд. т), Кувейт (14,0 млрд. т), ОАЭ (13,0 млрд. т), Венесуэла (11,5 млрд. т).

Несмотря на то, что Россия только на 7-м месте по запасам нефти, она делит первое место с Саудовской Аравией по добыче нефти — примерно 500 млн. т. в России против 530 млн. т. в Саудовской Аравии. Но в Саудовской Аравии нефти 36,3 млрд. т., что составляет 22% от мировых запасов.

Итак, получается, что нефти вовсе не так уж много, а попросту мало и хватит ее на 20 лет при учете, что добыча нефти не будет увеличена. Нефтепроводы работают по максимуму, больше перекачивать просто физически не позволяют трубы.

Но и этого нефтедобытчикам не хватает. Наше руководство во время своих зарубежных поездок постоянно обсуждает планы строительства тех или иных нефтяных и газовых коммуникаций — нефтепровод и газопровод в Китай, нефтепровод в Грецию и т.д. Все это преподносится как завоевания России и выход на новые рынки. К чему это ведет на самом деле, к богатству страны или ее краху?

В новостных сводках постоянно твердят об «эффективном менеджменте» и об «эффективном использовании недр». Насколько же эффективно используются недра и ресурсы страны?

Современные технологии позволяют добывать из месторождений 65% имеющейся нефти. В СССР этот процент был равен 50%, а вот в современной России с ее «эффективным менеджментом» всего лишь 30%. Это означает что, не говоря о современных нормах, но и даже в сравнении с СССР нынешние нефтедобытчики в существенном проигрыше, а из месторождений берут менее трети. В США разрабатываются месторождения, которые дают в день хотя бы 10 тонн нефти. В РФ же месторождения, дающие в день 100 тонн, считаются нерентабельными, их консервируют. В результате простаивает огромное количество скважин, которые с точки зрения наших распорядителей нефти являются малопроизводительными.

Как известно, во многих странах-экспортерах нефть на внутреннем рынке стоит дешевле, чем на рынках внешних. У нас же часто внутренние цены превосходят аналогичные цены в ряде стран, например, в США более качественный бензин дешевле. Целесообразно при снабжении народного хозяйства, особенно сельского, использовать более льготные цены.

За все время существования демократической России на ее территории не было построено ни одного нефтеперерабатывающего завода (НПЗ). Степень износа отечественных НПЗ составляет 65%, а загрузка составляет менее 80%. Только у «Лукойла» коэффициент загрузки мощностей приблизился к отметке в 95%, а принадлежащий «Сургутнефтегазу» Киришский НПЗ работает на пределе мощности с загрузкой почти 100%.

Возведенные еще в СССР НПЗ строились, исходя из несравнимо меньшего, чем сейчас, числа автотранспорта. А сам процесс нефтеперегонки предполагал производство бензина более низкого качества.

О том, что в России скоро кончится бензин, в марте 2006 г. сказал глава Минтопэнерго Виктор Христенко. Министр заявил, что на сегодняшний день в стране имеется лишь два нефтеперегонных завода, которые производят бензин, соответствующий европейским стандартам. Это Омский завод, который принадлежит «Газпромнефти», и Ярославский завод — им владеет «Славнефть». «Но даже этот бензин на внутренний рынок не попадает, а уходит за границу, где за него можно выручить гораздо больше. А Россия по большей части ездит на бюджетном топливе, которое производят остальные 27 НПЗ», — сказал В. Христенко.

О том, что российская нефтеперерабатывающая отрасль нуждается в строительстве новых мощностей, говорит и президент Союза нефтегазопромышленников Геннадий Шмаль.

«НПЗ в России старые, с низким коэффициентом нефтепереработки, а новые заводы в стране не вводились в течение 30 лет», — сказал Г.Шмаль. Так, Туапсинский НПЗ построен еще в 1928 г. Не намного моложе его Саратовский НПЗ. Этот нефтеперерабатывающий завод построен в 1934 г.

Касаясь коэффициента переработки необходимо сказать, что в Европе и США из тонны нефти получают не менее 900 литров бензина, а в РФ получают из тонны менее 600 литров.

Очень важный критерий — цена. Казалось бы, России должно быть выгодно продавать нефть как можно дороже. Дороже продали — больше получили, т.е. с большей ценой, но с меньшими поставками все равно в плюсе. Тем более что Россия в ОПЕК не входит, а, следовательно, перед этой организацией нет никаких обязательств, рынки, куда продает нефть Россия и страны ОПЕК, разные и входят в конкуренцию только на определенных территориях. Все элементарно, все логично.

Представляется странным, что наш «эффективный менеджмент» не стремится отстоять свои ценовые позиции на мировых рынках, продавая свою нефть по более низким, чем у стран ОПЕК, ценам. Позицию российской власти по данному вопросу, будучи министром энергетики РФ, озвучил Игорь Юсуфов, заявивший в 2004-м году, что цена в 28—30 долларов за баррель нефти, на которой настаивает ОПЕК, «слишком высока для наших американских и европейских партнеров, это создает для них экономические проблемы». Поэтому Москву вполне устраивает цена: в 20—25 долларов.

Далеко уже не первый раз и на протяжении двух лет Россия сбивала цены на нефть, не позволяя странам ОПЕК повышать цену. Так, в том же 2004-м году Минэнерго РФ не поддержало решение ОПЕК о сокращении поставок нефти, заявил в интервью агентству DJ Newswires начальник департамента инвестиционной политики Министерства энергетики РФ Олег Антонов. Решение ОПЕК, которое не было согласовано с Россией, приведет к росту мировых цен на нефть и нарушит равновесие интересов производителей и импортеров нефти, считает он. Получается, что нам невыгодно извлечение максимальной выгоды на мировом рынке?

Отметим, что себестоимость добычи российской нефти на несколько порядков выше, чем у своих конкурентов. Так, себестоимость барреля нефти в Саудовской Аравии составляет всего лишь 1,5—2 долл. За баррель, а вот добываемой в Западной Сибири составляет 6—8 долл. за баррель. Дело в том, что их нефть сразу из скважин качается в танкеры, а вот для тюменской нефти, которая находится в вечной мерзлоте,

надо обслуживать тысячи километров нефтепроводов и дорог, не говоря о прочих трудностях добычи при крайне низкой температуре. И то 6—8 долл. — это самый нижний предел себестоимости до которого довели нефтедобытчики, реальная себестоимость должна быть еще выше, поскольку оборудование и трубопроводы поддерживаются в состоянии предельной работоспособности на пределе износа и даже хуже. На нефтепроводах в среднем в год происходит до 50 тысяч аварий, постоянно выливаются многие тонны нефти, наносится серьезный экологический ущерб. Аварийные места ремонтируются только локально с целью скорейшего возобновления нефтеперегона.

После того, как нефть попала в руки частного, быстро выяснилось, что для него самым главным как раз и является «снятие сливок», то есть выкачивание максимального количества нефти и отправка ее на внешние рынки, без заботы об экологии России. Ведь, ситуация с «Сахалин-2» — это вовсе не исключение, но увы, пока только она попала во внимание Генпрокуратуры и Росприроднадзора.

Бывший глава Росприроднадзора Олег Митволь заявлял, что проект «Сахалин-2» надо останавливать. В противном случае, по словам Митволя, возможна экологическая катастрофа. Экологический ущерб от проекта «Сахалин-2» может превысить 50 млрд. долларов.

Однако, на деле не все так просто с закрытием. При всех их нарушениях, заместитель министра промышленности и энергетики РФ Андрей Дементьев считает, что пока нет оснований для закрытия проекта «Сахалин-2», сообщает «РИА Новости». Как отметил замминистра на заседании Совета Федерации, в случае закрытия проекта, России придется возместить все затраты, понесенные компанией «Sakhalin Energy». «В случае расторжения соглашения о разделе продукции мы должны возместить все понесенные на тот момент затраты», — сказал он.

Основной вывод, который можно сделать из этих фактов, — тот, что государство должно усилить свой контроль над нефтедобычей, и особенно за защитой окружающей среды, вводить самые строгие санкции за нанесение экологического ущерба. Для защиты нашей экологии необходимо иметь очень жесткое и четкое правовое поле.

Какова реальная эффективность использования наших сырьевых ресурсов? Если судить по самому большому в мире стабилизационному фонду и по золотовалютному запасу, то страна и впрямь богатеет, но вот люди в глубинке о «богатении» страны, и о своем личном, не подозревают, но каждый

день слышат о том, что есть проблемы с топливным обеспечением посевных, не говоря уже о том, что из-за постоянных подорожаний на топливо не остается средств.

Что ж, цены на топливо и энергоресурсы в целом так и будут расти, вплоть до пока не сравняются с европейскими, — благо за граница, заинтересованная с понижением конкурентоспособности нашей экономики об этом постоянно настаивает, к этому же нас обязывает вступление в ВТО.

В СССР на деньги от нефти финансировались наука, государственно-партийный аппарат и Армия, зарубежные компартии, национально-освободительные движения в разных уголках мира, военно-промышленный комплекс социалистических стран, различные передовые разработки, не говоря о космосе, где было одновременно аж две собственные космические станции, субсидировалось сельское хозяйство. И при этом врачи и учителя получали нормальную зарплату, а пенсионеры имели пенсию, на которую можно было жить. РФ продает нефти больше, чем весь СССР, причем по гораздо более высоким ценам.

Насколько же эффективно государство использует деньги, полученные от сверхдоходов на нефть? Деньги, полученные от сверхдоходов продажи нефти, идут в стабилизационный фонд. Средства из него, по мнению главы Минфина Алексея Кудрина, тратить в России ни в коем случае нельзя. Средства лежат тяжелым грузом, причем хранятся в долларах США и в зарубежных банках. Доллар постоянно обесценивается, да и в настоящее время это очень ненадежная валюта и уж тем более уступает общеевропейской валюте — евро. Средства стабилизационного фонда бессмысленно обесцениваются, сгорая от инфляции. Впрочем, Россия как развитое, цивилизованное и индустриальное государство никак не может позволить себе модель сырьевого существования, подобную ряду арабских стран. Речь идет о том, чтобы эффективно использовать имеющиеся средства на развитие экономики и избавление от сырьевой зависимости.

Во всем мире, кроме США, Великобритании и России, нефть принадлежит государству. До недавнего времени в Бразилии и Венесуэле нефть также была в собственности частных, в основном, иностранных компаний, но буквально недавно залежи нефти были национализированы. Во многих странах хотя нефть и была приватизирована, но контрольный пакет остался у государства. В Саудовской Аравии, Кувейте и Объединенных Арабских Эмиратах в руках государства находится около 70—75% акций. В Норвегии — 51%, и эта пропорция установлена законом. В России, если не вдавать-

ся в юридические формулировки, приватизация была проведена очень неумело. Но и даже с учетом приватизации согласно Конституции РФ недра принадлежат государству. Приватизирована была не нефть (которая также является недрами), а право на разработку недр и оборудование. Соответственно, юридически нефть принадлежит не им, а государству и обществу, однако последнее не получает от этого достаточной пользы, но несет значительные издержки из-за постоянных подорожаний на топливо, от его нехватки, низкого качества, а также значительного экологического ущерба.

Можно успокаивать себя тем, что чем меньше будет оставаться нефти, либо чем она будет дороже, тем больше месторождений, считавшихся ранее нерентабельными, будут разрабатываться. Но это временное явление, они также закончатся. Можно успокаивать себя тем, что какое-то количество новых месторождений нефти найдут, но, увы, вряд ли уже найдут крупные залежи нефти, поскольку в Советские годы геологоразведка работала очень высокоэффективно.

Единственный путь выхода из создавшейся ситуации состоит не в бездумном наращивании объемов экспорта нефти и газа и не в безоглядной и стремительной интеграции России в мировой рынок в качестве сырьевого придатка. России нужна принципиально другая стратегия — основанная на развитии многоукладной экономики с мощным государственным сектором, ориентированная на развитие внутреннего рынка, на освоение нашей огромной территории, на развитие основных производственных сил — промышленного производства, науки, техники, технологий и собственного сельского хозяйства.

Юлий КВИЦИНСКИЙ,
дипломат, посол России в Норвегии

ЕСЛИ НЕ УСПЕЕМ, НАС СОМНУТ

Внутреннее положение России, которая оказалась ввергнутой в глубокий кризис в результате горбачёвской перестройки, а затем политики клики Ельцина и его последователей, на наших глазах быстро осложняется. Нынешний российский режим совсем недавно нам внушал, что Россия вступила на путь «быстрого оздоровления и роста».

И люди верили в это, с доверчивой радостью реагировали на посулы, которые щедро расточал Кремль. Сейчас наступает отрезвление и разочарование. Начавшийся в мире финансовый и экономический кризис быстро развеивает радужные иллюзии, с каждым днем убеждает людей, что объективное положение России остается безрадостным и имеет тенденцию не к улучшению, а к ухудшению.

Иначе и не могло быть. Обстановка определяется рядом долгоиграющих факторов, ни один из которых не был преодолен за последние годы.

Мы потеряли 5 из 22 млн. кв. км своей исторической территории, которые подгрести под себя наши геополитические противники. Мы утратили половину своих прежних производственных мощностей и ни по одному показателю объемов производства до сих пор не вышли на уровень 1989 года. Мы учетверили или даже упятелили вне-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

шнюю задолженность бывшего Советского Союза, хотя это скрывалось с помощью утверждений, будто долги набрало не государство, а частные фирмы и компании. Начался кризис, и оказалось, что по этим долгам должно расплачиваться государство, а не наши так называемые эффективные собственники. Мы продолжаем терять население темпом по 500—700 тыс. чел. в год. Наши наиболее способные ученые, прежде всего молодежь, уехали из страны за границу и вряд ли уже вернуться назад. У нас почти не осталось высококвалифицированных специалистов на производстве, а попытки возродить его без подготовленных кадров — это химера. Наше сельское хозяйство доведено до ручки, заброшены пахотные земли, вырезан скот, разорены деревни, отсутствуют сельхозмашины и удобрения, а страна находится в жесткой зависимости от импорта продовольствия из-за границы. Развалены наука, просвещение и высшее образование, которые были ранее гордостью страны. Полным ходом идет культурная деградация, Россия теряет облик великой самобытной цивилизации, превращаясь в еще одну составляющую часть обширного пространства суррогатной американской масс-культуры.

Иллюзией оказалось представление, будто благополучие и стабильность страны могут держаться на усиленном экспорте за границу ее природных богатств, прежде всего энергоносителей, причем по низким ценам и в необработанном виде. Запасы этих богатств неограничены и по многим показателям близятся сейчас к исчерпанию. Это, кстати, касается нефти и газа.

Нынешняя российская власть самоуверенно утверждала, будто она управляет экономикой страны. Сейчас все видят, что это не так. Цены на сырье и энергоносители, т.е. то, на чем держится экономика России, покатились вниз. Причем всем становится ясно, что эти цены определяются не Москвой, а мировым рынком, где Москва не заказывает музыку. Россия не участвует ни в одном из международных инструментов, которыми регулируются эти цены. Ее валютные резервы находятся в руках иностранных банков. В обстановке начавшегося падения цен Россия не может позволить себе для их повышения сократить экспорт своих ископаемых богатств или приостановить его, поскольку немедленно окажется перед угрозой экономического и социального коллапса. Она встает поэтому на путь наращивания экспорта все тех же нефти, газа, древесины, несмотря на стремительное падение цен, а следовательно, будет вынуждена искать новых кредитов и идти на различные политические уступки в ущерб интересам страны. Наступает расплата за годы не-

правильной экономической политики, за дикую и вредоносную приватизацию, за отказ от собственного производства и переход в тотальную зависимость от внешних рынков.

Из этого следует, что нужно видеть опасность и неустойчивость складывающейся ситуации и быть готовым к любым поворотам событий. Нынешний бонапартистский режим, сложившийся в результате острой борьбы за власть олигархических кланов и постоянно балансирующий между крупным компрадорским капиталом и основной массой населения, дискриминируемого этим капиталом, по самой своей природе весьма неустойчив и не способен справляться с теми масштабными проблемами, которые вызревали в России после 1991 года и резко обострились в настоящее время в связи с кризисом. Он может предлагать в лучшем случае какие-либо паллиативные решения, лишь загоняющие болезнь вглубь, а потому будет хитрить, изворачиваться, заниматься демагогией и обманом как бедных, так и богатых.

Его единственная цель — сохранить статус-кво и удержать в руках власть. В этих целях он будет искать компромиссов со всеми противоборствующими силами внутри страны, не исключая и КПРФ. Он будет искать партнеров и на международной арене, не проявляя большой разборчивости в выборе и готовность к сдаче национальных интересов под видом приверженности к бесконфликтной политике, миру и международному праву. Это будет иметь своим следствием наряду с усилением внутренних трудностей нарастание и внешних угроз.

По сравнению с временами Советского Союза внешние опасности не только не уменьшились, а заметно возросли. Это, кажется, начинают понимать и в Кремле. Во всяком случае, нам, слава Богу, все меньше доводится слышать, что у России нет больше противников, нет врагов, а кругом одни друзья и доброжелатели. Прозрение начало проявляться еще во время выступления в Мюнхене бывшего российского президента Путина. Оно вскоре получило свое трагическое подтверждение в результате нападения Грузии на Южную Осетию, а затем в ходе так называемого газового конфликта с Украиной, в котором и США, и Европа не замедлили встать на сторону Киева.

Грузинское нападение наглядно обнаружило все стратегические промахи, упущения и недоработки российской внешней политики на протяжении последних 17 лет. В ельцинские годы Россия пятилась назад и вставала каждый раз по стойке «смирно», внимая указаниям вашингтонского обкома в надежде на то, что будет вознаграждена и станет ближайшим

другом и союзником США и Западной Европы. Из этого ничего не вышло. Россию держали за парию и помыкали ею, сколько хотелось.

Затем была взята линия на раздачу «авансов» «несообразительным» западным партнерам: мы, дескать, по своей инициативе отказались от Лурдеса и Камрани, досрочно выплатили свой государственный долг Западу, простили миллиардные советские долги другим странам, согласились считать Запад равным нам игроком на пространствах бывшего СНГ, поддерживали себе в ущерб позицию Запада в отношении нашего южного соседа Ирана, саботировали создание Союзного государства с Белоруссией, покорно мирились с дискриминацией русских в Прибалтике, разгулом приспешников немецких оккупантов в этих республиках и на Украине и т.д. Авансы были розданы, причем немалые. В ответ была получена фигура из трех пальцев. НАТО продолжало двигаться на восток, замахнулось на Кавказ и Среднюю Азию. В непосредственной близости от нашей границы стали расставляться американские ракеты. Нас не пустили в ВТО, не отменили пресловутой поправки Джексона—Вэника, продолжали враждебную кампанию в СМИ. Верхом неблагодарности наших западных «партнеров» стало нападение Грузии на Южную Осетию, т.е. на республику, населенную нашими гражданами, где размещались наши миротворцы.

На этом политика раздачи авансов — хотелось бы надеяться — потерпела окончательный и позорный провал. Пришлось, хоть и нехотя, защищаться и сопротивляться. Означает ли это, однако, начало существенного поворота во внешней политике России? Сказать с уверенностью, что это так, пока что не получается. Скорее всего это будет процессом сложной внутренней борьбы в российских верхах. Значительная часть нашей так называемой элиты хотела бы продолжения прежней политики, которая соответствует классовой сути нынешнего Российского государства как государства крупной буржуазии и тесно связанного с ней чиновничества.

Чтобы обезопасить себя и обеспечить уверенное будущее, у России нет иного выхода, как совершить решительный рывок вперед. Для того чтобы сделать это, у нас остается все меньше времени. Начавшийся кризис обостряет ситуацию внутри и вовне. Опасность того, что мы не успеем и нас сомнут, велика. И дело тут не в том, что в России нет достаточных сил и возможностей для совершения такого рывка. Такие силы и возможности, как это не раз проявлялось в критические моменты нашей истории, у нас всегда находились. В решающий момент наш народ всегда умел сплотиться и

мобилизоваться. Дело в другом — в нашей правящей элите, самозванно присвоившей власть в России и ее богатства. Она мало что знает и умеет, не привыкла за что-либо отвечать и, более того, была убеждена, что и делать-то ничего не нужно, поскольку за нее все задачи управления страной и вывода ее из кризиса автоматически решит свободный рынок. При этом нас призывали не волноваться, проявить терпение и брать пример с богатых и сильных капиталистических стран.

Да, в США есть свободный рынок и американская буржуазная элита, во Франции — французская, в Германии — немецкая и т.д. Но нигде нет такой элиты, которая, подобно нашей, последовательно разоряла бы страну, разбрасывалась ее землями и богатствами, презирала свою историю и была бы готова мириться с внешним правлением. Нигде нет такой элиты, которая полтора десятка лет сознательно губила бы свою промышленность и сельское хозяйство и становилась, по сути дела, иммигрантами в собственной стране. Нигде нет такой элиты, которая за иностранные деньги соглашалась бы ломать и корезить вооружения, созданные трудом и жертвами нескольких поколений своего народа. Нигде нет такой элиты, которая всерьез полагала бы возможным обходиться без сильной армии и флота, лишь бы иметь достаточное количество полицейских и вооруженной охраны для своих владений и подавления возможных проявлений недовольства среди населения этой «совковой» страны.

В результате государственного переворота 1991 года и сговора в Беловежской Пуще Россия оказалась в положении, сходном с положением России после Брест-Литовского мира или Германии после Версальского. После Беловежья Советский Союз был расчленен и разорен. По сути дела, были реализованы без единого выстрела программы кайзеровской, а затем гитлеровской Германии, предполагавшие колонизацию России и использование ее жизненного пространства. К власти в России пришли духовные преемники власовцев, а в бывших союзных республиках — поклонники СС.

В 90-е годы было принято говорить, что все это является благом для России. Поскольку результаты случившегося с нами были вполне сравнимы с поражением в третьей мировой войне, наша официальная пропаганда с пеной у рта утверждала, что никакой войны Россия не проигрывала и в действительности даже чрезвычайно довольна и горда тем, что избавилась от «коммунистической диктатуры» и «балласта» 70 лет Советской власти. На Западе оценки были совершенно иными. Буш-старший в начале 1992 года поздравил Америку с победой над Советским Союзом, достигнутой без вой-

ны. Руководствуясь логикой победителей, американцы с тех пор почитали себя вправе участвовать в определении внутривнутриполитических процессов в России, создав у нас обширный аппарат влияния, а применительно к российской внешней политике, полагая, что она должна свестись к следованию в кильватере политики США.

Развал, хаос и глубокая деградация российского общества, происходившие в годы правления Ельцина, сознательно стимулировались и подогревались Вашингтоном. Там отлично понимали, что ни о каком строительстве демократии и развитии эффективного рыночного хозяйства в России речь не идет. Речь — о планомерном разграблении и дальнейшем ослаблении бывшего главного геополитического соперника США, которые выполнялись руками российской правящей элиты и горсткой тесно связанных с Западом компрадоров. Это теперь открыто признается нашими так называемыми американскими и натовскими партнерами, которые цинично заявляют, что Россия получила то, чего сама и хотела.

Подобное положение не могло, однако, продолжаться бесконечно долго. Худо-бедно, но Россия начала постепенно восстанавливать свой потенциал, а ее сказочно обогатившиеся за 17 прошедших лет новорусские хозяева стали претендовать на равенство со своими западными партнерами и все неохотнее уступали им жирные куски российских богатств. Соответственно антикоммунистическая истерия и огульное отрицание всего советского прошлого стали последние года два идти на убыль. Одновременно росла ностальгия по великому прошлому России, расширялись патриотические настроения, проявлялось раздражение по поводу бесцеремонности наших западных партнеров.

Проще говоря, Россия, обильно поливаемая золотым дождем нефтедолларов, стала предпринимать попытки подниматься на ноги в материальном и духовном плане. Это медленный и противоречивый процесс. Он сейчас серьезно замедлился и осложнился начавшимся кризисом. Но он неизбежно будет развиваться дальше, ибо диктуется объективными условиями. Не может такая великая страна, как Россия, дольше оставаться в том униженном и зависимом положении, в какое она попала после 1991 года. Она будет заявлять о себе и своих естественных интересах, будет стремиться восстановить суверенитет во внутренних и внешних делах. Это будет происходить вне зависимости от того, хотят или не хотят этого наши верхи. Объективные интересы страны придется, хочешь или не хочешь, защищать и обслуживать, либо же выбыть из игры. Не случайно наши правители

стали срочно переделываться в патриотов и государственников и даже дерзить Западу.

Победители в холодной войне, разумеется, эти процессы не приветствуют и оказались к ним не очень-то готовы. В их расчеты, если верить Бжезинскому, входило либо закрепить подчинение России единоличному «мировому лидеру», либо же, в случае сопротивления, изолировать ее, усилить ее внутренние, внешние проблемы и затем повести дело к дальнейшему территориальному расчленению России. Боюсь, что в этом вопросе республиканцы и демократы США мыслят примерно одинаково. Во всяком случае, руководитель американского совета по внешней политике Ричард Хаас в своей недавно изданной книге «The Opportunity» в отличие от позитивной оценки перспектив развития Китая перспективу дальнейшего существования России как единого государства ставит под большой вопрос.

Показательно, что в связи с мюнхенским выступлением Путина, войной на Кавказе, нашими попытками противодействовать развертыванию элементов американской ПРО в Европе на Западе усиливается разговор о возможности возникновения крупных войн в период до 2025 года, направленных на сдерживание России и обеспечение беспрепятственного доступа к ее энергетическим, водным и другим природным ресурсам. Обама Обамой, а тем временем госсекретарь Хиллари Клинтон откровенно рассуждает о продолжении применения в своей политике жесткой и мягкой силы или сочетании того и другого, смотря по обстоятельствам. Ясно, однако, что политика силы остается стержнем политики США.

Таким образом в своих отношениях с Западом мы вступаем сейчас в очень сложный период. Близится момент истины. Кто-то поймет, что возрождение России неизбежно, и что самое разумное и выгодное не мешать ему, а может быть, и поддержать его к своей собственной пользе. Но таких будет, к сожалению, немного. Большинство постарается препятствовать этому. Возвращение сильной России на международную арену, бесспорно, не в интересах США. Невыгодно оно и Европе, которая по понятным причинам боится русских и не доверяет им еще больше, чем американцы. Американцам и европейцам, в меру их нынешнего понимания, гораздо больше подходит продолжение совместного наступления на Россию, ослабление ее, присвоение ее ресурсов и территорий. Пока что это у них неплохо получалось, поскольку сопротивление они встречали минимальное. И сейчас они собираются искать выход из кризиса за счет России и Китая.

С появлением элементов сопротивления положение может начать меняться, в рядах Запада намечается расслоение. Не всем хочется в случае обострения обстановки таскать каштаны из огня для англосаксов. Кому-то захочется отойти в сторону и посмотреть, что будет получаться, а кому-то — попытаться договориться с нами за спиной своих союзников. Эти тенденции начинают наблюдаться. Их пытаются сдерживать путем укрепления и расширения существующих западных блоковых структур, таких, как НАТО, ЕС и др. Но по поверхности этих структур продолжают идти трещины.

Задачи нашей внешней политики в этих условиях будут быстро усложняться, а роль дипломатии и разведки на порядок возрастать. Нам следует критически взглянуть на подписанную летом этого года президентом Медведевым новую внешнеполитическую доктрину России. Она не отвечала стратегическим интересам России еще до кавказской войны, а после нее, очевидно, серьезно разошлась с реальной жизнью.

В обстановке нарастающей агрессивности ведущих империалистических государств в борьбе за стратегические ресурсы не вызывают сомнений и их нынешние попытки перевалить тяжесть системного кризиса капитализма на более слабые государства. Россия намного более привлекательна для них как объект экспансии, нежели как союзник и партнер. И показывается это нам все более беззастенчиво. Россия всегда была опасным соперником и конкурентом как для США, так и для Европы. Поэтому ставка делается на ее последовательное дальнейшее ослабление и низведение до роли банановой республики — процесс, начатый Ельциным и его государственным путчем 1991 года, а затем безумным решением ликвидировать наше Отечество, — Союз Советских Социалистических Республик.

К сожалению, у нас в политике все еще достаточно много людей, которые не желают видеть и понимать это. Они обязательно заведут ведомых ими в яму. А равнодушные, которых тоже немало, трусливо отойдут в сторону и умоют руки, как только над страной, над всеми нами нависнут тучи катастрофы. Неудивительно, что в связи с развитием кризиса в верхних эшелонах нашей страны все чаще стали говорить о необходимости «поменять головы». Очевидно, что в коридорах власти не очень знают, что и как дальше делать, мечутся от одного непродуманного решения к другому.

ВОЗЛЮБИ ГАСТАРБАЙТЕРА...

Общественная палата России приняла решение разработать программу развития толерантности граждан РФ к трудовым мигрантам, сиречь к тем, кого принято называть гастарбайтерами и кто черным валом валит на русские просторы из стран ближнего зарубежья в надежде заработать длинный рубль на российской земле.

Над созданием этой «программы» будет трудиться целая специальная «рабочая группа». Интересно, а зачем это понадобилось принимать целую «программу» насаждения любви и «толерантности» (т.е. беспрекословного терпения к любым выходкам приезжих) именно к гастарбайтерам?

Вот уже лет двадцать, как власть насаждает в русском народе эту самую «толерантность» ко всем: мигрантам, этническим уголовникам, извращенцам, сексуальным меньшинствам, русофобам всех мастей, бывшим чеченским головорезам (нынче вставшим у руля власти в Чечне и с гордостью носящим ордена «Героев России»), к олигархам, заокеевским ненавистникам России, сионистам, чиновникам, апологетам «демократии», развалившим нашу Великую Державу — СССР, президенту, «Единой России», Билану, Ксюше Собчак... При этом «любовь и

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

толерантность» прививаются народу не только при помощи пропаганды, осуществляемой карманными кремлевскими СМИ и разной «правозащитной» шушерой, но и с помощью куда более эффективных инструментов — прокуратур, милиций и судов. «Правоохранительной» системы, одним словом.

Посмеет «дорогой россиянин» косо посмотреть на иностранца, обвесившего его на рынке, оскорбившего на улице, обрызгавшего грязью из-под колес своей иномарки, — «россиянина» признают «ксенофобом». Посмеет русский защитить себя, своих родных и близких от распоясавшихся уголовников из стран СНГ и дальнего зарубежья — признают «нацистом» и «фашистом». Возмутится русский тем, что незваные гости глумятся над его национальным достоинством, — признают виновным в разжигании «межнациональной розни». И все это со всеми вытекающими последствиями — прокурором, судом, приговором и сроком. Вполне реальным сроком. Даже дубину специальную власть изобрела. Закон «О противодействии экстремистской деятельности» называется. По нему уже брошено за решетку много русских людей и будет брошено еще немало. Дела «об экстремизме» фабрикуются по всей стране. Прокуратура, словно пекарь-фанатик, выпекает новые и новые лживые «дела», ломает судьбы и жизни сотням русских. Вот так власть заставляет нас «любить» пришельцев. Моральное изнасилование в государственном масштабе.

Так для чего же нужна «программа» воспитания «толерантности» именно к гастарбайтерам? Ответ на этот вопрос дала известная «правозащитница» и зоологическая русофобка Алла Гербер. **Оказывается, 90 процентов граждан России негативно относятся к гастарбайтерам.** Такое заключение она сделала на основании результатов некоего «опроса». Что это был за «опрос», кем он проводился и когда — Гербер не уточнила. Главное для нее: заявить о том, что русские — «ксенофобы» и «нацисты», а потому нужно их учить любить иностранных рабочих. Они же к нам десятками тысяч (а реально — миллионами) едут, а русские (негодяи такие!) не проявляют к ним любви! И даже смеют относиться негативно! На фоне экономического кризиса могут возникнуть, по мнению «правозащитников» из Общественной палаты, серьезные конфликты между коренным населением и гастарбайтерами. А разработает ли Общественная палата программу борьбы с русофобией и программу развития толерантности к коренному российскому населению со стороны самих гастарбайтеров? Вопрос, как принято говорить,

риторический. Ответ сам просится на язык — вряд ли. Лично у меня, в связи со всем этим, возникают некоторые вопросы.

Конституция России прямо указывает, что высшая власть в стране принадлежит российскому народу (который, как там сказано, «многонациональный»). Я понимаю, что нашу Конституцию можно кроить, как заблагорассудится Кремлю — думское большинство браво проголосует за любые поправки и изменения в ней. Я понимаю, что наша Конституция, как заявил президент, не «священная корова» и провести с ней «генетические» мутации труда не составит. Но все-таки в Конституции прямо пока еще записано, что высшая власть находится в руках российского народа. Если же подавляющее большинство народа (90%, как заявила Гербер) выказало негативное отношение к гастарбайтерам, то значит, это воля народа. И, возвращаясь к Конституции, вспомним, что народ обладает высшей властью в стране. Значит, народ выразил свою волю (закон) — не хотим засилья гастарбайтеров. Противиться воле 90% народа России значит идти против Конституции, что является преступлением и экстремизмом. Палата же будет, при помощи своей «программы», насильно требовать от народа того, против чего народ высказался своим абсолютным большинством. Как такое возможно? Почему это допускается? Почему правоохранительные органы не привлекают виновных к ответственности? Народ хотят изнасиловать, а «правоохранители» молчат! Прокуратуры и судьи, где вы?

Кого любить и не любить — дело сугубо личное. Кто-то любит мужчин, кто-то женщин, кто-то сервант, а кто-то резиновую куклу. Тут у каждого свой выбор и своя трагедия. Ну нравятся Гербер (и ей подобным) гастарбайтеры. Да ради Бога! Хоть спите с ними в одной кровати, дело ваше! Но зачем заставлять народ любить их? Особенно, когда 90% народа этого напрочь не хотят.

В мире царит экономический кризис. В России тоже не все в порядке. Инфляция растет, цены прыгают. Безработица охватывает все большее и большее количество работоспособных граждан страны. Безработных в стране миллионы, что вызывает угрозу на фоне повышения цен на все. Люди боятся потерять свои рабочие места. А власти собираются и дальше ввозить в Россию гастарбайтеров пачками. Где логика? Почему нужно давать работу пришлому элементу в ущерб коренному населению? Да еще требовать от граждан проявлять «толерантность» к новоявленным штрейкбрехерам? Свои пусть без работы сидят, от голода погибают, а иностранцам дадим работу и зарплаты. Так, что ли, получается?

«Правозащитники» говорят: на родине гастарбайтерам жить трудно, им, бедным, нужно как-то выживать и кормить свои семьи (а россиянам, получается, не нужно?!), в России они смогут заработать и при этом, мол, решат проблему нехватки рабочих рук. Цинизм первостатейный! Нас что, за полных идиотов держат, когда впаривают нам подобную галиматью да еще на официальном уровне?! Зачем нужны чужие рабочие руки, когда своих хоть отбавляй? Наверное, потому, что своим пришлось бы платить достойные деньги, а пришлым достаточно кинуть подачку. И еще потому, что легионы инородцев — прекрасное орудие в деле размывания русской нации. Русофобию-то в России еще никто не отменял.

Я прекрасно понимаю, что всем этим несчастным таджикам, узбекам, киргизам у себя живется действительно не сладко. Мне их искренне жаль. Жаль по-человечески. Я понимаю, как это тяжело бросить свои семьи и ехать на заработки в чужую страну. Это все понятно. Но я не могу ставить жалость к ним выше интересов своего народа и своей страны. Уж извините! Национальные чувства не позволяют. Интересы голодных коренных граждан страны мне ближе, чем интересы пришлых голодающих.

В конце 80-х — начале 90-х бывшие советские республики (которые нынче стали «суверенными» государствами и поставщиками этих самых гастарбайтеров) решили получить независимость от России. Под крики о борьбе с «русскими оккупантами» русских вышвырнули из республик, где именно русскими руками были построены заводы и города, налажена нормальная жизнь. Русские ушли. Были вынуждены уйти, поскольку их резали, били, унижали. Я сам был очевидцем подобного и на своей шкуре испытал все прелести борьбы бывших советских республик и их народов за «независимость». Независимость была получена, русские «оккупанты» убралась. Но оказалось, что жрать стало нечего, жить ой как плохо! И потянулись дивизии гастарбайтеров в Россию в поисках заработка и лучшей доли. О, как интересно выходит! «Оккупантов» выставили вон, а теперь едут к «оккупантам» же на заработки! А что вы теперь-то к нам суетесь? Хотели независимости от русских? Так получили ее! Ее и ешьте! (Русских в тех странах минимум и русские туда не стремятся, а выходцы оттуда обзаводятся в России нехилыми бизнесами и наживаются на нас с вами!). «Правозащитники»-руссофобы вопят, что, мол, виноваты там были власти, а не простые люди. Позвольте! Ре-

зали, убивали, насиловали и выгоняли русских именно эти «простые люди». Горстка чинуш не смогла бы сотворить всего этого. И почему эти «простые люди» не встали на защиту русских и не вышвырнули своих провокаторов? Ответ прост: потому что не хотели. А теперь едут к нам. И от нас еще требуют любить их.

А криминал? Не секрет, сколько преступлений совершают эти гастарбайтеры в России. Грабежи, разбои, ограбления, изнасилования и убийства..... (Я уж молчу об этнических ОПГ, прочно окопавшихся в нашей стране и терроризирующих коренное население.) Правоохранительные органы сами предупреждают, что возможен жуткий всплеск криминала в самое ближайшее время, поскольку на фоне экономических проблем гастарбайтерам будет нужно как-то и на что-то жить в России. А работы не будет. Вот и пойдут они с ножичком да с удавочкой по русским улицам. Они сами этого не скрывают в интервью. Я не хочу, чтобы русские парни и девушки становились жертвами и добычей этих инородцев.

«Правозащитники» и тут верещат, что «преступность не имеет национальности» и что «русские совершают не меньше преступлений». Во-первых, преступность всегда имеет национальность, как имеет национальность каждый конкретный преступник. Совершенное им преступление не умаляет его национальной принадлежности. Почему-то если иностранец совершает преступление в отношении русского, то тут власти национальности «не видят», — бытовуха, мол, обычный криминал-с. Но если русский совершит преступление в отношении инородца, то до небес поднимается ор о «нацизме» и «русском фашизме». Это-то как раз и есть настоящий нацизм и фашизм, т.е. — **русофобия**. А во-вторых, процент совершенных инородцами преступлений намного больше, чем совершенных отечественными негодяями. Зачем нам в довесок к доморощенным подонкам и душегубам еще и заезжие?

Совершенно понятно, что пресловутая «программа» воспитания «толерантности» к гастарбайтерам а-ля Гербер есть не что иное, как очередная акция унижения русских, очередная фаза русофобии. Я могу быть приветливым и дружелюбным к любому иностранцу, который приезжает в гости в Россию и ведет себя в соответствии с нашими законами, уважает наши национальные традиции и обычаи. Но я не могу, не хочу, не имею права и не буду проявлять такую лживую «толерантность» к ордам гастарбайтеров, заполонив-

шим мою Родину. Проявите сперва толерантность к русским. И никакие герберы-церберы, никакие их «программы», никакие судьи и прокуроры меня в этом не разубедят.

От редакции. Проблему гастарбайтеров решить относительно просто. Как в Белоруссии, где ее нет. Вид на жительство должен иметь только тот гастарбайтер, который получил приглашение на работу от российской фирмы или организации. Правда, демократы и толерасты вряд ли на это пойдут, им нужны бесправные и на все согласные штрейкбрехеры. Кроме того, для эффективной реализации такой схемы требуется некоррупцированная власть. А с этим у нас тоже большие проблемы.

«ПРАВООЩИТНИЧКИ»...

В некоторых СМИ в феврале этого года опубликовано обращение правозащитных организаций Петербурга, среди которых — Солдатские матери СПб., Санкт-Петербургское отделение общества «Мемориал», Гражданский контроль, Комитет за гражданские права и пр. с осуждением выступлений начальника ГУВД Петербурга и Ленобласти Владислава Пиотровского. Думаю, следует прокомментировать пассажи этого обращения, в котором оценивались отдельные высказывания В. Пиотровского, но не его деятельность в целом. Подписанты, в частности, указывают: «19 января господин Пиотровский заявил о резком росте числа преступлений, совершенных мигрантами из стран ближнего зарубежья. Это заявление напрямую может привести к нарушению межнационального согласия в нашем городе и поощрить деятельность экстремистских, националистических групп».

Согласно ст. 29 Конституции РФ каждый имеет право свободно искать, получать, распространять информацию законным способом. Полагаю, что начальник ГУВД основывался на реальной статистике, которая ведется подразделениями милиции. И если число преступлений, совершаемых мигрантами, растет, то горожане вправе знать об этом. Это

ДОСЬЕ "МГ"

их конституционное право, и Пиотровский, как начальник главка, обязан информировать жителей о криминогенной обстановке в Петербурге. Очень странно, когда организации, называя себя правозащитными, на деле препятствуют осуществлению гражданами своих конституционных прав.

Из истории деятельности подписавших обращение правозащитных объединений известно, что они проявляют активность при защите прав иностранцев — уроженцев Африки, Азии, но пассивны при защите прав русских, татар, украинцев, белорусов и многих других коренных жителей города. При убийстве африканца, что совершается в Питере крайне редко, они будут заявлять о расизме, о русском фашизме. Но будут молчать, когда убивают русских. Как молчали, когда уроженец Средней Азии изнасиловал и убил в Москве юную девушку, когда заезжие кавказцы убили олимпийского чемпиона Нелюбина, как «не заметили» многих других преступлений в отношении коренных питерцев.

Любое преступление должно быть раскрыто, преступники наказаны. Но чем негры или иные иностранцы лучше русских, татар, чувашей, белорусов? Ст. 19 Конституции РФ гласит, что все равны перед законом и судом. Государство гарантирует равенство прав и свобод независимо от пола, национальности, расы. Своими же действиями эти правозащитники явно подчеркивают: иностранцы имеют больше прав на жизнь, здоровье, безопасность, чем граждане России и прежде всего русские. Деятельность таких правозащитников нарушает Конституцию — основной закон страны и носит антиконституционный характер. Какие же это правозащитники? В дальнейшем в отношении этих лиц слово «правозащитник» придется брать в кавычки.

На расширенной коллегии МВД РФ 6.02.2009 г. президент России Дмитрий Медведев говорил: «Известно, что преступность среди граждан, которые прибывают из ближайшего зарубежья, год от года растет, постоянно растет, и сейчас цифры очень сложные. В условиях двукратного сокращения рынка труда для иностранных рабочих возможно не только нелегальное использование рабочей силы, но и ухудшение криминогенной обстановки в целом». Это высказывание президента также, по мнению «правозащитников», поощряет деятельность экстремистов?

При всем лояльном отношении к трудовым мигрантам не надо забывать, что они занимают наши рабочие места. Соглашаясь работать за полцены, обесценивают труд наших

земляков, что ведет к снижению благосостояния горожан. Но защита прав коренного населения «правозащитников», видимо, не интересует.

Нас опять пугают проявлениями национализма, естественно русского. Но национализм характерен для здорового человека, так же как чувства справедливости, честности, мужества. К примеру, по японской энциклопедии «национализм — всеобщая приверженность и верность своей нации». Британская энциклопедия поясняет: «национализм — это верность и приверженность к нации или стране, когда национальные интересы ставятся выше личных или групповых».

На пресс-конференции по случаю приезда канцлера ФРГ Ангеле Меркель 8.03.2008 года Владимир Путин, давая некоторую характеристику Дмитрию Медведеву и себе, отметил: «... он в хорошем смысле такой же русский националист, как и я». Думается, российские чиновники должны прислушиваться к словам одного из лидеров государства. А хулиганствующие группы и группки были, к сожалению, есть и будут. От них прежде всего страдают местные жители. Но не надо на фоне этой шпаны, которую пытаются использовать в своих интересах провокаторы явно не славянской национальности, создавать мифы об экстремистском подполье.

Далее в обращении говорится: «Еще большие недоумение и протест вызвали слова Владислава Пиотровского о деятельности правозащитных организаций, через которые иностранные спецслужбы финансируют экстремистскую деятельность... Мы заявляем, что в Петербурге и в России отсутствуют правозащитные организации, финансируемые иностранными спецслужбами».

Чтобы удостовериться, так ли это в действительности, обратимся к зарубежным и российским СМИ, которые помогут читателю сделать правильный вывод. Бостонский альманах «Лебедь», №361 за 8.02.2004 год. В статье «Американские «благотворительные» фонды и российские правозащитные организации» О. Попов, описывая взаимодействие американских фондов и «правозащитников» России, упоминает материалы слушаний Конгресса США в 1976 году по деятельности ЦРУ: «Сотрудничество с уважаемыми и престижными фондами позволяет ЦРУ финансировать практически безграничные суммы на программы, воздействующие на молодежные группы, университеты, издательства и другие частные институты, включая правозащитные организации». Как указывается в тех же материалах слушаний, из 700 грантов, потраченных основными американскими фондами на «международные проекты», почти 50% сумм было получено от ЦРУ.

И сегодня ЦРУ рассматривает фонды «лучшими прикрытиями финансовых расходов...».

Среди основных спонсоров «Мемориала» в статье названы такие крупные фонды как Henry M. Jackson Foundation, National Endowment for Democracy, Bradley Foundation, Guggenheim Foundation, International Research and Exchange Council, G. Kennan Institute, Ford Foundation (фонд Форда) и Open Society Institute (фонд Сороса).

Годовой бюджет фонда Форда составляет около 600 млн. долларов. Созданный в 30-е годы фонд активно участвовал в «холодной войне». Его президентом ранее был Ричард Биссел, ставший после ухода из фонда заместителем директора ЦРУ Алenna Даллеса. Сменивший его Джон Маклой до этого был заместителем министра обороны США. Именно Маклой создал в штате фонда особый отдел для совместных операций с ЦРУ. Только в 2001 году фонд Форда финансировал московское отделение «Мемориала» в размере 3,5 млн. долларов. Еще 400 тыс. долларов получил Центр по правам человека. Давно известно: кто платит, тот и заказывает музыку.

Здесь следует отметить Open Society Institute («Институт открытого общества») американского миллиардера Дж. Сороса, выступающего в обличье «благотелья» и создавшего по всему земному шару «паутину» организаций. В Югославии эти организации были центрами формирования антигосударственных структур, сыгравших решающую роль в организации путча по свержению правительства С. Милошевича.

Масштабы деятельности фонда Сороса в России озвучены уволенным (по словам Д. Сороса, «за связь с Б. Березовским») с поста распорядителя этого фонда в России А. Гольдфарбом, эмигрировавшим из СССР в конце 70-х годов: «Я проработал с Джорджем без малого десять лет, истратив 130 миллионов долларов его денег на благотворительные проекты, призванные помочь реформам в России...»

Интересен National Endowment for Democracy (NED), который является государственным и был создан в 1983 году президентом США Р. Рейганом и Конгрессом США с годовым бюджетом в 30 млн. долларов. В Совет Директоров NED входит 26 членов, среди которых бизнесмены, политики. Назовем некоторые имена: Велсли Кларк, генерал, руководивший агрессией НАТО против Югославии; Ральф Герсон, миллиардер, президент компании Guardian International Corp., Франк Карлуччи, бывший министр обороны, ныне председатель инвестиционной компании Carlyle Group; Лее Х. Гамилтон, бывший сенатор, ныне член президентского Совета по национальной безопасности США.

А вот фонды, которые финансируют «правозащитную» организацию «Московская хельсинкская группа»:

Liberty Road (государственный, посольство Швейцарии в России),

Department for International Development (государственный, Великобритания),

European Commission (государственный, EU),

Ford Foundation (частный, США),

MacArthur Foundation (частный, США),

MATRA (государственный, посольство Нидерландов в России),

National Endowment for Democracy (NED) (государственный, США),

Open Society Institute (частный, G. Soros, США),

UK Foreign Ministry (государственный, Великобритания),

United States Agency for International Development (государственный, США).

Из 10 доноров Московской хельсинкской группы нет ни одной российской организации, ни частной, ни государственной. Зато шесть доноров из десяти — государственные организации стран — членов НАТО. Какова должна быть «правозащитная» политика общественной организации, финансово независимой от российского государства, но финансово зависимой от правительств стран НАТО — гадать не приходится.

В 2004 году я в качестве адвоката был участником уголовного процесса. Оппонентами являлись работники офиса питерского «Мемориала», руководитель которого Владимир Шнитке указывал, что источниками существования организации являются «гранты благотворительных фондов». Из офиса были похищены компьютеры, в том числе ноутбук Шнитке стоимостью 5 тыс. немецких марок, подаренный «немецкими друзьями». На процессе выяснилось, что «Мемориал» имеет молодежную группу. О деятельности «группы» В. Шнитке не распространялся. Но в ходе судебного следствия на моего коллегу в подъезде его же дома напали несколько молодых людей, кастетом выбили зубы, пытались отнять дипломат с документами. Коллега оказался не робкого десятка, дал отпор, преступники скрылись.

В 1992 году в Вашингтоне учрежден Eurasia Foundation (фонд Евразия). Его офисы располагались в Москве, Владивостоке, Киеве, Ташкенте, Алма-ате, Бишкеке, Тбилиси, Баку и Ереване. К октябрю 2003 года фондом выданы гранты, имеющие отношение к России: гражданское общество — 1074 грантов (21 284 142 долл.), развитие частного бизнеса — 1254 грантов

(31 881 810 долл.), госуправление и политика — 964 гранта (13 641 746 долл.), другие инициативы — 1 034 998 долл.. Итого 3293 гранта — на 66 842 696 долл. США.

В 2003 году были заключены соглашения между Министерством экономики Нидерландов и Министерством экономического развития и торговли РФ, руководимого тогда Г.Грефом. Этими соглашениями была одобрена Программа неэкономического содействия МАТРА, призванная оказать «...поддержку процессу преобразований в социальной сфере в Российской Федерации» и реализуемая МИД Нидерландов, в рамках которой предоставляется финансовая поддержка (гранты) «общественно значимым» проектам в странах Восточной Европы.

Возникает вопрос: а откуда у маленькой Голландии, то бишь Нидерландов, такие огромные возможности по оказанию помощи? Не являются ли Нидерланды лишь посредником в переправке денежных средств в страны развивающейся демократии? Думается, под прикрытием программы МАТРА в странах Восточной Европы согласованно действуют структуры НАТО, членом которого Нидерланды являются. И поддержка «общественно значимых» проектов в странах Восточной Европы также осуществляется в интересах НАТО.

По мнению некоторых журналистов, под прикрытием МАТРА голландцы приступили к масштабному сбору сведений на территории России и оказанию влияния на общественные и властные структуры. В 2007 году Петербургскому европейскому университету было перечислено 125 тысяч рублей на разработку темы «Реформа местной власти». В 2005—2006 годах для проведения «мероприятий» голландцы выделили средства петербургским организациям «Гражданский контроль» и «Центр просветительских и исследовательских программ».

Не зря в одном из ежегодных посланий Федеральному Собранию президент страны Владимир Путин, говоря о гражданских объединениях, отмечал: «...далеко не все они ориентированы на отстаивание реальных интересов людей. Для части этих организаций приоритетной задачей стало получение финансирования от влиятельных зарубежных фондов. Для других — обслуживание сомнительных групповых и коммерческих интересов». И не зря ростовский правозащитник Е. В. Финков предложил для них термин «грантоеды».

Но продолжим обзор российской прессы, раскрывающий некоторые аспекты деятельности питерских «правозащитников». Издание «Политика» от 27.05.2004 г., статья «Руководство для призывника по-питерски», автор Р.Шахова. Цити-

рую: «В конце апреля в Сыктывкаре по приглашению Женской палаты РК побывала сопредседатель общественной правозащитной организации «Солдатские матери Санкт-Петербурга» Элла Полякова. В столицу известная российская правозащитница приезжала во второй раз. Как и в прошлом году, она встретила с учащимися различных учебных заведений Сыктывкара и провела «школу прав призывника». Однако у большинства педагогов, присутствовавших на этих встречах, появились сомнения: Полякова против призыва в армии или против армии вообще?

Из ее выступлений следовало, что в армии служить никто не должен, а здоровых мальчишек, мол, сейчас нет вовсе. Когда в конце концов один из учеников не согласился с ней и заявил, что здоров и хочет служить в армии, правозащитница ответила: «Ты не должен этого делать!»

Заместитель директора по учебно-воспитательной работе лицея №34 Лариса Рубекина, оказывается, уже научена горьким опытом предыдущих встреч с правозащитницей, поэтому больше в стены родного лицея ее не приглашает. О прошлогодней встрече она до сих пор вспоминает с негодованием: «Две группы первого курса с педагогами я отправила на встречу. По возвращении коллеги рассказали мне, как мальчишек, не постесняюсь этого слова, учили «косить» от армии». И далее: «Когда жители дома на Комендантском проспекте посмотрели телевизор, то узнали в убитой террористке с «Норд-Оста» свою соседку... И вообще для ФСБ не секрет, что представители радикальных исламских и фундаменталистских движений и группировок, в том числе международных, любят Петербург...» («Трибуна» от 5.11.2002 г., статья «Норд-Ост репетировали в Питере?»).

Спецслужбы не исключают, что, даже не испытывая антипатии к Северной столице в целом и ее терпимым жителям в частности, «бомбисты» способны на силовую акцию. Ведь это возможность привлечь к себе внимание и отработать вложенные в них деньги. Но представители некоторых общественных организаций Питера убеждены, что радикалы не обманут доверия гостеприимного города. Одна из таких организаций — «Мемориал»...

Другие правозащитники входят в комитет «Солдатские матери Санкт-Петербурга». Его сопредседатели Элла Полякова и Елена Виленская побывали (и даже выступили с докладом) на первом Всемирном конгрессе чеченцев, организованном датским Институтом изучения холокоста и геноцида. Их позиция вызвала в Питере, мягко говоря, непонимание. Слишком сильна боль и свежи гвоздики, положенные

на газон у Казанского собора в память погибших на «Норд-Осте». Но эта позиция не меняется уже много лет!

Представители «Союза комитета солдатских матерей» В. Мельникова, И. Куклина, Н. Жукова, М. Федулова 24—25 февраля 2005 года побывали в Лондоне, где встречались с чеченскими боевиками во главе с А. Закаевым. Встреча была организована членами Европарламента, в т.ч. В.Ландбергисом, присутствовавшими на переговорах. Перелет кварталом в Лондон и обратно, проживание, встречи в гостинице «Hilton Waldorf» — дорогое удовольствие. Кто давал деньги, думаю, читатель догадается сам.

Многим памятны обвинения «Солдатских матерей СПб.», выдвинутые в 2003 году в адрес руководства Нахимовского училища: дедовщина, насилие среди учащихся, произвол педагогов. Газеты пестрели устрашающими заголовками. Однако возбужденное по этим явно надуманным обвинениям (знаком с ними не понаслышке, я представлял интересы начальника училища) уголовное дело было бесславно прекращено. Но это не помешало «матерям» обратиться во все органы федеральной власти с требованиями «рассмотреть вопрос о целесообразности существования в системе Министерства обороны РФ учебных заведений довузовской подготовки».

Пентагону и НАТО наши суворовские, нахимовские, кадетские училища как кость в горле. Именно там начинают коваться офицерские кадры Вооруженных сил России. В чьих интересах действовали «Солдатские матери», также, думаю, нетрудно догадаться.

В 1996 году вышла в свет книга начальника пресс-службы УФСБ по СПб. и Ленобласти Е. Лукина «На палачах крови нет», в которой рассказывается о злодеяниях руководителей и сотрудников ленинградского НКВД 20-х и 30-х годов прошлого века: Леонида Заковского (он же Штубис), Натана Шапиро-Даховского, Арона Хатаневера, Кирилла Геймана, Якова Перельмутра, Израиля Чоклина, Софьи Гертнер (она же Сонька-Золотая ножка) и им подобных. В основе — архивные материалы. Но вместо того, чтобы приветствовать повествование о белых пятнах российской истории, один из руководителей петербургского «Мемориала» В. Иоффе направил заявление в прокуратуру с требованием привлечь Лукина к ответственности за разглашение гостайны. Впоследствии, правда, уголовное преследование Лукина было прекращено.

К 2002 году Вениамин Иоффе «исправился» и стал протестовать против привлечения к уголовной ответственности

офицера ВМС РФ Григория Пасько, обвиняемого в выдаче реальных государственных секретов иностранцам. В выступлении на «Радио Свобода» 6.02.2002 года он утверждал: «И мы хотим здесь сегодня обратить внимание на то, что Александр Никитин и Григорий Пасько — это морские офицеры, которые сохранили традиции российского морского флота, которых всегда отличала высокая гражданственность. Оказывается, несмотря на все она не потеряна, они носители этой традиции. Это мы хотели бы подчеркнуть своим пикетом. Поэтому пикет будет идти не столько под лозунгами обличения ФСБ...» Напомню, А. Никитин за шпионскую деятельность был осужден. По мнению Иоффе, предательство интересов России, шпионаж в пользу иностранных держав — и есть проявление «высокой гражданственности».

Но вернусь к первоначальному обращению «правозащитников», которое заканчивается пафосным утверждением: «Заявления Владислава Пиотровского, по нашему убеждению, и создают условия, способствующие росту преступлений экстремистской направленности, а также провоцируют общественность на враждебное отношение к правозащитникам и оппозиции».

Свое отношение к подобным «правозащитникам» добропорядочная общественность уже выработала. Слишком много среди них знакомых лиц, которые разрушали великий Советский Союз и которые педалируют дальнейший развал России. А т.н. оппозиция, всегда активная в отстаивании прав иностранцев в ущерб правам коренного населения, гражданам России не нужна.

ВИЗА В ПУЧИНУ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

СТОКГОЛЬМ. ОКТЯБРЬ 1994 года. МАРТИН НИЛЬСЕН

Сквозь сон он ощущал, как незримое сверло вбивается ему в голову и начинает вгрызаться — раз, другой, третий. Не открывая глаз, протянул руку, потому что это сверло ему хорошо знакомо, и поднял трубку телефона, стоящего рядом на тумбочке.

— Господин Нильсен? — раздался незнакомый голос.

— Он самый. Кто это?

— Журналист Карл Стива. Извините за беспокойство в столь ранний час...

— Не знаю, который сейчас час, — раздраженно бросает Мартин, — потому что когда сплю, то на часы не смотрю!

— Еще раз извините, ради Бога, но я хотел бы задать вам пару вопросов в связи с гибелью парома «Эстония»...

— Я рассказал все, что знал, вашим коллегам, представителям пароходства и спецслужб, — в голос Мартина вплетались сердитые нотки. — Уверяю вас, в моей черепной коробке скрытой информации не осталось.

— Не сердитесь, господин Нильсен. Ваши координаты дал мой старый друг — тренер по плаванию Эрик Вассберг. Он предупредил меня, что вы сегодня уезжаете из Стокгольма, поэтому я рискнул потревожить...

Окончание. Начало в №1-2 за 2009 г.

ДОСЬЕ "МГ"

— Хорошо, — смирился Мартин, — задавайте свои вопросы.
— Мне не хотелось бы по телефону, — замялся незнакомец.
— Тогда приходите сюда, — после паузы проговорил Мартин. — Адрес мой знаете?

— Да. Буду, если вам удобно, через двадцать минут.

— Договорились, — он положил трубку.

Дверь комнаты скрипнула, и на пороге выросла сторбленная фигура профессора. Близоруко вглядываясь в Мартина, тот неуклюже топтался у порога.

— Слушаю вас, профессор, — мягко проговорил Мартин, разглядывая осунувшееся лицо гостя и подмечая, что тот со вчерашнего вечера так и не сомкнул глаз.

— Я всю ночь работал, — лепетал профессор, — написал материал о Старой Упсале для нашего академического журнала. Провел там всего лишь день и узнал столько интересного. Поистине исторический уголок, колыбель шведского королевства. Здесь покоятся останки великих викингов... Я гулял и представлял в своем воображении языческий пантеон свеев, священную рощу, куда именитые шведы приносили жертвы Одину, Тору и Фрею, — и он с надрывом в голосе закончил диалог, — и она, моя Фрида, покоится на шведской территории... Только не на суше, а на дне морском...

Плечи его дрогнули, и профессор зарыдал, как маленький ребенок.

— Профессор, — Мартин укоризненно качал головой, — надо брать себя в руки. Сегодня скорбит вся Скандинавия. Да что Скандинавия! Вся Европа! Сотни людей потеряли близких...

— Я вас понимаю, — смахивая слезу, пробубнил гость. — Вы правы, надо брать себя в руки. Пожалуй, вернусь к компьютеру и продолжу работу. Только в работе я на какое-то время забываю о горе.

Мартин жалел профессора и делал все, чтобы отвлечь ученого от тяжелых мыслей. Вот и сейчас он специально перевел разговор.

— Наша вчерашняя дискуссия затянулась. Но я так и не понял, как вы — преподаватель университета Восточной Германии, вдруг потянулись к религии? В то время это было так опасно для профессора-социалиста?

— Да, да, — тяжело вздохнул гость, — это был судьбоносный поворот в моей жизни. Я преподавал в вузе, где основными предметами были научный коммунизм, история коммунистической партии СССР. Под диктовку Москвы рождалась марксистско-ленинская философия, в которой, естественно, не было места христианскому мировоззрению. Мы,

дорогой Мартин, жили в период скептицизма, религиозной полемики, словом, — это был период массового сомнения и неверия.

— Но ведь существовали православные церкви в Москве, католические соборы в Вильнюсе, Риге и Львове, мусульманские мечети, — усомнился Мартин. — Они были переполнены молящимися. Я все это видел своими глазами.

— Вы правы. Простые люди посещали религиозные храмы. Но что позволено рабочему классу, категорически запрещалось представителям интеллигенции, которые работали в вузах, школах или в любом значимом государственном учреждении. Я жил в такое время, когда вера в Бога и основные догмы подлинного христианства подвергались яростной атаке поборников невежественного материализма.

В коридоре раздался звонок.

— Это ко мне, — Мартин торопливо поднялся, задумчиво посмотрел на пижаму, потом махнул рукой, дескать, интервью можно дать и в домашнем наряде, и бросил в сторону профессора, — попрошу вас принять участие в беседе и убедить меня от каверзных вопросов журналиста...

— Я рад помочь вам, Мартин, — закивал профессор и пошел открывать дверь.

Ранним пришельцем оказался невысокий тучный мужчина, с ржаной шевелюрой, густой бородой и пронизательным взглядом.

— Меня интересует, — начал он, — судьба сменного капитана парома Аво Пихта. Расследование привело меня к вам, господин Нильсен. Одни говорят, что тот мертв. Другие утверждают, что капитана видели на берегу среди спасенных. Вот его фотография, — журналист достал из кармана снимок и протянул Мартину.

— Этому человеку я помог вскарабкаться на плот, — заверил Мартин, передавая фотографию профессору.

— Вы уверены, что это был Аво Пихт? — журналист напрягся.

— Да. На плоту к нему подполз кто-то из его подчиненных и заговорил с ним на эстонском языке. Я знаю этот язык.

— О чем они говорили? — воодушевился гость. — Это очень важно!

— Они горячо обсуждали ситуацию на судне. Пихт сердито выкрикнул, что капитан Андерсон внезапно исчез и что ему, Пихту, пришлось взять на себя управление кораблем в критический момент. И еще Пихт посетовал, что предчувствовал беду еще до выхода в море. Он говорил о каких-то людях, которые проникли на паром во время стоянки в

таллинском порту и которых сопровождал представитель министерства обороны Эстонии. И что чужаки появились на пароме по личному распоряжению капитана Андерсона. Матрос сообщил Пихту, что какие-то люди заранее подготовили для себя на палубе парома моторную лодку, на которой сразу же уплыли в неизвестном направлении. Они не подобрали ни одного пассажира, терпящего бедствия!.. Как заметил капитан, такого позорного случая в морской практике не было...

— Что было дальше? — журналист коснулся руки профессора.

— На суше его куда-то увели...

— Кто увел?

— К нему подошли двое в белых халатах, — пояснил Мартин, — думаю, что это были врачи. Они пригласили капитана в салон автомобиля «скорой помощи», и тот, как мне показалось, нехотя, как-то странно озираясь, полез в машину, и она укатила. Кстати, там были телеоператоры, и все время снимали, в том числе и сменного капитана.

— В этом-то и заключается загадка, — задумчиво проговорил журналист. — В утреннем блоке шведских теленовостей мелькнуло лицо Аво Пихта, и комментатор назвал его фамилию. В следующем информационном выпуске этот кадр был вырезан. Вот я и пытаюсь понять: почему? Простите, если я задам вам странный вопрос?

— Валяйте, — махнул рукой Мартин.

— Спецслужбы Швеции или других стран не предупреждали вас о том, чтобы информацию о сменном капитане не распространять?

— Пока нет, — ответил Мартин и настороженно добавил: — Все это очень странно.

— Могут предупредить, — с тревогой в голосе заметил гость. — Вам мой совет, этой теме лучше не касаться. Вокруг происходят странные вещи. Некоторые спасенные и доставленные на берег люди внезапно исчезают. В основном это члены экипажа парома.

— Их убивают? — зрочки профессора расширились.

— Не знаю, не знаю, — задумчиво произнес журналист. — Например, жена Пихта понятия не имеет, где ее муж. Она, конечно, пока надеется на чудо, но морально готова к тяжелой потере...

— Боже, сколько горя принесла эта катастрофа! — воскликнул профессор.

— Принесла? — усмехнулся гость. — Судя по событиям, несет и будет нести. Я бы не стал с вами откровенно говорить,

но у нас общий друг, которого я уважаю, поэтому позволю себе предостеречь вас от неприятностей. Загадок тут хоть отбавляй... Мой приятель из телевидения снабдил меня фрагментом, который прошел в утренних новостях. Это он сделал под строгим секретом, ибо работников телевидения предупредила не выдавать служебной тайны. И эта инструкция поступила от самого премьер-министра. Нетрудно догадаться, что сильные мира сего, очень сильные, диктуют нашим правителям, под каким соусом преподнести общественности эту трагедию... Я не пугаю вас, а просто предостерегаю. Спасибо за информацию и разрешите откланяться.

Когда журналист ушел, профессор заговорил первым.

— Мартин, вы уезжаете? Я этого не знал.

— Вчера позвонил мой друг из Таллина, и я обещал ему приехать.

— Таллин?! Приехать паромом?

— Это дешевле, чем на самолете. Но это не главное. Если честно, я решил проверить свою нервную систему. Пройдя через горнило испытаний, смогу ли вновь подняться на паром.

— У меня к вам просьба, — торопливо проговорил профессор. — Закажите и для меня билет на этот рейс. Я обязан еще раз увидеть место гибели дорогого для меня человека. Прошу вас...

Гигантская катастрофа на Балтийском море не уменьшила количество пассажиров, следующих рейсом Стокгольм—Таллин. Коммерческий сбор обеспечивал судовладельцам приличную прибыль, и они делали все, чтобы стереть в людской памяти траур и вернуть пассажиров к корабельным будням, где царили веселье и музыка. В этой пестрой толпе любителей морских прогулок, разогретых спиртным и притягательной силой дансинга, Мартин и профессор выглядели белыми воронами, пренебрегающими всеобщим весельем.

— Я, пожалуй, выпил бы рюмочку водки, — неожиданно заявил профессор, чем крайне удивил Мартина.

— Мне казалось, — воскликнул он, — что вы в рот не берете спиртного.

— Так оно и есть, — вздохнул профессор и добавил: — Я пью крайне редко. И сегодня такой момент настал. Хочу помянуть бедную Фриду. Как ей сейчас холодно на дне морском...

Он заказал порцию водки. Зал заметно наполнялся публикой, и свободных мест оказывалось все меньше и меньше. К их столу подошел темноволосый молодой человек и, попросив разрешение, занял свободное место и, как показалось Мартину, внимательно посмотрел на профессора. Тот продолжал свой монолог, не обращая внимания на нового соседа:

— Вчера до полуночи мы говорили о Боге, о душе.

— Так что такое душа? — вскинул брови Мартин. — Раньше как-то об этом не задумывался. Я — фаталист, и верю только в судьбу. В судьбу, которую куешь сам без помощи Бога и общества.

Профессор многозначительно посмотрел на собеседника и заговорил:

— В трактовке религиозных ученых, к которым я отношусь, душа определяется, как неразрывная совокупность всех человеческих чувств. Это, как бы лучше выразиться, — некая сокровищница нашего мышления, воли и памяти. Душа — это источник нашего сознания. Как бы синтез индивидуума, организующая его сущность, в котором сконцентрированы все наши свойства и способности. — На лицо профессора легла печать глубокого раздумья, и он продолжил, близоруко глядя в лицо собеседника: — Это скрытая от нас самих верховная власть, отображение Бога внутри нас.

— Научные дебри, профессор, — вздохнул Мартин, — которые воспринимаются не каждым смертным. Для этого надо предварительно перелопатить груды религиозной литературы.

— Я потратил на это много лет, выживая проверенные факты и справки по разным отраслям науки, пока пришел к этим выводам. По этому поводу французский мыслитель Мишель Монтэнь, завершая свой очередной научный труд, написал в заключении: «Я собрал здесь только букет чужеземных цветов, а мне принадлежит одна лишь связующая их нить...». Душа — это, наконец, субстанция, возникшая в момент воссоединения духа с телом, связующая духовное наше начало с началом материальным, физическим. Душа — это храм Божий, где дух и плоть сплелись в одно целое.

— А если это «целое» подчиняется воле сатаны, демонической силе? Что тогда становится с душой? — усмехнулся Мартин.

— Не знаю, — признается профессор после паузы. — Усомниться в бытии своей собственной души было бы равносильно самоотрицанию. Прошу прощения, — прервал внезапно научный монолог профессор, — я хочу проконсультироваться с администрацией парома.

Он поднялся и зашел к выходу. Сквозь стеклянную перегородку Мартин увидел, как профессор обратился к человеку в морской форме и, жестикулируя, о чем-то с ним говорил. Со странной улыбкой он вернулся к столу, опрокинул стопочку водки и, взглянув на часы, доложил:

— Мы будем проезжать место катастрофы через час и сорок минут. Так на чем мы остановились?

Мартин про себя отметил, что профессор изменился в лучшую сторону — бледность на измученном лице исчезла, руки не тряслись. То ли спиртное подействовало, то ли предстоящая встреча с роковым местом.

— Материалисты отрицают душу в человеке на том лишь основании, что она не материальна, — продолжал рассуждать профессор. — Атеисты не знают, что представляет собой душа. — Он усмехнулся, и добавил: — Как будто они имеют представление обо всем в этом мире, кроме души. Что такое дух и что такое материя? Уверю вас, Мартин, что эти категории навсегда останутся для науки неразгаданной тайной.

Сосед по столику, как уловил Мартин, все время слушал, то и дело внимательно поглядывая на профессора. Он вдруг кашлянул, криво усмехнулся и произнес картавым голосом.

— Извините, господа, что вмешиваюсь в ваш диалог. Но у меня вопрос к вам, — он в упор посмотрел на профессора. — На лекциях по диалектическому материализму в Лейпцигском университете вы говорили совсем иное, утверждая, что никакого Бога нет, и что это — вымысел ученых капиталистического мира...

Профессор растерянно посмотрел на соседа и залепетал:

— Вы слушали мои лекции?.. Тогда было другое время... Тогда я еще не пришел к Богу.. Вернее, пришел, но скрывал это...

— Вы воспитывали истинных атеистов и правильно делали. Я, например, слушая ваши лекции, стал настоящим безбожником и перековываться не собираюсь. — Он говорил быстро, все еще возбужденный и удивленный происшедшими переменами бывшего учителя, и останавливался лишь на миг, чтобы перевести дыхание, а потом снова продолжал: — Я не признаю присутствие духа в человеке отдельно от тела. И хочу заметить, профессор, что чувства, воображение, воля, мышление и все другие душевные или психические явления — это только результаты мозговых отражений или так называемых «рефлексов». Вы перешли работать в Берлинский университет, а я в Лейпциге закончил аспирантуру, защитился, и сейчас позволю себе заявить, что именно под влиянием внешних воздействий на мозг наш мозг порождает соответствующие этим воздействиям психические явления. По моему твердому убеждению, мозг — сумма всего, чем человек обладает: сознанием, душевными явлениями, нервным механизмом...

Профессор уже пришел в себя. Он внимательно слушал оппонента и лишь слегка покачивал головой. Когда тот остановился, он спокойным голосом парировал:

— Изучая окружающий нас мир, трудно не согласиться с тем, что самое изумительное существо, обитающее на этой планете, — homo sapiens и самое важное в человеке — его душа. Что такое душа? Что такое материя? Мы не знаем. О материи и о духе мы можем судить только по их проявлениям, как мы судим об электричестве, магнетизме. Проявление духа способны наблюдать в самих себе только те, кто рожден от Духа Святого. Вспомните апостола Иоанна, который утверждал, что дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда он приходит и куда уходит...

Мартину надоела эта полемика, и он искал момент, чтобы, не обидев словесных дуэлянтов, покинуть зал и подышать свежим воздухом. От фактов, перечисленных представителями противоположного мировоззрения, у него голова шла кругом.

— Извините, господа, — учтиво произнес он, — но я вас на некоторое время покину...

— Да, да, конечно, — бросил профессор, не отрывая взгляда от оппонента.

Мартин спустился в каюту, облачился в куртку, вышел на палубу и оказался в объятиях свистящего ветра. Небо над морем раздвинулось вширь и вглубь, звездной пылью стекая к горизонту. Мартин вцепился пальцами в холодный поручень и неотрывно смотрел на воду, вспоминая тех, кого ему не удалось спасти. Он, будто загипнотизированный, смотрел на волны и не заметил, как рядом оказался профессор.

— Воистину, не заглядывай подолгу в пропасть, — задумчиво проговорил тот, — или пропасть заглянет в тебя.

Мартин вздрогнул, посмотрел на друга и ужаснулся — профессор стоял на холодном ветру в тоненькой рубашке.

— Где ваш пиджак? — стараясь перекричать шум волн, поинтересовался он.

— Висит на спинке кресла. А что?

— Вы простудитесь!

— Я вышел на свежий воздух только на секунду, — улыбнулся профессор. — Пока только на секунду, а потом...

— А что потом?

— Знаете, Мартин, — замысловато проговорил профессор, — мне кажется, что у этой трагедии теперь уже нет ни начала, ни конца, а остается замкнутая на самое себя бесконечность, единственным выходом из которой было бы полное растворение в ней, то бишь, смерть.

— К чему такие разговоры, профессор? — удивился Мартин.

— Memento mori, — рассеянно пробубнил тот и, не поясняя своей мысли, резко повернулся и ушел назад. Следом за ним поспешил и Мартин.

За столиком продолжалась дискуссия.

— Господа философы, — вздохнул Мартин, — у вас к умным мыслям очень горькая приправа. Не хватит ли вам на сегодня спорить и пить. Ведь и тело ваше, и душа могут взбунтоваться от обильной дозы спиртного.

Профессора проигнорировали его слова.

Мартин слушал их полемику вполуха. Его все больше и больше настораживала фраза профессора, сказанная на открытой палубе, что у этой трагедии теперь уже нет ни начала, ни конца, а остается замкнутая на самое себя бесконечность, единственным выходом из которой было бы полное растворение в ней.

— Мы уже говорили о множестве таинственных сил и явлений природы, — развивал свою мысль профессор.

— Факты, профессор, факты, — пьяным голосом требовал оппонент.

— Пожалуйста. Например, мы не улавливаем звука, который ниже 16 вибраций или выше 40 000 вибраций в секунду. В силу этого, по ту и по другую сторону уловимых нашим ухом высоких и низких вибраций лежит страна безмолвия для человека, но не для твари с ушами иной восприимчивости. Глухой человек вообще не воспринимает ни одного звука, но это отнюдь не значит, что звуков не существует вообще в природе. Вот другой факт. Мы не видим электрического тока, магнитных и радиоактивных волн, но они существуют. Мы не видим на улице телевизионных картин, передающихся со станций и перелетающих большие пространства, прежде чем появиться на домашнем экране. Мы не видим нашего мышления, памяти, совести и много другого, в реальности чего мы убеждаемся ежедневно. Еще можно привести один факт, относящийся к нашему зрению. Следуя правилу атеистов: «не вижу — не верю», мы должны усомниться в существовании макрокосма и тех бесчисленных звезд, которые лежат за пределами нашего естественного глаза, но они обнаружены и сфотографированы при помощи астрономических аппаратов. Кроме того, наш глаз воспринимает только те предметы, которые расположены в гамме световых волн, начинающихся короткими ультрафиолетовыми лучами и кончающихся длинными красными лучами. Все волны, которые находятся по ту сторону фиолетовых и красных лучей, остаются неуловимыми для на-

шего органа зрения. Но мы не имеем никакого решительного права или основания отрицать существование неуловимых нашим глазом лучей. Ночные птицы и звери все видят ночью, как днем, тогда как мы видим ночью только силуэты предметов.

Мартин с трудом подавил зевок. Он уже не слушал диалог, а засыпал под медленные звуки танго. Наконец он поднялся и обратился к профессору:

— Я валюсь с ног и, с вашего позволения, пойду спать.

— Какие разговоры, — профессор взглянул на часы. — Я тоже через двадцать минут уйду на покой.

В тоненькой рубашке и расстегнутом пиджачке он стоял печальный и бледный, вглядываясь в морскую пучину. За стеклянной перегородкой бурлила пьяная вакханалия, приперченная душераздирающими звуками джаза. Здесь, на открытой палубе, все вокруг утопало в ноябрьской слякоти. Низкое небо, казалось, цеплялось за мачту и радары. Мир вокруг словно бы растворялся в гриппозном осеннем ненастье. Волны, казалось, перепрыгивали через борт и холодными объятиями ласкали его.

— Фрида, — шептали посиневшие губы, — моя тоска и горькая ноша. Твоя смерть сомкнулась вокруг меня, словно забытый сон в гулком зале кинематографа. Лишь Бог знает, какие являются мне видения...

Жизнь, словно линяющая змея, сползала с профессора одряхлевшей оболочкой, обнажая умирающее тело, где разум и логика уже застыли навсегда. И он метнулся в морскую пучину, пролетая освещенные иллюминаторы, где мельтешили лица, тела.

Вода встретила его жесткими ледяными объятиями.

Мартин проснулся от невидимого толчка, ему показалось, как что-то прошелестело за стеклом иллюминатора. Чувство беды заставило его вскочить, одеться, побежать в зал. За их столиком сидели другие люди. Он ринулся вниз по лестнице к ярусу, где располагалась каюта профессора. Стукнул раз, два и тронул дверь — она открылась. Вещи профессора лежали на месте. И тут его словно током ударило — на столе лежала записка. Он схватил листок бумаги и стал лихорадочно проглатывать строки.

«Спасибо тебе, Мартин, за все. Не ищи меня. Я ушел к ней. Сделал это по собственному желанию, ибо горечь потери была невыносима тяжела. Еще тогда, в твоей комнате, я принял решение добраться до рокового места и уйти в морскую бездну. Уйти на том роковом месте, где ушла она. Прощай, мой последний добрый друг!»

Паром «Мариэлла» слегка покачивался у причала стокгольмского порта. Я шел к этому судну, чтобы встретиться с капитаном Ян-Торе Тёрнросом, который в трагические минуты гибели «Эстонии» одним из первых сообщил о кораблекрушении береговому спасательным службам Финляндии. Море штормило, и службы спасения обязаны были работать в бдительном режиме, а получилось все наоборот. Не случайно финскому центру МССР (Морской информационный центр службы спасения береговой охраны. — Авт.) и спасательной службе были брошены серьезные упреки со стороны шведских коллег. Они обвиняли финнов в том, что сигнал бедствия не был своевременно транслирован в Швецию. Именно по этой причине было потеряно драгоценное время, в течение которого можно было бы спасти много жизней. И действительно, шведские спасатели были уведомлены о катастрофе лишь в 1.52, то есть почти через 56 минут после получения финнами сигнала бедствия.

Вот о чем я думал, подходя к аппарели судна. В кармане у меня была телефонная запись разговора капитана «Мариэллы» со шведским инспектором Ларс-Эриком Андерсоном, который вел расследование гибели парома «Эстония».

— Господин Тёрнрос, — спросил я у капитана, — с вами связывался по телефону следователь Андерсон?

— Да. Мы были тогда в море, и он позвонил мне, чтобы задать несколько вопросов.

— Вы помните дату, когда случился этот звонок?

— Это было 6 октября 1994 года.

Я достал диктофон и прокрутил тот заочный телефонный допрос. В переводе на русский язык этот диалог звучал так:

Капитан: После того, как «Эстония» послала сигнал бедствия, только «Европа» и наше судно тут же ответили на него. У нас действительно были проблемы с установкой контакта с береговой охраной. Но неверно было бы утверждать, что береговая охрана тоже приняла сигнал бедствия, как об этом написали газеты. О трагедии услышали только тогда, когда мы позвонили им по сотовому телефону. «Европа» вызвала Турку, позвонив им опять же по сотовому телефону, а мы позвонили в Хельсинки.

Следователь: Означает ли это, что спасательная служба на берегу не подтвердила получение сигнала?

Капитан: Они этого не подтверждали.

Следователь: Не подтверждали прием сообщений?

Капитан: Во всяком случае, они не сделали этого, пока мы не сообщили им о катастрофе по сотовому телефону. Вначале мы

вообще не знали, кого должны вызывать на связь, но попытались сделать это сразу же, как только получили от «Эстонии» сообщение о местонахождении. После того, когда связь с ней прервалась, мы, то есть «Европа» и «Мариэлла», попытались установить контакт с МСССР, радио Хельсинки и Мариенхамн-радио. Вначале на УКВ канала 16 — канале оповещения о бедствии на море. Но никакой реакции не последовало.

Следователь: Подводя итог, можно сказать, что «Эстония» послала сигнал бедствия, который непосредственно был принят только «Мариэллоу» и «Европой». И только эти суда подтвердили прием сигнала?

Капитан: Да.

Следователь: И после этого вы пытались сообщить о кораблекрушении береговым службам спасения?

Капитан: Да.

Следователь: Финской и шведской?

Капитан: Да.

Следователь: И не получили ответа?

Капитан: Не получили.

Следователь: И тогда вы воспользовались сотовым телефоном, чтобы связаться со спасательными службами Финляндии?

Капитан: Чтобы вызвать спасателей из Финляндии. И «Европа» поступала так же, независимо от нас. Оттуда решили позвонить в Турку, а мы позвонили в Хельсинки.

Следователь: А что это были за сигналы?

Капитан: «Рап-Рап». Это не столь важное сообщение. Его посылают, например, когда за борт падает человек, но никакой опасности для судна не существует.

Следователь: Итак, этот сигнал был послан из Хельсинки?

Капитан: Да, он пришел из Хельсинки, и я знаю, что позже они послали и сигнал «MAYDAY», которого мы сами не слышали, но который слышала «Европа».

Следователь: Хорошо, все это будет обсуждено более детально, когда вы вернетесь в Стокгольм.

Я привел лишь часть из записи телефонного разговора, которым меня снабдили скандинавские коллеги. Но из этого фрагмента становится ясно, что береговые службы спасения Финляндии и Швеции проявили себя не с лучшей стороны. Создается впечатление, что спасателей в этот момент не было на рабочем месте... Или они попросту игнорировали сигнал бедствия. По их вине погибли сотни людей, которые при оперативной работе спасателей могли бы остаться живы. Кстати, этот телефонный разговор был представлен следователем Андерсоном членам международной комиссии, но те, увы, не придали этому факту значения!

В текучих видениях чуткой дремы передо мной кружились оконная решетка, припорошенная звездной россыпью, серые стены камеры и контуры топчана, на котором вычерчивалась могучая фигура соседа. Успокаиваю себя мыслью, что все это мне снится. Но в дальнейшем закутке моего мозга пульсирует ответ: это не бредовый сон, а самая настоящая явь!

— Не спится? — раздается голос соседа. — Мне тоже. Попробуем украсить заточение?

— Как? — с сомнением в голосе роняю я. — В камере ни шахмат, ни карт, ни игровых автоматов.

Он задумчиво трет подбородок и вдруг решительно, с необыкновенной для его громоздкой фигуры живостью, вскакивает и движется к дверям. В следующую секунду огромные кулаки, как две гири, обрушились на металл.

Когда в дверном окошке появилось взволнованное лицо полицейского, атлет что-то протарахтел на шведском и полицейский, кивнув, разрешил следовать за ним. Сосед загадочно подмигнул мне и погасил свет. В камере воцарилась тишина, и черная стужа ночи пахнула на меня, сотрясая изнутри зябким ознобом. Я то впадал в дремоту, то просыпался от тяжких дум, а соседа все не было и не было. Он вернулся минут через сорок с пакетом в руках.

— Есть такой анекдот, — промурлыкал он, опускаясь на топчан. — Встречаются два еврея, и один говорит другому: «Ты помнишь Хаима, который живет напротив тюрьмы?» — «Помню, — отвечает тот. — А что с ним?» — «Так вот, теперь он живет напротив своего дома...». Вот и я живу напротив полицейского участка. Предложил дежурному пятьдесят долларов за звонок жене. Тот согласился. Я позвонил своей половине, и она принесла передачу. — Он вытащил из пакета бутылку водки, минеральную воду, колбасу, хлеб, огурцы. С какой-то небрежностью расчистил от газет место на столе, разлил по бумажным стаканчикам спиртное, разложил на салфетке куски колбасы и хлеба. — Скрасим свое заточение. — Он торжественно поднял стакан.

Я взглянул на этикетку бутылки, на которой кириллицей начертано: «Столичная».

— Из Москвы, — поясняет сосед. — Друзья привозят. За ночлег в моей квартире водкой расплачиваются. У меня бутылко тридцать набралось.

Я редко употреблял спиртное, но тут даже обрадовался. В такой жизненный момент ничего не оставалось, как только напиться и хоть на время забыться.

— Водочка вам не помешает, — философствовал напарник. — Алкоголь во все века служил отдушиной для многих мыслителей.

— Я не мыслитель. Я — без вины виноватый, — жалобным голосом констатировал я и влил в себя обжигающую жидкость.

— Закусывайте, на голодный желудок пить вредно, — атлет протянул мне бутерброд с колбасой. Сам он к закуске не притронулся, медленно с видимым удовольствием выцедил в себя водку, пожевал вялым ртом дольку огурца.

— Так легко можно уговорить шведского полицейского нарушить инструкцию? — вслух размышлял я.

— Настоящий швед не стал бы брать взятку. Этот — натурализованный гражданин родом из Польши. А поляк ради денег пойдет на все, на то он и поляк.

Я слушал партнера и думал о том, что он, наверное, старательно исполняет роль по состряпанному следователем сценарию, и специально пытается напоить меня, чтобы выудить информацию, интересующую его хозяина. «Возможно, я не прав, — мелькнуло в голове, — и напрасно впихиваю бывшего соотечественника в образ «подсадной утки»?!»

— Так за что же вы убрали араба? — небрежно роняет сосед. — Покойник знал что-то такое, что связано с кораблекрушением? Так ведь?

«Наконец-то раскрылся», — мысленно отметил я, а вслух произнес:

— Кто мы?

— Вот и мне не понятно, кто вы? — резюмировал напарник по застолью.

— Вам следует спросить у того, кто совершил убийство.

— Вы, — уверенно проговорил он.

— Вы чертовски проницательны, — усмехнулся я. — Только сказать вам мне нечего, ибо я чист и перед Богом и перед всем миром.

— Ну, ну, — с усмешкой протянул он. — Впрочем, пусть Всевышний рассудит...

Моя голова пошла кругом, и в хмельной прострации все окрест виделось и слышалось мне, как через толстое стекло. Соседа тоже сморило.

— А теперь можно и заснуть, — зевая, шепчет он и выключает свет.

Последние его слова пробивались ко мне уже сквозь сморившую меня дрему. В камере сгустился мрак, и я вот-вот бессознательно пойду блуждать в гущах моих сновидений.

— Спите? — любопытствует сосед.

Невнятно отвечаю, ибо лес моих сновидений еще не окутал меня своим мраком, и я бреду в чащобе, где кроны сосен трепещут от яркого дневного света, и откуда-то доносится человеческий говор, вызывая во мне чувство досады.

— Спите? — назойливо бубнит атлет, возвращая меня из забвения.

Роняю что-то в ответ. Постепенно и он, этот хриплый голос, исчезает. Сосновый бор густеет, и теперь это уже настоящий лес, глубокий и мрачный, и я незаметно тону в нем окончательно, в этой сумрачной густоте безмолвия и забвения.

Во сне я упрямо куда-то иду, пробираясь сквозь кустарник и бронзовые стволы. Наконец в хвойной стене появилась брешь, и я вижу поляну, в центре которой белеет большая армейская палатка. Навстречу мне торопится человек в защитной форме с каким-то тусклым лицом.

— Они отдыхают, — докладывает он.

«Кто они? И почему — они?» — недоумеваю я, хотя понимаю, что нахожусь в запретной зоне, где лишнее слово смерти подобно.

— Можете сами убедиться, — чеканит сопровождающий и откидывает полог.

Вхожу в просторную палатку, и они действительно там, все лежат на своих кроватях, а рядом — винтовки с оптическим прицелом. Мозг мне шепчет — это киллеры на отдыхе.

— Предстоит серьезная работа, — поясняет человек с тусклым лицом. — Надо убрать всех, кто сует нос в эту тайну.

— В какую тайну? — допытываюсь я.

— В тайну гибели парома «Эстония». Приказано, в первую очередь убрать всех журналистов...

«И меня тоже?» — собираюсь спросить. В эту секунду где-то в дальнем закутке моего мозга рождается догадка, что я слышу учащенное дыхание заключенного Маслова. Мгновенно просыпаюсь: надо мной склонился сосед, в левой руке он держит подушку, а пальцы правой тянутся к моей шее. В лунном свете его напряженное лицо с прищуренными глазами кажется мне странным и нереальным. Вот пальцы атлета коснулись моей шеи и сжались, как клещи... Я проваливаюсь в вязкую темень и судорожно пытаюсь глотнуть воздух...

Я сжался и воткнул большой палец ноги в мерцающий значок сокамерника. Пальцы на моей гортани на миг разжались. Я метнулся влево и коротким боковым ударом поймал в сумраке квадратный подбородок громилы. Его секундное замешательство позволило мне юркнуть на пол, и оказаться за его спиной... Я успел вонзить правый кулак в его печень. Он взвыл от боли, скорчился и почти опустился на четвер-

реньки. В лунном свете мой глаз поймал отблеск водочной бутылки, пальцы вцепились в горлышко, и я изо всех сил нанес удар по голове. Бутылка разлетелась вдребезги, сосед ойкнул, рухнул на пол и лежал без признаков жизни.

Я включил свет — из рваной раны на темени сочилась кровь... И вот она уже пульсировала, разливаясь красным овалом... Я подскочил к двери и застучал каблуком...

Дежурный заглянул в глазок, отпер дверь и ошарашенно уставился на лежащего атлета.

— Он напал на меня, — заикаясь, оправдывался я. — Пришлось обороняться.

— И вы свалили этого громилу? — удивился полицейский.

— Не я, а бутылка, с помощью бутылки...

Зрочки полицейского, как блоха, перескакали от осколков стекла к пробое на черепе, и он при виде крови вдруг истошно закричал. Только тут до него дошло, что именно он разрешил внести спиртное в камеру, тем самым нарушив инструкцию.

— Он мертв?

— Не знаю, — прошептал я.

— Надо срочно вызвать врача, — очнулся тот, выхватил мобильный телефон и стал звонить.

Потом он вцепился в рукав моего пиджака и потащил меня в другую камеру. Что было дальше — я помню смутно, ибо сразу же провалился в сон.

Едва расцепил ресницы, как ночной инцидент всей своей тяжестью навалился на мое сердечко. Я с ужасом констатировал, что совершил убийство, и что теперь мне гнить и гнить в заморском остроге. Я со страхом ожидал визит к следователю, который уже, наверное, вынес вердикт.

Проходил час, другой, третий, а у дверей моей камеры никто не появлялся. От тягостного ожидания меня трясло. Наконец лязгнул замок, и полицейский жестом приказал следовать за ним.

Инспектор криминального отдела скользнул прозрачно-голубыми глазами по моей измученной физиономии и, повернув голову в сторону переводчика, строго произнес:

— Пусть расскажет о том, что случилось в камере сегодня ночью?

— На меня набросился сосед, — дрожащим голосом начал я, — и мне пришлось защищаться.

— Чего это вдруг он набросился на вас?

Я какое-то время размышлял, как бы короче сформулировать инцидент, и рубанул:

— Он попытался меня задушить!

— Ну, ну, — усмешка вспыхнула в его глазах. — А получилось все наоборот.

— Я защищал свою жизнь, — уверенность в моем голосе под пытливым взглядом инспектора поубавилась.

Он безучастно выслушивает меня и лениво размышляет:

— Предположим, что это так. Но каковы мотивы, побудившие подследственного Маслова напасть на вас? Вы ведь до встречи в камере не знали друг друга?

Я повел плечами.

— Вот, вот. И мне не ясны причины нападения.

Допрос начинал меня злить, и я перешел в атаку.

— Господин инспектор, а как вы объясните тот факт, что заключенному разрешают связаться с кем-то по телефону, потом ему приносят водку и дают возможность спить меня? Не кажется ли вам, что это заранее спланированная операция! И, наверное, за ней стоит очень влиятельная персона, если ваши люди сознательно допускают безответственность? Вряд ли бы полицейский нарушил инструкцию ради прихоти заключенного?

Заметив легкое замешательство на лице инспектора, я продолжил словесную атаку:

— Я проводил серьезное журналистское расследование, и кому-то это не нравится! Тем более что нити ведут к лицам, которые причастны к катастрофе парома «Эстония». Катастрофе, о которой сегодня говорит весь мир! Факты подтверждают, что на пароме был некий товар, что тщательно скрывают.

Следователь поднялся с кресла и подошел к окну. Какое-то время разглядывал городскую панораму, видимо, оценивая мои слова, потом резко обернулся и процедил:

— Вы большой фантазер, господин журналист. Вы выбрали примитивный метод защиты и пытаетесь возвысить свою персону. А ведь вы минувшей ночью совершили еще одно преступление — проломили череп соседу по камере. Уголовное преступление!

Он не договорил и опять повернулся к окну, видимо, давая мне осознать содеянное. Я сник, и шепотом произнес:

— Он скончался?

— Да жив он! — радостно выкрикнул переводчик, но, поймав злой взгляд инспектора, торопливо заговорил на шведском. Из его монолога я понял, что негуманно держать подследственного в неведении и что это может привести к психической травме. Следователь укоризненно посмотрел на моего защитника и жестко бросил:

— Вам следует лишь переводить мои вопросы. Не комментировать, не высказывать собственного мнения, не помогать последственному, а только переводить.

— Извините, — пробубнил бывший соотечественник.

Инспектор поднял трубку телефона и поинтересовался результатом служебного расследования. Я внутренне ликовав — сокамерник жив, и удача опять улыбнулась мне.

— Предположим, что это была самозащита, — сменил тон полицейский. — Меня интересуют детали вашей схватки.

Я расписал ночной эпизод. Собеседник не перебивал меня и внимательно слушал.

— Здесь два варианта объяснения его поступка, — проговорил я в заключении. — Либо он был пьян и не ведал, что творил. Либо он получил задание устранить меня.

— Тут вы ошибаетесь, — прервал меня инспектор. — Есть третий вариант — вас пытались изнасиловать.

— Как? — изумленно воскликнул я. — Я ведь не девушка!

— А его девушки не интересуют, — бросил следователь. — Его интересуют мальчики...

— Но я далеко не мальчик!

— Словом, подследственный Маслов страдает педофилией.

— Тогда зачем он душил меня? Врач, который утром осмотрел мою шею, обнаружил следы его пальцев. Надеюсь, что этот факт зафиксирован в протоколе? Зачем он попытался накрыть мое лицо подушкой?

Инспектор пропустил мимо ушей мои слова и продолжил:

— Господин Маслов объясняет свое поведение следующим образом. Он был уверен, что и вы — гомосексуалист. Поэтому, опьянев, потерял контроль и решил удовлетворить свою страсть. А вы охладили его любовный порыв ударом бутылки. За это вас можно подвести под статью, но господин Маслов почему-то претензии не предъявляет. Почему? С этим следует разобраться. А пока возвращайтесь в камеру.

Время медленно капало минутами, а меня никто не тревожил. И это томительное ожидание изморило меня. Я то вскакивал с топчана и нервно расхаживал по камере, то мысленно обдумывал сюжет, то проваливался в дрему.

Было около семи вечера, когда заскрежетал дверной замок и меня повели к следователю. Когда переступил порог кабинета, был приятно удивлен. Рядом с инспектором стояли мои коллеги Эльза Вольф и Карл Стива и, увидев меня, заулыбались. Я сразу же ощутил, что повеяло свободой.

— Заморили тебя, дорогой, — стрельнув на меня волшебными глазенками, проворковала Эльза. — Но все позади... Все позади.

Мы подняли на ноги всю прессу, провели гигантскую работу и нашли свидетелей, которые подтвердили твою невиновность.

— Слава Богу, — судорожно выдавил я, пытаясь смахнуть слезу.

— Не плачь, дорогой, — она чмокнула меня в щеку и протянула салфетку. — Журналисту полезно изучить места заключения изнутри. Так сказать, на собственной шкуре познать все тягости тюремного бытия! Я давно мечтала попасть за решетку, чтобы познать арестантский мир, но мне не везло.

— Ты считаешь, что мне повезло? — хрипел я.

— Эльза, — раздался голос Карла. — Ты видишь, что он в полуобморочном состоянии. Оставь его в покое.

Мне действительно было плохо: голова раскалывалась, перед глазами проплывали круги, глаза слезились, губы дрожали. Временами мне и в самом деле казалось, что черепная коробка вот-вот треснет. Карл шагнул к столу, налил минералку и протянул мне стакан. Я залпом осушил содержимое, глубоко вздохнул и проговорил дрожащим голосом:

— Значит, я не виноват.

— Разумеется, дорогой! — воскликнула Эльза и повернулась к Карлу. — Пусть инспектор подтвердит, что наш коллега не имеет никакого отношения к убийству. Пусть подтвердит, что с него снимаются все подозрения и он свободен.

Инспектор слушал взволнованный монолог, слегка кивал головой и отвечал лениво, как бы нехотя. Потом сел в кресло напротив меня, но смотрел не на меня, а куда-то в сторону, словно где-то там, в стороне, стоит невидимый оппонент, с которым он продолжает мысленно советоваться. Потом молча поднялся и подошел к окну. Видимо, окно было его любимым местом в кабинете. В голубых глазах сквозила пустота и полное безразличие к моей судьбе.

Факт и комментарий

Я направлялся в университетскую больницу Худдинга в надежде побеседовать с профессором Бо Бризмаром. Именно он в эти трагические дни возглавил Центр спасения, куда доставлялись пассажиры и члены экипажа парома «Эстония». Именно здесь их допрашивали и составлялись протокольные записи. Именно сюда привезли сестер Вейде.

Что я знал о профессоре Бризмаре? В Швеции он считался одним из самых крупных экспертов, связанных с чрезвычайными происшествиями. Его научные труды были посвящены и аварии на Чернобыльской атомной станции, и другим ЧП европейского масштаба. Он слыл известным уче-

ным, обладал великолепной памятью, когда говорил о крупных катастрофах, но проявлял редкую забывчивость, когда речь шла о гибели парома «Эстония».

— Господин Бризмар, вы помните симпатичных сестер-близнецов Вейде, которых привезли в вашу больницу спасатели?

— Там было множество народа, и царил такой хаос...

— Спаслось-то всего лишь 127 пассажиров, и большинство из них оказались в финских клиниках. В вашу больницу поступило не так много спасенных. А вот погибло очень много — 852 человека!

— Это ужасно, — скорчив трагическую мину, соглашается профессор.

— Родители Вейде обратились в ваш центр по поводу своих дочерей, и старшая медсестра уверенно сообщила, что сестры живы и здоровы и сейчас с ними беседуют представители Центра спасения. А потом оказалось, что их фамилии из списка спасенных исчезли. Девушки лежали в палате, им давали лекарства, с ними беседовали врачи и санитарки. И вдруг весь медперсонал больницы вычеркнул их из своей памяти?

— Это было время хаоса, — повторил профессор, — но уверяю вас, ложная информация из центра не распространялась. Если официально сообщили, что их не было в нашей больнице — значит, не было! Извините, — неожиданно заторопился он, — меня ждут пациенты.

ТАЛЛИН. ОКТЯБРЬ 1994 года.
ИГОРЬ КРИСТАПОВИЧ

Он видел на телеэкране трагические фрагменты катастрофы и не верил своим глазам. В сводках новостей мелькали изнуренные лица спасенных пассажиров, трупы, выуженные из воды и завернутые в брезент...

Шведский премьер-министр Карл Бильдт в интервью корреспонденту теленоостей официально заявил, что паром утонул по техническим причинам. Игорь не верил его словам, ибо догадывался об истинной причине гибели судна. Да что догадывался — точно знал!

Жаркой волной хлынула разноголосица версий. Майор на связь не выходил. Своего телефона он не оставил, пообещав, что сам будет звонить. Сергей Петров тоже молчал. Скорее всего, он утонул. Получается, что вся тщательно подготовленная операция закончилась грандиозным провалом! А это означает гибель для всех действующих лиц провального спек-

такля, в том числе и для него. Те, кто совершили акт преступления, будут убирать всех свидетелей — таков закон криминального мира и государственных секретных служб.

Ночи превратились в кошмар. Утром ему стоило больших трудов, чтобы привести себя в порядок, прежде чем отправиться на службу. Там он пытался обрести спокойствие — аккуратно выполнял свои служебные обязанности, непринужденно болтал с друзьями. Только внутри ни на секунду не утихала буря. Буря, вызванная то ли моральной ответственностью за погибшие души, то ли страхом за собственную жизнь.

В тот ноябрьский вечер погода стояла слякотная — дул ветер с моря, и струи дождя били совсем косо, штрихуя тонкими линиями серое небо. Игорь сел в машину и включил фары. Сноп света вырвал из мглы купол черного зонтика, из-под которого выплыло лицо майора. И не в воображении, не в полудреме, а наяву, при ярком свете автомобильных фар. Гость глазами показал на дверцу салона, которую Игорь поспешно открыл. Майор опустился на сиденье, аккуратно скрутил мокрый зонтик, положил под ноги и внимательно посмотрел на бывшего коллегу. Игорь сразу же отметил плохой вид россиянина: лицо иссиня-бледное, в запавших глазах какая-то дымка, уголки губ подрагивали.

— Что случилось на пароме? — глухо заговорил он.

— Я хочу переадресовать этот вопрос тебе, — ответил Игорь.

— Да-а-а... — отозвался гость ничего не значащим междометием.

— Вся беда в том, — подчеркнул Игорь, — что с тобой не было связи. У меня скопилось много важной информации, но я, к сожалению, не мог ее тебе передать.

— Ты знаешь, — выдавил майор, — что телефонные разговоры людей, мне подобных, в России прослушиваются.

— На пароме был мой агент. Я уже до катастрофы знал о том, что судно заминировано.

— Быть этого не может! — прошептал майор.

— Может, — резюмировал Кристапович. — У меня была информация, что какие-то люди перед отправкой побывали на пароме. И весьма крупные государственные чины Эстонии помогли чужакам пробраться на судно. Что они там делали — вопрос. Впрочем, события показали, что они там времени зря не тратили.

— Сведения от верных людей?

— Мне об этом сообщил таможенник в день отбытия парома. И мой человек, который следовал этим рейсом, подтвердил по мобильному телефону с борта судна о заложенной там взрывчатке.

— Возможно, генералы перестраховались, решив в случае провала спрятать концы в воду?

— Это могли сделать и люди покупателя.

— Может, и так, — выдохнул майор и добавил. — Скажу лишь одно — мои сотрудники этого не делали. Моих людей попросту на судне не было. Согласись, глупо посылать на дно груз, стоящий... — Он не договорил и махнул рукой.

— Судя по всему, на пароме орудовала целая группа боевиков, вооруженная и хорошо подготовленная. Это были профессионалы, и общались они между собой на английском языке.

— Откуда у тебя такие сведения? — майор сдвинул брови.

— От моего агента. Больше того, на пароме заранее была приготовлена моторная лодка, на которой они скрылись.

— Топить груз, стоящий миллионы баксов, — нонсенс! Зачем они это сделали?

— По двум причинам. Во-первых, они почувствовали что-то неладное на корабле. Например, вычислили конкурентов, которые вели охоту на этот груз. И другой вариант — о тайной сделке узнало российское правительство, и началась погоня, которая закончилась катастрофой. Возможно, российская субмарина атаковала торпедой, или попросту протаранила корпус парома... Случайно или намеренно — остается загадкой. Не исключен вариант непредвиденного столкновения с какой-либо амфибией другой страны. На Балтийское море в эти дни проходили учения НАТО.

— Возможно, — прошелестели губы майора. — Все возможно. Проклятые американцы, они испугались огласки. Сам подумай, переправлять военный груз на гражданском судне — это нарушение всех международных норм! Эти сволочи решили ценой жизни пассажиров смыть с себя грязное пятно. Для богатых американцев утопить десятки миллионов — не самое страшное дело. Страшнее для них — огласка и реакция общественности! И еще страшнее эта огласка для правительств Эстонии и Швеции, которые, будучи посредниками, в поте лица работали на дядю Сэма!

— А не может быть так, что твои люди проникли в трюм и начали перегружать товар в свой транспорт, не догадываясь о том, что автомобильная палуба заминирована.

— Нет, — майор подчеркивал слова сердитыми жестами. — Мы разработали план перехвата на суше. Повторяю, на па-

роме не было ни одного моего человека. Мои люди ждали этот грузовик в Стокгольме. Глупо начинать перегрузку в трюме, когда он под наблюдением телекамер.

— Я думаю, что груз не пропал. Он покоится на дне моря. И достать его из трюма можно.

— Ты уверен!? — Глаза майора, спрятанные за стеклами очков, напряженно сверлили собеседника.

— Из любого потопленного судна, как свидетельствует история, доставались драгоценности.

— Приормози, дружок, — неожиданно приказал майор. — Я тут выйду. Скоро свяжусь.

Он выскочил из кабины и исчез за углом, забыв о своем зонтике.

ИГОРЬ КРИСТАПОВИЧ, БЫВШИЙ СОТРУДНИК КГБ

Начальник криминального отдела таллинской полиции достал папку, на которой было написано: «Игорь Кристапович».

— Он был убит у своего дома, — вяло проговорил полицейский. — Господин Кристапович увидел спущенное колесо и полез в багажник, чтобы достать записку. В эту секунду подкрался киллер и выстрелил в затылок.

— А вы уверены, что это был киллер, а не какой-нибудь преступник или угонщик? — поинтересовался я.

— Следствие установило, что убийца был профессионалом.

— Во время следствия у вас были предположения, что это убийство связано с катастрофой парома «Эстония»?

— Были. Начальник службы охраны коммерческого предприятия Игорь Кристапович подслушал разговор капитана парома Арво Андерсона с каким-то человеком. Речь шла о переброске важного груза и о большой сумме денег за услугу...

— Откуда у вас такая информация?

— У нас тоже есть свои люди.

— Вы проверяли этот факт?

— Нет. Мы передали информацию в соответствующие организации. Наше дело — расследовать криминальные преступления, которые совершались на территории Таллина.

Я старался узнать подробности об этом факте, но во всех инстанциях Министерства внутренних дел и в службе безопасности Эстонии мне ничего не рассказали. И это понятно — ведь под тайным контролем этих организаций отправлялся за рубеж на пассажирском судне секретный военный груз.

*Литературные страницы
Международного сообщества
писательских союзов*

Александр ЩЕРБАКОВ,
г. Красноярск

ПОЮТ САНИ ПО РУСИ...
Деревенские рассказы

КОГДА ТЯГА ХОРОША

Что может быть прекраснее зимней поездки в деревню! Особенно в ту, единственную, дорожке которой на свете и нет...

Мороз был крепок и сух. С востока тянул обжигающий хиус, так что приходилось отворачивать лицо и прикрывать рукавицей. На тыльной стороне ее сразу выступал иней, легкий, как пудра.

Прибыл в Таскино в два часа пополудни. Вышел из автобуса, невольно зажмурился — так ярок снег. Тысячами колких блёсток сиял Берестов проулок, завьюженный до верхних прясел изгороди, низкое солнце било сквозь тын прямо в глаза.

Морозы морозам рознь. Декабрьские — с туманами, плотными, промозглыми. Февральские пронизаны ветрами, снежными круговертями. Январские же морозы светлы, бодры.

Тесовые ворота с кольцом открыл осторожно, почти беззвучно, чтобы не услышала собака. Она и вправду не услышала бы, пригревшись в конуре, набитой соломой. Но выдал иссера-желтый щенок. Он выкатился из-под крылечка и с

визгливым лаем, выражавшем скорее восторг, чем возмущение, бросился в ноги. Тогда загремела цепью большая, черная, с бурым подшерстком собака, заметалась, бухая хриплым и густым лаем. Но цепь была слишком коротка, а гость проворен...

В сенях я отдышался, обстоятельно обрабатывая голицком заснеженные валенки. Отсюда заметил, что мною заинтересовалась сорока, присевшая на кол возле бани. Она поводила хвостом, точно флюгером, и все наклоняла глянцевирую голову то влево, то вправо. Однако стоило мне выпрямиться, сорока стрекотнула коротко и только мотнула на прощанье своим плоским хвостом.

Изда была пуста. Я присел к печке, снял рукавицы и приклонил ладони к теплым кирпичам. Озябшие пальцы сладко заняли, покраснелись.

Оглядевшись, я увидел, что тетка Липистина тихо спит на печи, прикрыв лицо легким платком. Так делают на сенокосе женщины после обеда, прикорнув прямо на траве под ближайшим кустом.

На цыпочках прошел я во вторую половину избы. Разделся. Расстегнул портфель и разложил по столу свои бумаги, ручку. Мне так давно мечталось поработать здесь, в окружении вот этих кадушек с фикусами, «туями» и «алоями», что захотелось сесть за стол сейчас же, немедленно, с дороги, с мороза, хотя я и понимал прекрасно, что невозможно войти в работу вот так сразу, что мне придется еще долго мучиться, думать, настраиваться.

В это время скрипнула стремянка, приставленная к печи, и по ней спустилась на пол тетка Липистина.

— Ты уже здесь? — всплеснула она руками. — А я только видела во сне, будто била нашу Нинку маленькую. Она будто бегаёт по двору босиком, по холоду-то, а я поймала ее за косички и давай мутузить. Потом проснулась, думаю, гость какой-то должен приехать. Когда бьешь во сне — это уж точно к гостю. А что проснулась? Ши ми, слышу, закипели...

— А пес лаял — не слышали? — рассмеялся я.

— Это забота не моя. Хозяин — Егор, Султан — его сторож.

Вечером я попросил, чтобы мне разрешили самому топить печь в моей комнате. Здесь плита. «С тремя колодцами», — сказала о ней тетка Липистина. Это значит, что дым, горячий поток в обогревателе делает всего три зигзага и вылетает в трубу, еще толком не отдав своего тепла. Печь тонка, в один кирпич, и накаляется быстро, зато быстро и остывает. Главное достоинство печи — тяга. Уж тяга так тяга, шапку бросай — вынесет.

Я выскочил на мороз, накинув фуфайку дяди Егора, набрал из поленницы дров и грохнул беремья на пол перед поддувалом. С полена, гладкого, без сучка, без задоринки, специально хранимого за печью для этой цели, нащипал лучины огромным косарем с выщербленной деревянной ручкой. Щепя под ним шла ровная, хоть линейки из нее делай. Через колено с хрустом переломил пучок лучины, подложил лоскуток бересты, потом дров — снизу сухих, сверху сырых. Затем открыл вьюшку на две ладони, больше не нужно. В мороз и так тяга хороша.

Наконец поднес спичку к бересте. Она куражливо заививалась, но огонь приняла, передала по тонкой кромке на другой конец, а потом скрутилась в рулончик и запылала факелом. Тогда загорели и щепки — одна, вторая, третья... Как свечи, которые зажигают в день рождения.

И вот уже гудит весело печь, и мечутся оранжевые гребни огня, как будто петухи дерутся.

— Буй-буй-буй-буй, — услышал я эту музыку, ясно на душе стало, светло и спокойно.

СОЛНУШКО ВСХОДИТ

— Пожар! Пожар! Склады горят! — закричал я, вбегая на кухню.

— Где? Какие склады? — испуганно вскинула глаза тетка Липистина (она мешала пойло в ведре) и стала торопливо вытирать руки о передник. — Уж не у Егора ли в гараже?

Я повел ее, оторопевшую, через комнату к своему окну и молча показал на красное пламя. Оно взметнулось над высокой крышей зерносушилки.

— Где твой пожар-то? — все не могла взять в толк тетка.

— Да вот же он!

— Тьфу, будь ты неладный! Напугал меня до смерти. Это же солнушко всходит...

Но восход удивительно напоминал пламя, полыхающее над складами, навесами, сушилкой. Белые крыши их вдальке приходились почти вровень с горизонтом. Возвышалась над ним лишь сетка частого березняка, через которую и продиралось в эту минуту огнисто-красное, невероятно огромное солнце, так схожее с пожаром.

Сходство усиливал серый дым над трубой школьной кокегарки. Он, как бы покачиваясь, обволакивал размытое полукружие солнечного диска, и казалось, пламя колеблется.

Но это длилось лишь несколько мгновений. Стоило солнцу вырваться из леса, как сразу четко обозначился весь его круг, и цвет из воспаленного стал медным, потом золотистым.

...Восход не первое, что вижу я утрами из своего окна. Много раньше, когда только рассеивается тьма, простирают силуэт сельской школы, очертания высокой трубы с султаном плотного дыма. Труба эта словно бы висит в воздухе, потому что заснеженной крыши под нею пока не видно. Она сливается с белой мглой рассвета.

Потом на сизоватой белизне проявляется дерево, его темный ствол, бегущие вверх развилины крупных сучьев и, наконец, вся решетка мелких побегов. Уже видны и утонувший по макушку в сугробе штакетник, кусты ранеток в садике со снежными кружевами на ветках и школьная крыша, пологая, как японская шляпа.

Ребятишки у школы появляются, едва взойдет солнце. Они обивают с валенок снег и проворно взбегают по ступенькам крыльца — мороз поторапливает их. Звонков я не слышу за двойными рамами. Но по тому, как в момент замирает всяческая жизнь вокруг школы, могу точно определить начало урока.

Видна и небольшая часть деревенской улицы. Она, несмотря на лютую стужу, оживает довольно рано. Сначала я вижу цепочку светящихся во мгле окон, потом лиловые раструбы дымов над домами, потом людей, торопливо идущих и едущих на конях, притом обычно стоя в санях.

Чуть попозже начинают сновать юркие тракторы «Беларуси», стреляя из труб густым молочным дымом, и грузовые машины, погромыхивающие бортами еще порожних кузовов.

В полдень медленно проплывают мимо окна сенные стога, отбрасывая на дома и заборы ломаную тень.

Сегодня то и дело мелькали в окне заиндевелые тройки лошадей, заложенные в розвальни и кошёвки. Дуги коренников увиты голубыми и розовыми лентами. На шлеях треплются резные ремённые кисти. Под дугами приплясывают и ладно звенят колокольчики.

Особенно хороша одна тройка. Длинноногий гнедой коренник явно гордился своим убранством и музыкой колокольчиков. Красуясь, он вскидывал поверх дуги свою крупную голову. Серые пристяжные по обе стороны его, пружиня постромки, шли на отлете.

Тройкой правил дружка — Никита Иванович, хозяин сельского водопровода. Он был одет в пеструю собачью дошку и мерлушковую шапку. В кошеве, обнявшись, сидели молодые. Сегодня свадьба. Тракторист Федя Чихирин женился на

Грудцыной Наде, воспитательнице детского сада. И вот, отдавая дань старому обычаю, жених с невестой во главе целого свадебного поезда разъезжают по селу, приглашают гостей.

Каждый раз, когда упряжки с гиканьем и звоном пролетают по улице, с дороги спешно поднимается на тополь воробьиная стая. Потом воробьи возвращаются на дорогу, усыпанную сенной трухой и конскими яблоками, в надежде чем-нибудь поживиться.

А синицы, в желтых шубках и атласно-черных тубетейках, целый день прыгают в палисаде по кустам. То ли тоже ищут какую-то пищу, то ли просто греются, играют в башидогоняшки, как ребяташки на большой перемене.

Недолог январский день. Четкие тени деревьев на сугробе, как стрелки часов, незримо подвигаются и подвигаются по снежному циферблату, пока не погаснет зимнее солнце, окунувшись за деревней в далекие алые сугробы.

ЕГОРОВА СТОРОЖКА

Дед Егор узкоплеч, лицом сух, буйно бородат. Сторожит механические мастерские и гараж. Под его надзором тракторы, комбайны, автомобили и прочая кооперативная техника. Дед исправно несет свою стариковскую службу, но, в сущности, равнодушен к ней. Он был конюхом и наездником. И в мастерские-то пошел на старости лет единственно потому, что там сторожу положена лошадь. А без лошади Егору свет не мил.

...Сани бежали легко и раскатисто. Дед правил стоя. Я лежал позади на охапке сена, пахнувшего осенним травянистым тленом. На крутых поворотах хватался за отводины саней, чтобы не улететь в снег ненароком.

Низенькая карья лошадка Гагара усердно семенила ногами, то и дело подбадриваемая вожжой. Когда вожжа со шлепком прилегала к подернутому инеем крупу, на нем оставались черные полоски. Впрочем, Гагара и сама, без понуканий, бежала бы охотно. Пока дед ужинал, она понуро стояла у ворот, продрогла на морозце, и теперь ей хотелось поскорее согреться.

Предвечернее солнце, всё багровея, нависало над горизонтом. И гребешки снежного наста были так ярко-розовы под его лучами, что от их ослепительной ряби начинала кружиться голова.

Наконец сани влетели в ворота мастерских, скользком ударились о балясину, так что их даже раскатило полукругом и поставило боком в аккурат к коновязи подле проходной. Жокейские замашки у деда...

Проходная мастерских, она же — сторожка, не страдает избытком мебели. Вся ее обстановка состоит из лавок вдоль стен да из тяжелого конторского стола с тумбами, темной столешницей в чернильных пятнах и контрастно белого на ней телефона. Треть комнаты занимает печь с продолговатой плитой. Сейчас, в крещенские морозы, она — первая забота сторожа. Несмотря на скудность мебелировки и неуютность, сторожка не бывает безлюдной. И притягивает она механизаторский народ именно печью, щедро источающей тепло.

Егор прежде брал с собой на службу Султана (того самого, который так грозно встретил меня в первый день), но теперь ему Липистина запретила делать это. Без Султана ей дома боязно по ночам. Зайди кто во двор — и голоса подать некому. Дед Егор согласился с ее доводами. Тем более что в мастерских и гараже воров все равно сроду не бывало.

Шесть часов вечера — время, когда в сторожке смена караула.

Вместо деда Прокопия на вахту заступает дед Егор. Церемония передачи поста довольно незатейлива.

— Кобылу напоил? — спросил дед Прокопий.

— Напоил и сена задал, — с достоинством ответил дед Егор и тут же поставил встречный вопрос:

— Объекты проверил?

— Так точно, все в порядке. Бачок водой заправил?

— Заправил. А кто сёдни дежурит в кочегарке?

— Иванашкин. Угля в запасник привезли?

— Привезли, да больно мелкого. Давай-ка, затопим печь, что-то холодать стало...

Дед Егор начал выгребать клюкой из печи золу и шлак, а дед Прокопий пошел за углем.

Вскоре весело загудела, затрещала печка. От плиты потянуло теплом. А в сторожке между тем все теснее становилось от народа. Трактористы, шоферы, электрики, слесари, кочегары, в задымлённых и замасленных фуфайках, прежде чем отправиться с работы домой, считают долгом заглянуть в сторожку. Посидеть, покурить на дорогу, отвести душу неторопливой беседой, узнать деревенские новости.

Новостей много. Но больше всего разговоров вокруг последнего события на грани чуда. Молодой тракторист Ваня Березин выехал ночью, чтоб к утру пораньше добраться, в дальнюю бригаду хозяйства — деревню Таяты — и заблудился. Думал, за тридевять земель умотал, блуждая, но оказалось, что колесил до рассвета рядом, за поскутиной. Надоело впотьмах кружить среди каких-то березняков, косогоров, решил заглушить трактор. Вздремнул чуток, а утром открыл

глаза — и похолодел от ужаса: трактор стоял в трех шагах от обрыва над речкой.

Все, кто побывал на том месте, говорили со страхом и восхищением одно и то же:

— Вот уж точно счастье! Будто сам Ангел-хранитель на ухо шепнул.

— Телепатия называется, — заключил известный книгочей Петька Шанин, худенький шофер с русыми колечками волос из-под ушанки.

Самого Вани Березина в сторожке не было. Боясь расспросов и насмешек, он миновал проходную, вышел через большие ворота.

В набитой людьми сторожке единственной «белой вороной» среди черных мазутных фуфаяк, закопченных лиц был мельник Андрей Мясников. Шапку, лицо, одежду, валенки — всё у него запорошило мучной пылью.

— Как мололось? — спросил его деловито дед Егор.

— Спасибо, с примолом, — ответил не особенно словоохотливый Андрей.

Домой я возвращался с дедом Прокопием. Пешком. Мороз к ночи стал еще круче. Иссиня-черное небо играло крупными яркими звездами, какие бывают только в студеные январские ночи. Месяц был так тонок, что света совсем не давал, и дорожку в снегу мы определяли ногами на ощупь.

«Больно рога круты у молодого месяца, это к морозу», — вспомнилось мне Липистинины слова...

ДВОР ТЕТКИ ЛИПИСТИНЫ

Сегодня на восходе того пожара уже не было. Солнце выплывает теперь много левее, восточнее школьной кочегарки, и его не обволакивает дымом, как прежде. День прибыл на целый час. И сколь бы с утра ни злился мороз, ни пускал по логам седые туманы, лучи солнца, сверкая все веселее, умиряют его, он сдает помаленьку.

Когда к обеду заметно пригрело, черно-белая корова Тучка вышла из пригона в ограду и встала у больших ворот. Стоит-постаивает, жвачку прожевывает, глаза чуть прикрыла от колко искрящегося снега. Темные тесины ворот быстро нагреваются на солнце, и от них веет теплом.

Тучка стельная. Через месяц у нее теленок будет и молоко. Молока все ждут, но особенно кошка Манька, тоскливо мяукающая по утрам у корытца. И еще — дед Егор, принципиально не признающий чая. Каждый раз за обедом он повторяет притчу:

— Раньше, бывало, сядешь, расправишь бороду: «Давай-ка молока, старуха!» А теперь: «Чайку бы пошвыркать, что ли?» — и бороду в горсть.

Тетка Липистина тоже ждет не дождется молока, потому что в феврале сын Петро придет из Норильска в гости. Внучку привезет. Три года всего внучке, и без молока нельзя.

У коровы есть дочь Томка. Полуторогодовалая. В мать пестрая. Живут они вместе. Из одного навильника сено едят, из одного корыта воду пьют. И ночуют в хлеве в одном стойле. Рядом в клетке два подсвинка.

— Тяжело уж мне с двумя управляться, но ведь без животины долго не протянешь на пенсиёшках нынешних, да и свиныхушкам, поди, вдвоем-то веселее, — вздыхает тетка Липистина.

Лохматый Султан до сих пор недолюбливает меня. За что — ума не придам. Я уж, было, в отместку окрестил его пустолаем, но сегодня услышал одну историю и сразу проникся уважением к нему. Выходит, впрямь не надо судить по первым впечатлениям.

Дед Егор рассказывал:

— Заходит недавно ко мне пастух из Кочергина. Нарочи к нам в Таскино приехал. Продай, говорит, Егор, мне собаку. Все равно, говорит, ты теперь не пасешь, зачем она тебе? А если уж надо для забавы, найду взамен не дворнягу какую-нибудь, а настоящую, породистую.

— Поди, правда отдать? — спрашиваю я Липистину, чтоб, значит, торг потянуть да обмозговать дело хорошенько.

— Ты бы все отдал! — накинулась она. — А не думаешь того, что такая собака самим нужна? Она, смотри, ни цыпущки, ни курицы не тронет, на крылечко зря не зайдет, не загавкает попусту и во двор никого лишнего не пустит. Таковую собаку держи — и запоров не надо.

И это истинная правда. Вот лежит Султан другой раз посередь двора, а по нему цыпущки бегают — и хоть бы хны. Не позарится. Дремлет себе, даже глазу не откроет. Как-то внучки, старшего Ивана девчонки, у нас летом гостили. Во дворе играли. Потом гляжу — бегут, кричат Липистине:

— Бабка, бабка, в Султановом домике яйца спрятаны!

А Султан летом не жил в конуре, у амбара под навесом спал. Жарко, значит, ему в закутке-то было.

Пошли мы смотреть — и верно! В конуре, в соломе, курицы гнездо себе устроили и полное с краями яиц нанесли. Старуха мало не полведра набрала. И все свеженькие. И хоть бы одно тронутое. Вот ведь какой деликатный пес — уступил курам жилью и на плату не претендует.

А этот мужик, откуда про Султана узнал? Пас я когда-то овец артельных на кочергинской грани. И он рядом пас по ту сторону границы, значит. Ну, сперва мы издали перекликались. А потом он в гости пришел. Познакомились. Лежим на траве, курим, беседуем о том о сем. И вот говорит он мне:

— Лянь, овцы-то твои скрылись уж, иди заворачивай.

— Ничего, помощник заворотит. Смотри, сейчас из этого ложка выйдут, — отвечаю. — А сам беру кусок земли да швырю в сторону ложка. И даже головы не поднял.

— Султан, заверни-ка окаянных, — говорю.

Султан сделал стойку, взвизгнул и метнулся в указанном направлении. А через минуту, видим, стадо и вправду из ложка выкатывает. Кучно идет, прямиком на нас курс держит. Султан их мигом организовал, овец-то. Удивился кочергинский пастух: «Мне бы такую собаку..» — и аж глаза у него загорелись.

А теперь, вишь, прослышал, что я по старости лет пасти бросил, и тут как тут, прикатил, чтоб Султана выпросить. Но не отдали мы. Правда, мне жаль мужика стало, пообещал ему, мол, приезжай, когда Пика вырастет на смену, может, и договоримся...

Пика — та самая собачонка, которая в первый день выдала меня Султану столь звонким лаем. С Пикой мы теперь друзья. Она проходу мне не дает — все норовит смести услужливо снег с валенок своими лапами. Впрочем, и без меня не скучает: то костью во дворе играет, катая ее и подбрасывая, то за тенью собственного хвоста гоняется, пока не закружится и не упадет.

У Пики такая история.

Младший Егоров сын Колька работает в Абакане на стройке, на окраине города. Однажды шел он вечером с работы и на свалке, среди битого кирпича, извести, бумаг, увидел барахтающегося щенка. Щенок тоненько скулил, и все тыкался головой в какую-то ветошь, стараясь согреться от лютого холода. Кольке жалко стало беспризорного щенка. Поднял он его и спрятал под шубу, за пазуху. Пока шел до общежития, щенок обогрелся, перестал дрожать, замолчал и уснул.

Утром Колька его на стройку принес. Холостяцкое общежитие днем пустеет, и за щенком там некому досмотреть. А здесь гнездо ему устроили в теплушке. Бутылку молока купили. Скоро все рабочие со щенком познакомились и, поскольку он «викал», когда его на руки брали, то дали ему имя Вика.

Неделю прожила песочно-рыжая Вика в теплушке на абаканской стройке, а в субботу Колька, как обычно, поехал на

выходные дни к отцу, к матери в деревню и Вику с собой взял. Так она оказалась за сто верст в Таскине.

— Как назвал-то? — спросил Егор у Кольки, когда тот вынул из-за пазухи незваную гостью.

— Вика, — сказал Колька.

А Егор толком не расслышал — у него последнее время какой-то шум в голове стоит — да окрестил собачонку Пикой. Теперь под этим странноватым именем и числится она среди прочей живности в Липистинином дворе.

Недавно Пика вдруг исчезла. Дед за водой пошел к водопроводной колонке, она увязалась за ним да где-то дорогой отстала и запропастилась. Два дня не ночевала дома. Решили уж, машиной задавило или ребятишки какие к себе заманили. А сегодня утром глядим — Пика снова играет костью во дворе, как ни чем не бывало. Подошел я, поздоровался с ней за лапу, она невинно посмотрела мне в глаза своими темно-бурыми сияющими смородинками и бросилась сметать с валенок снег.

ШЕЛЕХОВА КАТУШКА

Как красива деревня в морозный солнечный день!

На чистейшем белом снегу под чистейшим голубым небом все краски расцветают, будто их только что покрыли лаком. Прежде сельские хозяйки белили ставни и наличники на окнах. И это тоже выглядело неплохо. Нынче другая мода пришла — красить. Идешь вдоль деревни — в глазах рябит: играют цвета голубые, синие, зеленые, бордовые. Но больше всего сочетаний из белого, красного и голубого.

Мало что окна, так некоторые еще и ворота красят.

Тетка Липистина расцветила наличники белым и бирюзовым, и старый дом веселее стал. Теперь она к лету думает и ворота покрасить. Сын Петро, живущий в Норильске, обещал красок прикупить. Но только цвет они с дедом Егором еще не выбрали, тут у них пока нет окончательного решения.

В будни улицы почти безлюдны. Идешь — редкий человек навстречу попадется. Но если уж попадется, обязательно поздоровается, даже если и незнакомый. В деревне все здороваются — знакомые и незнакомые. Исстари обычай такой.

Чаще всего, конечно, ребятишки встречаются. Этот на лыжах в лес направился, не иначе — петли ставить на зайцев. Тот с книжками вышагивает важно — небось, читатель сельской библиотеки. Там вывалила ватага из ворот, у всех санки-самоделки на поводках. Здесь уж и гадать не надо — на катушку двинула ребятня.

А вот пострел в коротенькой шубейке, в ушанке набок пролетел на лошади в саях. В головках саней сестренка сидит, как кукла, закутана шалью. Сзади под самыми пялами розвальней собака бежит, лает звонко и хвост у нее крючком. Куда поехал парень? Наверное, отец доверил отвезти младшую сестренку на другой конец деревни к бабушке в гости.

У крайнего дома пустынной улицы встретились мне две лошади. Обе вороные, молодые, с ровно подстриженными челками. Встретились и остановились, смотрят на меня, взмахивая головами, чтобы «модные» челки набок отбросить. А может, и здороваются со мной.

Вышел я к Шелеховой горе, думал полюбоваться, как ребятишки катаются. Ан нет, пуста гора — шаром покати. Странно мне это стало. Раньше здесь народу бывало, как на ярмарке. В чем дело? Может, мороз виноват? Да разве мальчишек удержишь морозом? Нет, размышляю, здесь причина иная...

Выхожу на другую улицу, спрашиваю девочку лет шести-семи, семенящую навстречу:

— Где ребятишки? Почему гора пуста?

— Да на этой горе никто и не катается сроду-роду. Здесь машины ходят одна за другой. Разве правилос уличного движения не знаете?

Вот те раз! Я к ней с вопросом, а она мне нотацию читает.

— Ну а где ж все-таки катаются?

Девчонка опустила воротник шубки, шаль поправила округлым женственным движением и вдруг фыркнула:

— Где ж им быть, как не на льду? В хоккей играют край на край.

— Как край на край?

— Два края деревни — две команды.

Поблагодарил я юную землячку, пошел дальше. Вон что оказывается!

А на чем только не катались вечерами на Шелеховой горе! И на санках, и на коньках, и на самокатах, и на ледянках, и даже на огромных розвальнях с отводами. А чтобы кататься на конных саях, нужен был умелый ведущий. Иначе как неуклюжими розвальнями править? Ведущим становился далеко не каждый. Тут надо было сноровку иметь, силенку и, если угодно, храбрость. Я до сих пор горжусь, что частенько бывал ведущим. И вроде даже неплохим.

Зачем же храбрость ведущему? А затем, что стоит он на коньках впереди саней, держа их за головки, и тяжелые сани, полные ребятишек, как горшков вповалку, напирают на ведущего с неодолимой силой. Представьте на секунду, что бу-

дет с ним, если он на горке споткнется. Конечно, не минуя, угодит под сани, летящие за ним со свистом и скрипом. Шуточное ли дело?

Меня выручали руки. Я почти висел на них, словно на пружинах. Спускаюсь всей тяжестью тела на коньки, проеду несколько метров, чтобы только дать верное направление саням, и опять подтянусь на руках, чуть скользя снегурками по дороге.

Зато какое уважение ведущему! Все зовут тебя не по фамилии, как в саду или в школе, а по имени да еще в ласкательной форме (особенно, конечно, девчонки).

У подножия горки костры жгли. Не только, когда масленицу «сжигали», но и задолго до нее, в крещенские и сретенские морозные вечера. Как съедут на санях — сейчас все бегут к костру греться. Ты подойдешь — тебе почтительно место уступают. Одно слово — ведущий...

Шел я по улице и вспоминал старую Шелехову катушку, пока не поравнялся с чайной. Возле нее всегда народ, потому что здесь остановка автобуса. Одни едут в Минусинск и Абакан, другие в райцентр Каратуз, третьи — на станцию Туба, чтобы сесть на поезд, и там уж тайшетская железная дорога уведет в любой конец света. А четвертые (их большинство) никуда не едут. Просто шли по деревне да задержались: поговорить, новости узнать на бойком месте, полюбопытствовать, кто куда собрался ехать и по какой надобности. Нет на свете народа любопытнее деревенского.

Здесь, возле чайной, пришлось мне долго здороваться с земляками. Многие в гости приглашали. И я обещал всем, что непременно загляну, потому как в селе нельзя от приглашения отказываться, обычай такой.

ФЕДЬКИНЫ ЗАЙЦЫ

В солнечный день с бодрящим морозцем не удержался, чтобы не пройтись на лыжах по окрестностям. Вышел огородами на Малахову гору и направился к поскотине. Гляжу — со стороны улицы поднимается по склону мальчишка, тоже на лыжах, но без палок. А это уж точный признак, что охотник. Где там следопыту с палками возиться! Правда, у настоящих охотников лыжи при этом подшиты камусом, то есть шкурой с оленьих или лошадиных ног. Такие лыжи катятся только вперед, «по шерсти», а назад, «против шерсти», ни с места. Любой подъем на них одолеешь — и не заметишь. У мальчишки же лыжи были обыкновенные, но он тоже шел довольно легко, прибегая то к «елочке», то к «лесенке». Я решил

подождать его. Охотники не любят встреч в пути. Исстари считается, что это — к неудаче. И потому, наверное, почти поравнявшись со мной, мальчишка вдруг взял резкий крен на ворота поскотины и прибавил шагу.

— Привет зайчатникам! Петли проверять идем? — крикнул я ему не без ехидства.

— Да какие петли? Так... покататься, — неохотно ответил он.

— Чей будешь?

— Седова Ивана, вашего бывшего соседа. А что?

— Ничего. Просто хочу познакомиться. Как зовут-то?

— Федькой.

— Федор Иванович, значит. Так пойдем петли проверять?

— А у вас тоже расставлены?

— Вот и попался сам в петлю, — рассмеялся я. — Где ставишь-то, в Гурином логу, что ли?

Поняв свою оплошность, Федька смутился, неопределенно повел плечами, но ничего не ответил — только облизнул губы.

— Да ты не бойся, не выдам, — успокоил я его. — Просто хочется посмотреть, как настраиваешь. Может, и подскажу что. Я тоже когда-то лавливал зайцев. Двигай вперед, а я за тобой, чтобы след в след было, для маскировки...

Федька еще помедлил с минуту, потом, видимо, рассудив, что теперь от меня трудно отделаться, решительно зашагал к воротам поскотины.

Петлями у нас называют силки. Делают их обычно из тонкой медной проволоки. Она неломкая, «гнуемая», такую трудно перекрутить попавшему зайцу или даже лисице. Круги величиною с вышивальные пальцы расставляют вдоль набитых зверями троп в лесах и перелесках, привязывая к деревьям, валежинам.

Федькины петли оказались не в Гурином, а в ближнем Арсином логу. Расчет верный. В долгие морозы зайцы держатся поближе к человеческому жилью, к садам и огородам. Однако на сей раз петли были пусты. И, похоже, не тронуты. Лишь один круг из десятка мы нашли сбитым, сузившимся. Я высказал соображение, что он привязан к осинке, пожалуй, высоковато. Пробегавший заяц мог просто нырнуть под него. Сбить сбил, однако не попался. Федька выслушал мое замечание молча, но, похоже, остался доволен им, признав во мне заправского зайцелова.

— Сходим-ка в Саратовский, там я два дня не проверял, — сказал он.

Это был знак уже полного доверия ко мне. Теперь мы шли, оживленно разговаривая. Я узнал, что Федька учится в седь-

мом классе, что полугодие закончил без троек, что любит читать книжки Пришвина, Бианки, Федосеева и «про Дерсу» — одним словом, про природу, охоту и путешествия. Летом Федька ловит сусликов капканами (даже премию получал от местного сельхозкооператива), а зимой зайцев — силками. Нынче поймал уже двух. Шкурки никуда не сдавал, мать-портниха обещает сшить добрую заячью шапку к крещенским морозам.

Юный охотник оказался столь ловким лыжником, что я и с палками едва поспевал за ним. Пришли в Саратовский лог. Это совсем рядом с деревней. Отсюда даже слышно, как лают собаки и мычат коровы, хотя дворов не видно за лесистым косогором.

— Где же петля-то? — озадаченно сказал Федька, подойдя к березе, стоявшей на гребне поскотинного вала. — Здесь привязывал, точно помню.

— Да ведь заяц попался! — воскликнул я, заметив вдруг белесую тушку, которая висела, покачиваясь, над глубокой канавой.

Увидел и Федька свой охотничий трофей. Мигом ступил на край вала и потянул зайца за проволоку. Петля пришлась ему на шею и между передними лапами, как бы наискось через плечо. Случись это в другом месте, зайчишка б наверняка остался жив и, может, даже удрал бы, открутив проволоку. Но, попав в петлю на крутом валу, он рванулся вперед — и завис, бедняга, над заснеженным рвом. Бился, должно быть, недолго, трескучий мороз сократил его муки.

Федька с волнением, свойственным каждому охотнику, распутал скрученную проволоку и вынул зайца из петли. Это был довольно крупный русак с сероватой шерстью по спине и загривку.

— Вот тебе и третий, — сказал я, разглядывая зайца, бережно опущенного Федькой на ломкий наст.

— Еще одного и хватит... Мне на шапку да сестренке на опушку для шубейки, — рассудил деловито юный охотник. И добавил со вздохом сочувствия: — Можно бы и больше, теперь вон снова заработал райповский пункт приема пушнины, да ведь жалко их, косых.

Затем он достал из кармана овчинного полушубка веревочку, привязал ее одним концом за передние, другим за задние лапы зайца и бросил поклажу на плечо.

Остальные петли в Саратовском логу оказались пустыми. Мы прежним путем, через ворота поскотины, направились на Малахову гору. Федька снова шел молча, точно его не радовала охотничья добыча. Он то и дело поправлял зайца, съезжавшего с плеча. Расстались мы, где и встретились: на Малаховой горе.

— Хотите, петель дам? — спросил Федька на прощание. Мне осталось поблагодарить его за добрый жест и пожелать охотничьей удачи.

ПОЮТ ПОЛОЗЬЯ

Теперь редко кто в деревне за дровами на лошади ездит, тем более — зимой. Дрова теперь возят на тракторах, в летнюю пору. Даже новое слово появилось — волок. Что за волок? А просто несколько лесин, очищенных от сучьев и связанных по вершинам в огромный пучок, или вязанку. Зацепляет трактор тросом такую вязанку и волочет по земле. Отсюда и волок.

Но мы с дедом вынуждены ехать на лошади. У нас особое задание. Мы должны привезти дров именно сейчас, в январе, причем привезти их так немного, что о тракторе и заикаться стыдно. Тем более что у Егора лошадка на руках, «положенная» ему, сторожу общественного машинного двора, так сказать, по штату. А почему вдруг приспичило в лес за дровами среди зимы? Может, старикам топиться нечем? Нет, совсем не потому: три поленницы стоят вдоль забора — одна за другую заходит. И сухих, и сырых дровишек, слава Богу, вдосталь — березовые, гладкие, самые что ни на есть отличные...

Но все дело в том, что тетка Липистина задумала на праздничек сделать домашнюю колбасу и подкоптить ее.

— Люблю, чтоб с дымком колбаса была, — говорит она.

А для копчения, известно, березовые дрова не идут. Здесь обязательно нужны таловые. И желательнее, чтобы талина та была сухой, валежной, тогда она больше дыму дает, своего наилучшего запаха для копчения колбасы.

Наспех завтракаем, надеваем шапки, фуфайки, поверх фуфаек длинные собачьи дохи, пестрые и такие лохматые, что от одного их вида становится жарко. Тонкие вязаные варежки для работы в лесу кладем в карманы, а на руки в дорогу надеваем шубенки — рукавицы из овчины ворсом внутрь. Шубенки теплы, как печки, но работать в них нельзя. От снега они размокнут, а когда высушишь, затвердеют и станут ломаться.

Вот теперь у нас «упаковка» надежная. И сорокаградусный мороз нипочем.

Выходим во двор. Султан мечется на цепи, как угорелый. Увидел, что лошадь стоит за воротами, и забеспокоился: как бы дед без него не уехал. Надоело Султану на привязи. Дед спустил его с цепи. Султан, благодарно повизгивая, стал прыгать вокруг него и даже изловчился лизнуть в бороду.

И вот мы едем на стареньких розвальнях. Дед Егор у козырька сидит, правит, а я сзади на охапку сена прилег, под-

нял высокий воротник дохи — и сам черт мне не брат. Поют полозья по мерзлomu снегу. Напористой рысью идет кобылица Гагара, заиндевила, черно-белая. Султан вприпрыжку бежит сбоку саней.

Дед Егор уже решил, куда ехать, — в Феофанов лог. Таловые дрова можно бы найти и в других местах, поближе — вниз по речке, в Гурином, Пашином или Поляковском логах. Но дед путь держит в Феофанов, потому что там у него копейка сена осталась, и он хочет ее прихватить попутно.

Промелькнули переулочек, крайняя Зеленая улица, вальцовая мельница, машинный двор. Мы выехали за поскотину. Место тут ровное, безлесное. Белый снег кругом да ометы соломы по пашне — огромные песцовые шапки. Серебряной пылью сыплется изморозь.

Вот уже и черемуховый колок проплыл с дощатым вагончиком. Весной и осенью здесь бывает полевой стан. Сейчас же — тишина, безлюдье.

— А где Кудрявая береза? — спрашиваю деда Егора.

— Выкорчевали. Кому-то помешала пахать, — кричит он в ответ. — Видишь, корень на обочине остался?

Я поворачиваю голову и в самом деле вижу узловатые корнища, торчащие из снега. Вскинутые кверху, они похожи на вздетые к небу руки. Мне жаль Кудрявую березу. У нее летом была красивая, необыкновенно густая, почти непроницаемая крона, в теньке под которой любили отдыхать путники. Сиживал и я, возвращаясь то с клубничных ягодников, то с озерной рыбалки. Дерево служило и как бы маяком для таскинцев. Здешнее урочище называлось «У Кудрявой». «Где пахал?» — «У Кудрявой». — «Где ягоды брал?» — «У Кудрявой». А теперь как назвать эту местность? «У Обрубленных Корней»? Не думаю, что береза шибко мешала плугу. Она стояла почти на меже.

В Феофанов лог мы заезжаем напрямки, по снежной целине. Долго кружим среди березин и осин по заветерью, пока дед не останавливает Гагару около кустов тальника.

— Рубить будем? — спрашиваю я.

— Зачем рубить? Ветер уж нарубил за нас. Давай валежины искать, — говорит дед, сбрасывая доху и вынимая из карманов вязаные варежки.

Я тоже освобождаюсь от тяжелой дохи, беру топор — он был воткнут в головки саней — и направляюсь к валежнику, рогом выступающему из сугроба за кустами. Ударом обуха сбиваю с сучьев белую оторочку...

— Что там? — кричит дед.

— Не пойму пока.

— Срез красный?

Я всаживаю топор в потемневшую стволину — отстает щепа с изнанкой цвета охры.

— Красный! — радостно кричу деду.

— Значит, талина. Кряжуй ее — и сюда, — командует он.

Когда на сани ложится десяток коряжистых валежин с оранжевыми пятнами на свежих срубках, дед Егор резко опускает руку: «Шабаш!»

Он увязывает воз, втыкает топор в головки саней, кладет поверх кряжей дохи, лежавшие на снегу, и берет в руки вожжи. Я отказываюсь сесть на дрова. Мне хочется пройти по лесу пешком.

Между деревьями — частые прошвы следов. Тут прошла стайка тонконогих косуль, там пугливые зайцы набили тропу, а вот просеменила чуткая лиса сбоку мышшиной строчки. Наверное, той мышши уже нет на свете, одни следки остались на сугробе, да и те скоро засыплет снегом.

Гагара шумно дышит у меня за спиной. Я уступаю ей дорогу и на ходу присаживаюсь на отводину саней. Султан бежит позади с заснеженной мордой, точно муки наелся. Это оттого, что он тычется носом в каждый след, гадая, какой зверь и когда проходил Феофановым логом.

Вот и дедова копёшка в ложине. Сена совсем не видно, только небольшой холмик в сугробе. Снова дед сбрасывает дохи, берет вилы...

Излога дорога в гору. Лошадь с трудом тянет сани по топкому снегу, поэтому я опять иду пешком. У Гагары такой характер: чем тяжелее поклажа, тем быстрее она переставляет ноги. Я едва успеваю за возом. Излога поднимаюсь взмокшим больше, чем Гагара. Наверху сечет резкий хиус, и не миновать бы мне простуды, потному на ветру, если бы не матушка-доха. Я снова надеваю ее, взбираюсь на сенной воз. От него волнующе пахнет летом, лугом. Посаживаю себе, как у Христа за пазухой.

Султан забегает то с правой, то с левой стороны саней, обнюхивая на снегу каждый след, потом возвращается на дорогу, торопливо обкусывает зубами ледульки, настывшие между «пальцами» лап, и снова продолжает охоту за запахами.

Дед закуривает, обдавая меня дымком забористого табака, и говорит наставительно:

— Чуешь, полозья поют? Это к морозу.

Как еще чую. Кажется, не только в примолкшем зимнем лесу слышится этот чистый, певучий скрип саней, но и по всей заснеженной Руси-матушке...

Эльдар АХАДОВ,
г. Красноярск

СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ СВЕТ

* * *

Сложная, разная, грешная,
Жизнь моя, гасни и стынь:
Плачет жена безутешная,
Болен мой сын.
Ужас по клетке по лестничной
Шествует, хрипло дыша,
Плачет мой сын пятимесячный,
Криком исходит душа.
Кашляет долго, кровиночка.
Стонет, родимый, во сне.
Сын мой, сыночек, сыночка!..
Рученьки тянет ко мне.
Мой дорогой, мой единственный,
Как тебе, милый, помочь?
Выстрадай хворушку, выстонай
Эту проклятую ночь!
Завтра сквозь окна больничные
Солнышко бросит лучи.
Здесь, мой хороший, отличные,
Здесь золотые врачи.
Ты же бесенок отъявленный!
Ты же, мой мальчик, силач!..
С мамой в больницу отправленный, —
Спи, успокойся, не плачь...
В дом возвращаюсь покинутый
И — опалило всего:
Там, на полу, опрокинутый,
Плачет тигренок его.

СНЕГ ИДЕТ

Не помню в день какой и год
Из детства раннего, в котором
«А снег идет! А снег идет!» —
Мы у окна кричали хором:
Шел снег, стояли холода,

От ветра что-то дребезжало.
Ты на руках меня тогда
С улыбкой бережно держала.
И мы кричали: «Снег идет!»
Так радостно и простодушно,
Что он с тех пор который год
Все так же падает послушно.
И всякий раз в канун зимы
Едва ветра затянут вьюгу,
Мне снова чудится, что мы
Кричим с тобой на всю округу..
Был тихим нынешний рассвет,
Лишь сердце с полночи щемило...
«Ее на свете больше нет», —
Сестра мне утром сообщила.
Но только телефон умолк,
Как снег пошел повсюду снова.
...Хотел я крикнуть... и не смог.
И выдохнуть не смог ни слова!
Летит, летит веселый снег,
Кружит и падает, как эхо...
Неправда, что тебя здесь нет.
Смотри, родная: сколько снега!

* * *

Этой ночью, как и предыдущей,
Снился мне все тот же дивный сон:
Будто Бог Единый Присносущий
Устилает блеском небосклон.
Льется свет стремительный, отвесный,
И в дрожащем воздухе на миг
Возникает близкий и небесный
Самый чистый материнский лик!
И душа моя к нему стремится,
И повсюду он неуловим,
А вокруг уже чужие лица, —
Сердце бьется, мучается, злится...
Как мне быть? И что мне делать с ним?!
И, проснувшись с ощущеньем чуда,
Я, привыкший в жизни ко всему,
Светлый лик ищу теперь повсюду
И молюсь, и кланяюсь ему.

* * *

Всю жизнь искал я место рая,
Страну меняя за страной,
Но рая не было без края,
Вдали оставленного мной.

Вернешься — там уже иное:
Не то, не те, не как тогда...
И лишь сиянье неземное
Дрожит в ресницах иногда.

Александр АСТРАХАНЦЕВ,
г. Красноярск

СОН О ЖИЗНИ

Однажды Чжуан Чжоу приснилось, что он бабочка, счастливая бабочка, которая радуется, что достигла исполнения желаний, и которая знает, что она Чжуан Чжоу. Вскоре он проснулся и с испугом увидел, что он Чжуан Чжоу. Неизвестно, Чжуан Чжоу снилось, что он бабочка, или же бабочке снилось, что она Чжуан Чжоу?

Из трактата «Чужан-цзы» (IV в. до н.э.)

У Артема Панюшина полетел домашний компьютер. Как говорится, накрылся медным тазом. И, главное, в пятницу.

Он, еще ничего не подозревая, приехал с работы, переоделся, умылся, тихо-мирно поужинал в кругу семьи: с женой и сыном-подростком, — и встал, чтобы, как всегда, пойти в свой тесный кабинетик, поработать вечером. Жена принялась было ворчать, но — несильно:

— Ты бы хоть посидел немного, пообщался с нами. Тебе совсем неинтересно: как у меня дела, чем сын занимается?

Он подошел к ней, наклонился, чмокнул в открытую шею и сказал:

— Понимаешь, Лен... Хочешь, чтоб я принес лишнюю тыс-чонку?

— Н-ну-у да-а, — неуверенно протянула она.

— Вот видишь! — подхватил он, не дав ей сообразить, к чему клонит. — И машину надо чинить, надоело на переклад-

ных мотаться. Лето, а опять никуда не съездим. Так что, милая, извини, потом все расскажешь, — он чмокнул ее еще раз, теперь в щеку, и пошел в кабинет.

Усевшись там в жесткое удобное креслице перед компьютером, он, еще полный спокойного удовлетворения от ужина, пососал губы, погладил начинающий расти живот, спохватившись вдруг: «Ч-черт, надо бы начать зарядку делать, да бегать как-то начать...» — но тут же забыл об этом, вперив взгляд в черную пустоту экрана, настраиваясь на работу.

Со все нарастающим беспокойством он раз пять подряд включил и выключил кнопку, ласково постукивая по белому ящику процессора, призывая его откликнуться, включиться — нет, экран был безнадежно мертв. Проверил, потрогав руками, все контакты, все входы и выходы; все на месте. Трахнул кулаком по металлической коробке, пригрозив расправой. Компьютер не откликался. Что делать? Снимать коробку, лезть внутрь с отверткой? Но он программист, в «железе» разбирается плохо; он всегда презирал косное «железо», чтя в компьютере, как и в самом себе, только носителя творческой силы разума... Но сейчас-то что ему делать? И что, в конце концов, произошло?

Он вскочил, распахнул дверь и рывкнул на всю квартиру:
— Паша, ну-ка иди сюда!

Сын, ростом уже почти с отца, только пока еще тонкий и хрупкий, нехотя, будто уже чувствуя за собой вину, появился в двери. За его спиной мелькнуло озабоченное Еленино лицо.

— Чего? — недовольно спросил он.

— Это ты его сбил? — сурово спросил отец, кивнув на компьютер.

— Не сбивал я ничего! — возмутился тот ломающимся фальцетом.

— Что ты делал с ним? Включал?

— Включал.

— Какую-нибудь дискету ставил?

— Нет.

— В интернет лазил?

— Ну, залез, а он не фурьчит. Ей-богу! У Ромки спроси — вместе сидели!

— А Ромка-то тут зачем?

— Хотели поиграть, а сначала в интернет заглянуть.

— А дальше?

— И все: я сразу выключил, и мы пошли к нему поиграть.

— Сколько раз тебе говорил: чего целый день на компьютере играть, да еще летом? — разворчался раздосадованный Панюшин-старший. — И в интернете незачем без конца торчать — где я столько денег наберу?

— А сам? — осторожно укорил его Павел.

— Что ты со мной равняешься? Это моя работа, понятно?

— Поня-атно, — тихо, но как-то слишком иронично хмыкнул тот.

— Что тебе понятно? Это тебе не на пустышки пялиться, на всякие там «хэви»! — в ответ на ироническую интонацию накинулся на него Артем. — Подумаешь, изыски интеллекта!

— Папа, «хэви» — это позавчера, — тихо сказал сын.

— Да? — с недоверием взглянул на него Артем. — А как насчет Баха, к примеру? Это — когда?

— Ты про которого Баха? — спросил Паша, опять тихо.

— Про самого главного! — раздраженно ответил отец.

Сын, пожав плечами, перевел разговор, выводя его из тупика:

— При чем тут Бах? Всегда чуть что, сразу я виноват!

Диалога не получалось.

— Что случилось, Артем? — отодвигая сына в сторону, влезла в назревавшую ссору Елена.

— Что-что! Отыгрались! — свирепо рявкнул Панюшин. — Черт его знает, что случилось: или *железо* полетело — или вирус прихватили, одно из двух. Ведь как часы работал!.. О господи, что же делать-то теперь два дня буду? Мне работать надо!

— Ну, успокойся! Полежи, отдохни. Почитай — я свежие журналы принесла. Или пойдем, телевизор посмотрим.

— К черту ваш телевизор! Чего я там не видел? Два дня! Два-а дня-а! — взвыл он.

— Ну, успокойся. Пригласишь завтра специалиста...

— Да кого летом в выходные найдешь? Расползутся, как тараканы, по дачам, по пляжам — свои телеса лелеять, и плевать им на все!

— Да, в конце концов, обойдемся без этих тысяч — побудь два дня с нами, — она подошла к нему, обняла его, погладила по волосам, затем ушла и, вернувшись, вложила ему в руки два толстых журнала.

* * *

Первым в журнале стоял роман старого маститого автора. Жив, курилка? Ну-ка, ну-ка! Помнится, еще лет двадцать назад читывали такого, спорили захлеб...

Поднапрягшись для начала и извлеки из глубины памяти остатки чего-то давно читанного у этого автора — а остатки были, добрый знак! — Панюшин принялся за роман и три страницы одолел с удовольствием: фактура текста увлекала гибкостью и легкой податливостью, и приятной для внут-

ренного слуха ритмикой; поток мысли автора, несмотря на некоторое многословие, безостановочно нес его, ни на шаг, не отвлекая в сторону. Панюшин раньше любил такую — плавную, классически добротную, без формальных выкрутас прозу.

А потом некоторая замедленность повествования стала утомлять. Надоело дочитывать фразы — хотелось нетерпеливо перепрыгивать через них и заглядывать, как в детстве, вперед: что там, дальше? Действие разворачивалось основательно, по всем законам романной стратегии, но слишком уж неторопливо — подтолкнуть бы... Скучно. Или уж он, с этой своей дурацкой компьютерной работой, читать разучился? Или просто автор, с его тяжеловесным линейным мышлением, не насыщает — элементарно не хватает бит информации на погонный метр строки?.. А роман длинный-предлинный... Когда ж такой дочитывать?

Он, наконец, бросил его мучить и стал листать журнал дальше. Дальше шла небольшая повесть. Сноска внизу с короткой биографией автора. Совсем молод, тридцати нету. Ну, ка, попробуем это — может, легче пойдет?

Ага, тут все по-другому: брожение молодого эроса в крови, бойкое кувырkanie, игра в слова: то чистейшим академическим стилем пройдет, то таким роскошнейшим сумароковским глаголом выдаст: «теперь отмщу тебе, злохитростная, коль скоро я твои неверности постиг!...», то блатной феней сыпанет, да вдруг матерным словом покроет, то самый новомоднейший термин, словно шуруп, ввинтит, да все подмигивает: вот тебе, дескать, читатель, сюжет, но сюжет-то — для дураков, а мы-то с тобой понимаем, что не в сюжете дело, и тихо между строк над дураками посмеемся... Забавно!

И снова — три страницы текста, а потом — опять скучно, и мысли снова побежали, побежали в сторону.

Что же это такое, в конце концов? Вот будто ешь обед, роскошный, вкусный, а несолон. Или будто после гулкого, людного скоростного метро трясешься проселком в тихомодном автобусе: скучно, сонно. Не потому что пейзаж скучен — наоборот! — а всего лишь потому, что сам медленный процесс езды скучен, снова тянет в грохот, толкучку и мелькание. Мелькание чего? Да неважно!

Он отложил журнал, снова закинул руки за голову, потянулся, расслабился и стал думать.

Зачем, ради чего люди пишут все это? Н-ну, чтобы их читали, разумеется. А зачем читать?.. Не будем наводить тень на плетень, скажем прямо: человек таким образом получает удовольствие, отдыхает и развлекается.

Но кто всерьез соприкоснулся с компьютером, кто втянулся — даже не в работу, нет — а в тесное общение с ним, тот получает удовольствие более сильное. Он испытал это на себе: прочитав в детстве и юности гору книг и соприкоснувшись затем с компьютером, он знает удовольствие от того и другого и отдает предпочтение другому: компьютер саму работу делает развлечением, облегчая ее тысячекратно, превращает человека из подневольника работы в ее властелина, труд — в захватывающий поединок, в праздничный турнир человека и машины, в полет мысли и вдохновения, сродни поэтическому. Ах, да что там!.. И если еще он сам знал когда-то сладкий плен книги — то ведь Павлик, его кровное детище, этого плена уже не знает, и бесполезны здесь Еленины усилия, с ее предубеждениями, будто образованный человек должен, ну вот просто обязан читать, иначе одичает. Может, это не мы дичаем, а сама книга, а с ней и вся старая культура тихо умирает у нас на глазах? Барахтается, сопротивляется, и, сопротивляясь, пользуется запрещенными приемами: увлекает и соблазняет грубо и примитивно, как старая шлюха — и все же обречена, как обречено все старое в борьбе с молодым? Может, оно, это молодое, уже наступило, а мы не видим, не хотим видеть?

И он втайне позавидовал сыну, который без всяких теорий и подсказок, сам изучил компьютер лучше него, тертого профессионала: там, где он постигал учебой и терпением, сын хватается на лету, даже не осознавая своего знания, не умея о нем рассказать. Что же, интересно, за жизнь ждет их впереди, лет через полсотни? Будет, наверное, не просто другое время, а новая эра наступит, совершенно новая, невиданная, и все это добро: книги, журналы и это чудо техники — сегодняшние компьютеры, — скорей всего, выбросят на свалку.. Сам-то он до этого не доживет. А, не дай Бог, доживет — и будет пялиться на ту жизнь полуграмотным тупеньким дедушкой...

Эк куда занесли его размышления над читанным... Ну, хорошо, тому пыльному маститому классику, автору романа, этого уже не понять, его только пожалеть можно, но молодой-то, молодой автор сам, наверное, свои опусы на компьютере отстукивает? Уже, конечно, и свой сайт имеет... Токует себе, как древний тетерев. Неужели не понимает, что его писания уже при его жизни будут воспринимать только этнографически как музейный курьез: вот-де и с такой профессией люди были, нечто вроде шамана с бубном и пастуха с дудочкой.

На этом Панюшин и уснул, совершенно выбившись из сил от вынужденного безделья и обилия посторонних мыслей, одолевших его пустую, праздную голову.

В субботу он делал кое-что по дому: помогал жене стирать и убирать квартиру, причем даже с охотой. Но к вечеру стал раздражаться: день вышел неимоверно длинным, а за ним маячил еще один.

— Давайте завтра съездим за грибами! — предложила за ужином Елена «своим мужчинам». — Говорят, белые в лесу появились, видимо-невидимо! — Ей очень хотелось, воспользовавшись случаем, предпринять что-то такое, чтобы снова сплотить всех вместе, как бывало, пока не появился этот чертов компьютер; она вопрошающе смотрела на мужа.

Но первым откликнулся сын, причем иронически-задиристо, как всегда в последнее время:

— На чем поедет-то? На своих двоих?

— Да почему — сядем на автобус и поедет, как все ездят, — ответила она спокойно.

— А мне завтра к Ромке надо.

— Что, не можешь день без компьютера побыть? — сказала она решительно. — Обойдешься без Ромки. Хоть свежим воздухом подышишь.

— Не хочу я дышать! — заныл Павел, он всегда так противно ныл, когда его заставляли что-то делать, а он не хотел; и теперь он пытался увильнуть, пользуясь тем, что меж родителями нет единства.

— Поедем, а? — с последней надеждой, уже заискивая, попросила она мужа, погладив его лежащую на столе руку.

Только из-за того, что ему не хотелось расстраивать жену, он уступил, вздохнув при этом:

— Ладно, поедет.

Солнце пекло с утра, день обещал быть жарким. Павлик все же отвертелся от поездки; дома не оказалось кое-чего из продуктов, и он с радостью предложил свои услуги, если его оставят дома, и Елена пошла на компромисс: сегодня для нее важнее было вытащить и как-то развлечь совершенно раскисшего мужа. Да просто побыть вдвоем.

После завтрака надели легкую походную одежду, взяли сумку с ножами и бутылкой минералки, и отправились на остановку.

Конечно, пришлось ждать нужного автобуса, а потом долго ехать в нем, битком набитом старичками, старушками и разновозрастными детьми — автобус шел в дачный поселок. Потом долго шли через этот самый поселок, через большой вытопанный луг за ним, на котором паслись коровы. Чув-

ствуя, как все это совершенно не нужно Артему и раздражает его как глупая потеря времени, она взяла его ладонь в свою, как когда-то, когда любили ходить, взявшись за руки — и сказала, стараясь успокоить:

— Ничего, милый, потерпи, уже немного, скоро придем.

Они направлялись к обширному березняку, темневшему на холмах за этим лугом.

Однако березняк, когда они в него зашли, выглядел печально: вся трава в нем, еще недавно, видимо, высокая и зеленая, была истерзана и истоптана так, будто ее укатывали катками; лишь кое-где, если всмотреться внимательней, торчали из земли остатки грибных ножек да валялись трухлявые искромсанные шляпки, а кругом среди берез все ходили и ходили, то появляясь тихими тенями, то перекликаясь где-то вдаль, бесчисленные грибники, жаждающая что-то еще здесь найти.

— Может, хватит, а то не утащим? — насмешливо предложил Артем, когда прошли по лесу с километр; от ходьбы он немного взбодрился и повеселел; да и в лесу, даже истерзанном, было не так уж плохо: пахло березовым листом, вянувшей травой и грибной прелью.

— Пойдем, пойдем дальше, не ленись! — бодро призвала его Елена. — Мы уйдем дальше всех, и вот увидишь: мы их все равно найдем!..

Дальше начинался медленный подъем, и березняк постепенно сменялся редким невысоким сосняком. Трава стала реже, ниже и жестче, и — уже не такой истоптанной.

На полянах меж сосен буйно цвели вязель и тысячелистник, желтела кипень подмаренника, синели колокольчики, лиловели крупные корзинки лугового василька. В теплом воздухе стоял звон от стрекота кузнечиков; медленно плыли над луговиной бабочки; сыто, блаженно, барахтаясь в золотой цветочной пыльце, гудели шмели.

Артем с Еленой все шли вперед, места были им знакомы — они бывали здесь не однажды, только давным-давно.

Стали попадаться молоденькие свежие маслята. Только собирала их одна Елена, а Артем чаще останавливался, осматривался, будто с удивлением узнавая место и, ослепленный и оглушенный блеском летнего дня, то гладил шершавый сосновый ствол, то трогал застывшую каплю прозрачной смолы на нем, растирал меж пальцев и, закрыв глаза, нюхал, то задира лоб и смотрел в синее небо с белым облаком, плывущим меж зеленых сосновых крон.

— Хорошо, правда? — тоже осматриваясь вокруг и стараясь увидеть все глазами мужа, спрашивала Елена.

Артем молча кивал головой. И вид у него был, будто он проснулся и не может прийти в себя. «Ладно, просыпайся», — с усмешкой думала она и, успокоившись, больше ему не мешала: пусть себе! Почаще бы бывал таким...

Они вышли в седловину меж голых вершин; лес в седловине плавно переходил на противоположный склон.

— Пойдем быстрее! — крикнула она оставшемуся Артему. — Здесь слишком сухо!

— Ты иди, а я только забегу наверх, гляну! — крикнул он ей.

— Ну и беги! — пожалала она плечами, немного обиженная тем, что он обособливается, и пошла дальше, а Панюшин напрямик двинулся к ближайшей вершине — та высилась метрах в ста.

Трава и цветы здесь на совершенно открытом склоне были еще реже, ниже и суше, но пахли сильнее. И от пряного ли, густого запаха их или оттого, что быстро поднимался, а давно между тем помногу не ходил, он даже задохнулся, а сердце его неприятно трепыхалось.

Сухая каменистая вершина была голой, усеянной щебнем и серыми плоскими камнями в рыжих лишаях; из камней кто-то сложил некое подобие сиденья; он сел на него.

Именно этого он и хотел: только глянуть с вершины окрест.

Вид и в самом деле был превосходный: позади — город в сером мареве, а впереди, насколько видел глаз, — мягкие увалы до горизонта, темные массивы леса, желтые нивы меж ними, поселки, светлые дороги, бегущие во все стороны, и выгоревшая голубизна неба; что-то сильно блестело вдаль: пруд или стеклянная плоскость?.. Ах, хорошо!..

Здесь было не так жарко: обдувал ветерок, пахло чабрецом и полынью, мелко растущими вокруг меж каменного щебня. Оттого, что мир давно стал для Панюшина потухшим, без живых звуков и запахов, сейчас именно запахи почему-то он чувствовал особенно остро.

В метре от него торчал мелкий серебристый кустик полыни; он потянулся, с силой оторвал жилистую веточку и понюхал, и в него ворвалась такая сладкая эфирная горечь, что его просто захлестнуло мощным потоком любви к этому жаркому летнему дню, ко всем цветам, запахам и звукам, к этому пространству перед ним, причем любовь не просто рождалась сию минуту, а рвалась откуда-то из глубины памяти, оттуда, где отец, мать, детство, давно стершиеся голоса и лица, уют родительского дома, которого давно уже нет...

Черт возьми, да ведь он же знал это чувство восторга перед жизнью; пусть под спудом сиюминутных желаний, забот,

волнений, но оно жило в нем, придавало жизни смысл и окрасивало ее в радужные цвета, да забыл теперь, с этой работой, высасывающей до пустоты.

И тут подумал о сыне... Боже мой, а ведь Пашка так и будет всегда жить там, в этом машинном сне, среди мертвых теней? И никогда не узнает восторга возвращения в детство, в природу? Какой убогий, какой маленький, тесный у него мир! А ведь его построил ему он, он сам ему его открыл, сам отправил туда, в эту жизнь теней, завлек туда обманом, бегучими картинками, с видимой заботой о его же благе: ну как же! — станет с компьютером на «ты», приобщится к интеллектуальнейшему занятию, жизнь будет насыщенной, интересной! И профессия на будущее, и кусок хлеба на всю жизнь...

* * *

— Посмотри, что я нашла! — раздался над самым его ухом голос жены.

Он вздрогнул и обернулся; взгляд его был странно испуганным, а глаза влажно блестя.

— Что с тобой? Ты плачешь? — растерявшись, удивленно посмотрела на него Елена, держа в руке перед собой белый гриб.

Ей вмиг до боли, почти по-матерински стало жаль его, бледного, с вялыми, безмускулистыми руками из-под коротких рукавов рубашки, одиноко сидящего здесь и взволнованного чем-то; и любила-то она его всегда именно таким: не самонадеянным и хамоватым, а порывистым и беззащитным, и не просто заботилась о нем, а именно любила...

— Да так, задумался, — пробормотал он, приходя в себя, и растер пальцами влажные глаза. — Ветер, наверное... Иди сюда, — он протянул руку и подвинулся на теплом каменном сиденье.

Она подошла и села; он приобнял ее.

— А знаешь, чего я сейчас хочу? — засопел он.

— Артем, да ты что? С ума сошел? — испугалась она, опасно отодвигаясь и оглядываясь вокруг.

— А что? — он продолжал цепко ее держать.

— У всех на виду? Нет-нет-нет! — попыталась она отстраниться от него.

— Ну, хорошо, — немного успокоился он, продолжая ее обнимать. — Знаешь, о чем я подумал, сидя здесь? Мы каждый выходной будем ездить за город! И обязательно брать с собой Пашку.

Она недоверчиво взглянула на него сбоку.

-
- Что так смотришь? — поймал он ее взгляд.
 - Свежо предание...
 - Просто подумал о жизни...

Они долго еще сидели, обнявшись. Нюхали цветы и травинки, смотрели вдаль и говорили. Верней, говорил больше он, убежденно и серьезно — о том, что грех отказываться от природы, что грех этот наказывается пустотой души, что он сам в себе это опустошение чувствует... Елена недоверчиво усмехалась: не она ли талдычила ему об этом?

* * *

Настал понедельник. С утра Панюшин отвез компьютерный процессор к себе на фирму, и вместе со специалистом по железу они отрегулировали его, так что уже вечером он прекрасно работал. А чтобы сын больше не включал его без его ведома, поставил компьютер на шифрованное включение... Теперь Панюшину пришлось усиленно работать вечерами дома, чтобы наверстать упущенное за выходные. А пока наверстывал, появился новый срочный заказ, и он снова, как бывало, просидел выходные за компьютером.

Елена напомнила ему про тот воскресный разговор на холме и только вызвала в нем раздражение: он сам прекрасно помнит тот разговор, но надо же заработать, пока деньги плывут; отдал на неделе автомашину в ремонт, и не ожидал, что это нынче столько стоит.

А через две недели, когда отремонтировали машину, надо было съездить на ночь с субботы на воскресенье к друзьям на дачу — те уже обижались, что давно не были, и, вообще, там так хорошо: просторно, два этажа, камин, сауна, и, главное, все свои, весело, прекрасные шашлыки с пивом, легкий треп обо всем понемногу — надо ведь и общаться, и информацией обмениваться, чтоб мозги не усыхали.

А там уже и середина августа, дожди бесконечные полили — волей-неволей поедешь в выходные не в лес, а к друзьям, тем более что это очень удобно: в субботу до четырех дня можно всю работу дома, вечером уезжаешь, ночь на радения, а в воскресенье с обеда уже снова за работой.

В отпуск выбрались только в октябре, а в октябре куда поедешь, кроме как в заплыванную нашими же собратьями Анталю?

Но тот жаркий, благоуханный день врезался в память, и холодной зимой, нет-нет да вспомнив его, Панюшин обнимал жену и говорил:

— Уж следующим летом обязательно пойдем за грибами как тогда. Помнишь?..

Но и следующим летом не получилось: он же принял все меры к тому, чтобы его компьютер больше не сбивался, и компьютер, это чудо техники, действительно теперь работал бесперебойно.

* * *

Он много раз потом вспоминал тот день. День этот снился ему не однажды, и сны те были до того солнечные, синеокие, душистые, что Артем просыпался с ощущением, будто жил в этих снах, а просыпаясь, будто наоборот, погружается в сон. В этом, наяву, сне все было бледнее, не было ни запахов, ни яркой, до ликования, радости — в отличие от тех снов, где он ходил по земле, трогал все и все отзывалось реальными осязаниями, щекоткой в носу от пряных запахов, зайчиками в глазах от солнца и блеска зелени, так что он совершенно запутался, где сон и где явь, и просто жил тихо и терпеливо, стараясь забыть в работе и не думая об этих снах и своей жизни, потому что думать стало просто мучительно. Иногда он затевал с женой тягучий, нудный разговор на тему: что есть жизнь и зачем мы живем? — его это вдруг стало очень беспокоить.

— Знаешь, драгоценный мой, когда ты что-то делаешь, когда занят серьезной работой — это и есть настоящая жизнь! — отвечала она ему, стараясь вдохнуть в него бодрость и оптимизм, нежели углубляться в суть вопроса.

— Не-ет, — упрямо тянул он свое, — это все старые интеллигентские штучки. А жизнь-то только там, где все настоящее, без подделки! Где все можно потрогать. Своими руками, мать! Своими руками...

* * *

И вот однажды, три года спустя после того яркого дня, в такой же очень жаркий день Артем Панюшин исчез из города. С утра как всегда уехал на фирму, до обеда работал, и никто ничего особенного за ним не заметил, кроме того разве, что был молчаливее, чем обычно. А после обеда исчез. Куда — непонятно. Как в воду канул.

Убить или похитить его не могли — у него не было врагов, и взять с него особенно нечего. Похоже, исчез по собственному желанию; по некоторым признакам, осмысленным его женой уже после его исчезновения, в последние дни перед этим у Панюшина просматривались косвенные признаки меланхолии.

Она подала в розыск. Сама тоже предприняла интенсивные попытки его разыскать... И вот какие факты общими

усилиями ее и милиции, в конце концов, были установлены: человека, по всем признакам очень похожего на Артема, будто бы видели в тот день на той самой вершине, на которой они с Еленой сидели три года назад, потом, несколькими днями позже, точно такого же человека видели около деревни километрах в тридцати от города: он ночевал у костра на берегу реки и воровал картошку в поле у деревенских. Местные бабы будто бы заметили его и прогнали оттуда. Потом, еще примерно через неделю, какой-то подозрительный человек, уже отдаленно напоминающий Артема, только гораздо пооборванной, и с рыжей бородой, нанимался к фермеру в селе, километрах в тридцати от города, косить вручную сено на неудобьях за харч и плату. Он две недели жил в шалаше на покосе, косил он будто бы неважно, но старался, и помог еще грести и метать. Больше этого человека никто нигде не видел — как в воду канул.

СЧИТАЮ СЕБЯ РУССКИМ ОФИЦЕРОМ

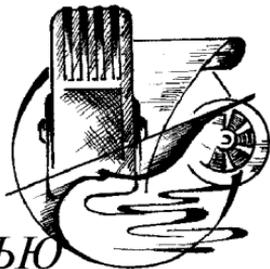
Бывший командир танкового полка Юрий Буданов за убийство чеченской девушки Эльзы Кунгаевой был осужден. Недавно он досрочно вышел на свободу. Но правозащитники этим недовольны. Сейчас они пытаются сострять новые уголовные дела, чтобы повесить их на Буданова. Военный обозреватель Виктор Баранец встретился и побеседовал с Юрием Будановым после его освобождения.

— Юрий, чем для тебя была «вторая Чечня» — антитеррористической операцией, мочилровкой, гражданской войной?

— Для командира полка Буданова она была выполнением приказа Верховного главнокомандующего по защите территориальной целостности моей Родины от чеченских бандформирований.

— Тебе приходилось видеть много смертей, твой полк нес потери. Это вызывало чувство мести, злости, озверения?

— Была обида. За то, что и с нашей, и с той стороны погибают лучшие представители мужского населения. Тяжело было видеть, когда здоровый молодой человек на твоих глазах превращался в труп.

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

— *То есть тебе одинаково было жалко и своих подчиненных, и боевиков?*

— И те и другие — граждане России. Когда граждане одной страны убивают друг друга — это самое мерзкое, что можно придумать.

— *И тем не менее полковник Буданов с его полком безжалостно уничтожал чеченцев.*

— Я уничтожал вооруженных бандитов. Мирные чеченцы и чеченцы-террористы — это разные люди.

— *Я помню телекадры: комполка Буданов приказывает стрелять из пушек и браво говорит в камеру: «С Рождеством, ребята!» Это что было? Удальство? Кураж? Позерство?*

— То была обычная, ежедневная работа. Без предупреждения перед Новым годом на наблюдательный пункт моего полка (у нас он назывался стратегической ямой) приехала группа телевизионщиков на двух бэтэрах во главе с офицерами воспитательного отдела штаба Объединенной группировки, то бишь замполитами. Они это дело любят! Ну и по желанию трудящихся был произведен залп двух артиллерийских дивизионов по разведанным целям боевиков.

— *Во время войны боевики отрезали нашим солдатам и офицерам головы, засыпали их живьем в ямах, прибивали гвоздями к деревьям, простреливали колени, локти, сажали на кол. Для тебя лично война и мораль — вещи совместимые или нет?*

— Какие бы высокие цели ни были у войны, она всегда грязь, смешанная с потом и кровью солдата или офицера. Но если ты по приказу выходишь на поле боя, размышляя о том, что убивать противника аморально, ты уже не боец. Ты тряпка. Тебе не воевать, а цветочки нюхать надо.

— *И все же для тебя были на войне какие-то ограничители? Или был расчет на то, что война все спишет?*

— Самый главный ограничитель — это сохранение жизни моих подчиненных и мирного населения.

— *Но ведь чеченская девушка Эльза Кунгаева тоже вроде относилась к мирному населению?*

— Это кому-то так хотелось считать... У меня было немало оснований думать по-другому...

— *Давай вспомним тот самый роковой день. Итак, твой полк стоит в районе...*

— Все, что касается того дня, подробно описано в 46 томах уголовного дела. Суд все это дело исследовал и вынес мне приговор.

— *А ты согласен с решением суда?*

— Я согласен с решением суда. За исключением двух аспектов. Первый: я не был насильником. Второй: мне ордена

Мужества вручали, когда я еще не был преступником. Я свои ордена не под забором нашел. Это награды вообще-то за кровь и пот моих подчиненных.

— Ты считаешь, что ордена отобрали не у тебя, а у твоих бойцов?

— Да, я так считаю. Один кадровик уже после того, как я совершил преступление, перечеркнул списки моих бойцов, представленных к наградам. Даже посмертно!

— Только что ты сказал, что совершил преступление. Я не ослышался?

— Нет.

— То есть ты признаешь, что совершил преступление?

— Признаю.

— А в момент преступления, когда ты вместе с подчиненными отправлялся в село, где жила Кунгаева, ты был трезв?

— Если бы я был нетрезв, экспертиза бы это установила.

— Эльза действительно была снайпером?

— Повторяю: обо всем, что касается материалов уголовного дела, я закончил разговаривать 25 июля 2003 года.

— Что это за дата?

— Это когда мне вынесли приговор.

— Чеченские правозащитники утверждают: нет ни одного доказательства, что Кунгаева была снайпером.

— Бога ради, пусть говорят. Они потому и являются правозащитниками. Это их работа.

— Что ты считаешь самой большой выдумкой адвокатов Кунгаевой?

— Не выдумкой, а самой большой гнусностью! Утверждение, что я насильничал Кунгаеву.

— Но ведь в прессе до сих пор гуляют какие-то документальные доказательства, копии актов, заключений...

— Я могу представить документ с официальной печатью, что я президент Гондураса... Еще раз говорю: все, что касается якобы изнасилования, — фальшивка...

— Когда ты понял, что совершил преступление?

— Да я так думаю, что минут через сорок. Суть преступления — лишение жизни человека...

— Когда ты все понял, не было желания застрелиться?

— Сгоряча желание было. Потом рассудил, что помимо Кунгаевой и себя я добыю своих родителей и свою семью. И я решил: «Заслужил — получай и хлебай!»

— Была ли у тебя надежда, что дело замнут?

— Нет. Ни малейшей. Я себе воздушные замки не строил...

— Как отреагировали на ЧП твои подчиненные?

— Подчиненные были в течение четырех дней выведены в Сибирский военный округ, потому что отказались под давлением давать показания на командира.

— *Сколько человек было выведено?*

— 1500. Их построили и в течение суток пытались выбить показания всеми правдами и неправдами... Но ни один из моих гвардейцев не взял на душу...

— *А как отреагировали твои вышестоящие командиры?*

— Их позицию комментировать не хочу.

— *А твой командарм генерал Шаманов?*

— Владимир Анатольевич сам приехал на суд. Вошел, поздоровался. Вам это о чем-нибудь говорит?

— *Сколько процентов правды в 46 томах твоего уголовного дела?*

— 10 процентов.

— *Когда тебя арестовали, среди офицеров Объединенной группировки ходили разговоры, что это заказная образцово-показательная порка.*

— Рано или поздно это должно было начаться.

— *Что «это»?*

— Наведение конституционного порядка. И в Чечне, и в войсках. Там когда-то же должна была начать работать Конституция России. Можете считать, что это началось с меня...

— *Суд над тобой был политизированным?*

— Я могу только подтвердить, что говорила сторона обвинения в лице адвокатов потерпевшей. Например, ныне покойным адвокатом Хамзаевым было сказано, что мы не позволим перевести процесс над Будановым из политического в уголовный.

— *Где это было сказано?*

— В Ростове-на-Дону. Он сказал: мы будем судиться и одно Рождество, и второе Рождество, и третье. Он припомнил мне те самые слова, когда перед залпом я сказал: «С Рождеством, ребята!» Он говорил, что это политическое дело, это агрессия большого государства против маленькой республики. Будто Чечня не входит в состав Российской Федерации! Он повторял то, что высказывали и ПАСЕ, и ОБСЕ, и т.д. Если депутат Европарламента, недобитый под Сталинградом, присылает из ФРГ адвокату запрос: «Как там дело обстоит с Будановым?», то какой это процесс — политический или уголовный?

— *У твоих адвокатов была возможность сделать тебя психически ненормальным и таким образом хотя бы частично оправдать тебя?*

— Нет. Такие варианты не обсуждались.

— *И тем не менее ты оказался в Институте Сербского.*

— Меня туда суд направил.

— *Какая была в этом необходимость?*

— Они не поверили областной судебно-психиатрической экспертизе, поставили под сомнение мою адекватность. Но ничего не добились.

— Ты лежал среди больных людей?

— Да.

— Что там за фрукты попадались? Наполеоны были?

— Наполеонов не видал, а вот великих художников приходилось видеть... Они рисовали пейзажи. Везде, где было можно, включая туалеты... Рисовали чем придется. Включая фекалии...

— Судьба поступила с тобой, как залихватский режиссер. Она затолкала тебя в колонию на территории Ульяновской области, губернатором которой был твой бывший командарм генерал Шаманов? Это как-то сказало на условиях содержания?

— Нет. Это меня даже немножко напрягало, потому что в некоторых газетах было написано, что чуть ли не на берег реки Волги я выезжаю по субботам-воскресеньям. Ем мясо, запиваю водкой.

— А откуда ты обо всем этом узнал?

— В колонии можно было любое издание выписать. За исключением эротического содержания.

— И «Комсомольская правда» была?

— В изобилии. Я в ней и твои статьи читал.

— Ты отсидел 8 лет и 10 месяцев. В камере-одиночке?

— 3 года и 8 месяцев я находился в Ростове. Из них 10 месяцев, последние, я находился в одиночной камере. Когда меня перевезли в Димитровград, в исправительное учреждение, я жил в помещении типа казармы. Осужденные называют их бараками. Но администрация запрещает их так называть... Обычная казарма на два этажа, на 100—120 человек. Двухъярусные койки. Умывальник. Туалет. Обычное учреждение, только за большим-большим количеством колючей проволоки. И живут там, спят на матрасах, простынях, с одеялами, подушками. Носят белье в баню стирать, сами в баню ходят мыться.

— Цивилизованно... У тебя приятное впечатление осталось, я вижу...

— Оно не то чтобы приятное... Зачем я буду говорить о том, чего не было? Если бы там был бардак, я бы сказал, да, там бардак. Вши прыгают, крысы бегают. Ничего этого я не видел. Если вот по мне вши с клопами прыгали в следственном изоляторе возле Ростова, то они прыгали. Это было.

— У тебя было 5 попыток попасть под условно-досрочное освобождение — УДО.

— Да. Пятая срослась.

— Кто инициировал их?

— Я. На основе закона. Положено отсидеть по моей статье 2/3 срока. 7 лет. Но для этого надо было иметь положительную характеристику.

— *А чем ты занимался в Димитровграде?*

— Я был дневальным по спортивному комплексу «Русь».

— *Что входило в твои обязанности?*

— Спортзал открыть в 7 утра, закрыть в 21.00. В спортзале должно работать все оборудование, инвентарь — находиться в исправном состоянии, внутренний порядок должен соответствовать требованиям.

— *Ты в колонии от кого получал письма?*

— От родных, от сослуживцев, от друзей, от товарищей, просто от хороших людей из России... А еще ко мне друзья приезжали, в том числе и сослуживцы.

— *В газетах я читал, что тебя ни разу не проведала жена.*

— Вот поэтому мне и не хочется встречаться с журналистами. Но по поводу жены тебе отвечу. Все 8 лет и 10 месяцев в неволе плюс полгода контртеррористической операции — в общей сложности 9 с половиной лет — и плюс 24 года совместной жизни преданнее и роднее человека, чем Светлана, у меня в жизни не было и нет.

— *Одни считают тебя настоящим офицером, ставшим жертвой обстоятельств. Другие — преступником. Кем ты себя считаешь?*

— До совершения преступления я считал себя офицером Русской армии.

— *Российской.*

— Нет, Русской армии. А после совершения преступления я стал преступником. Теперь таковым я себя уже не считаю. И суд меня не считает, поскольку условно-досрочно освободил. Значит, он считает, что я встал на путь исправления.

— *Чем ты намерен заниматься сейчас?*

— Сторожем пойду в колхоз, если возьмут. По приговору суда мне после окончания срока 3 года не положено занимать любую государственную должность.

— *Тебя упрекают в том, что ты до сих пор не попросил прощения у семьи Эльзы Кунгаевой.*

— Как это я не просил прощения? Пять раз, подавая ходатайство об условно-досрочном освобождении, я каждый раз указывал, что вину свою признаю полностью, готов заглавить вину, если это возможно, перед потерпевшими...

— *Ты слышал об уголовных делах Ульмана, Аракчеева...*

— Да.

— *Эти парни — жертвы войны или правосудия?*

— Насколько я знаю, капитан Ульман тоже приехал из Сибирского военного округа. Я думаю, что ему никак не хотелось за 7 тысяч километров приезжать и становиться убийцей. И попадать на 18 лет, которые ему суд определил. Наверное, это жертва войны.

— *Что конкретно ты имеешь в виду?*

— А то, что есть приказ, который надо выполнить, а не обсуждать, правильный он или неправильный... Вот и Аракчеев с Ульманом — жертвы одной и той же ситуации. Эти люди выполняли приказ.

— *На войне есть справедливость?*

— Война — это зачастую преступление с двух сторон. Может, надо уже забыть кровь и простить друг другу все, что было. Тем более войны в Чечне уже нет, жизнь налаживается.

— *В офицерской будановской душе, в глубине ее остался какой-то остров твоей собственной правоты? Та крепость, которая, несмотря на все, никем не взята?*

— Я белый флаг никогда не выбрасывал. Я никогда не сдавался. Даже в местах лишения свободы, где положено поднимать руки при обыске. Я и там ни разу их не поднимал.

— *А как на это реагировали?..*

— Наказывали.

— *Как? Лишим нарядом?*

— Нет. Там нет нарядов. Там есть штрафной изолятор.

— *Тебя наказывали изолятором?*

— Без комментариев. Не важно это.

— *А на войне есть правда?*

— Правда у каждого своя. Моя правда в том, что я не сам туда поехал. Поехал, чтобы выполнить приказ...

— *Вот ты упорно повторяешь: «Я не сам туда поехал, меня туда послали». Да, послали. Но разве это как-то оправдывает твое преступление?*

— Нет. Я так не считаю. И не ищу оправданий. Повторяю: мое главное дело — выполнить приказ. Я его выполнил. Потом я совершил преступление. И понес наказание.

— *Что тебя заставило совершить преступление?*

— Война заставила. Я все сам, только сам решал.

— *Но тогда, что это было? Крыша поехала?*

— Если бы я точно знал ответ на этот вопрос...

— *Что, в тот день у тебя погибло много офицеров или солдат?*

— Нет. Они у меня раньше погибли. С 15 по 20 января 2000 года. За 2 месяца до этого дела. 18 человек в один день! То был самый черный день в моей жизни.

— *Почему случились такие большие жертвы?*

— Потому что бой шел на протяжении 8 часов и противостояли мы порядка 250 боевикам.

— *А сколько с твоей стороны было?*

— На высоте моих было 40 человек.

— *Ты не чувствуешь своей командирской вины, что плохо была устроена оборона?*

— Когда гибнут твои солдаты, разве командир не чувствует вины? Это не вина, это горе. Тут дело в том, что основное огневое воздействие на моих бойцов велось со стороны снайперов. Когда мы потом осматривали и убитых, и пленных этих снайперов, то видели, что все они были экипированы в американскую форму. Зимний вариант «Аляска».

— *Среди снайперов кто был?*

— Женщины и мужчины. Чеченцы. Были и иностранцы.

— *Ты с ними разговаривал глаза в глаза?*

— Конечно.

— *Что они говорили?*

— Говорили: «А мы тут бабочек ловим». Это в январе.

— *Набоковщина какая-то...*

— А что они могли сказать... То какого-то редкого козла ищут, горного. Экспедиция. То бабочек собирают. Кто что.

— *А оружие было при них?*

— Нет, они его в сторонку отбрасывали.

— *Их брали твои люди?*

— Так точно. Самые большие потери от снайперов у нас были 15 января. Снайперские попадания почти все в глаз, в голову, в пах.

— *Когда тебя выпустили на волю, это вызвало лютое негодование у чеченской стороны. Как ты к этому относишься?*

— Негодовать надо было в зале судебного заседания. Не я же себе срок нарезал. Сколько мне нарезали, приговорили, столько я и нес наказание.

— *Сейчас некоторые правозащитники в Чечне и Москве поднимают уголовные дела об убитых во время «второй» войны и приписывают тебе другие преступления...*

— Я тогда выдвину встречный иск о сотнях убитых, замученных, казненных, задушенных, закопанных, сожженных в Чечне русских солдат и офицеров. Вот тогда и поговорим...

— *У чеченцев не отменен закон кровной мести. Ты не боишься за себя, за семью?*

— Меня еще на войне приговорили к смерти. Слава Богу, пока жив. А семью защитить сумею...

Личное дело. Буданов Юрий Дмитриевич. Русский. Родился 24 ноября 1963 года в Донецкой области (Украина). Отец был кузнецом, мать — дояркой.

Окончил Харьковское высшее командное танковое училище. лейтенантом служил в Южной группе войск (Венгрия). Командовал взводом и ротой. В ходе вывода советских войск из Восточной Европы был переведен в Белоруссию. Отказался принимать белорусскую присягу. Дальнейшая

служба — в Российской армии (Забайкалье). Там от командира роты вырос до командира 160-го гвардейского танкового полка. В 1999 году вместе с полком был направлен в Чечню. Участник боевых действий. Награжден двумя орденами Мужества.

Женат, двое детей.

27 марта 2000 года был арестован за преступление (убийство человека), разжалован из полковников в рядовые, лишен наград. Осужден военным судом на 10 лет строгого режима. Отсидел 8 лет и 10 месяцев. В январе 2009 года по определению Димитровградского городского суда условно-досрочно освобожден.

Евгений БОРОДИН,
доктор философских наук, профессор

ПЯТЬ «ЧУДЕС ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ»

О чудесах чуть ниже, а пока — о самом злободневном, об экономическом кризисе. Он сегодня — предмет всеобщего внимания. Велика потребность выяснить его причины с тем, чтобы найти возможные выходы из него. В многочисленных публикациях предпринимаются попытки охватить все аспекты и проблемы кризиса. Однако авторы, как правило, обходят вопрос о том, какие социальные силы повинны в недуге, поразившем мировую экономику. Лишь некоторые сетуют, по традиции, на мировой империализм, на транснациональные корпорации, упуская из виду, что империализм и корпорации не голая абстракция, а вполне определенные социальные структуры со своими не только экономическими, но и политическими, и идеологическими интересами. Иногда такая структура определяется как мировая финансовая элита, что, как говорится, «теплее», но тоже нуждается в конкретизации.

Сегодня вряд ли кто будет спорить с тем, что мировая финансовая элита обрела не только экономическую, но и политическую власть в невиданных ранее размерах, что именно она своей политической разрушила мировую финансовую систему и является виновницей миро-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

вого финансового кризиса. Все наши ведущие политики, включая Медведева, Путина, Лукашенко, Назарбаева, неоднократно высказывались о необходимости замены существующей финансовой системы новой, отвечающей интересам всех стран мира, а не интересам этой пресловутой элиты. Такая задача действительно стоит сегодня перед человечеством. Без ее решения ему не выйти из экономического тупика.

Решить эту задачу невозможно без четкого, достаточно полного представления о социальной природе мировой финансовой элиты. Вот уж поистине «врага не победить, если не знать его в лицо». Алицо у него достаточно выразительное и вполне определенное. Описанию его портрета посвящено немало книг и множество статей. Одна из таких статей появилась в газете «Завтра» (2009, №6) под названием «Евреи в большом городе». Автор статьи, представитель еврейского этносословия Леонид Радзиховский, о котором редакция газеты сообщает, что он «является постоянным участником секретных собраний «яйцеголовых стратегов» в Кремле и, по некоторым данным, входит в число политобозревателей прavitельственной «Российской газеты».

Начинается статья признанием того, что Америка переживает тяжелый кризис и что «все это имеет самое прямое отношение к евреям». Почему? Да потому, что экономика США (а значит, и всего мира), по словам Радзиховского, находится в руках евреев: «Банки, хедж-фонды, хай-тек, недвижимость, торговля, СМИ, развлечения, биоиндустрия, а также традиционная промышленность (включая нефтяную) — везде роль евреев огромна. У них — блокирующий или даже контролирующий пакет акций». И далее автор убедительно подтверждает с помощью цифровых данных господствующее положение евреев.

Что касается Нью-Йорка, то Радзиховский утверждает, что он «совсем особый случай — столица мира, столица Америки и столица евреев мира». «В 1934 году впервые мэром Нью-Йорка был избран «алахический еврей». С тех пор в городе сменилось 10 мэров, из которых было 4 еврея, включая сегодняшнего Майкла Блумберга.

Что ж, было бы странно, если бы Нью-Йорк, одно из чудес истории человечества, не стал и одним из «чудес еврейской истории». Об этом же пишет и П. Дж. Бьюкенен: «Америка — христианская страна, — заявил в 1991 году губернатор Миссисипи Кирик Фордайс. Прежде чем он сел, его тут же заклеймили как шовиниста, поскольку ему следовало сказать «иудео-христианская» (П. Дж. Бьюкенен. Смерть Запада. М., С.-Петербург. 2003, с.249).

Америка сегодня единственная сверхдержава, и господство в ней означает господство во всем мире. Исходя из этого, следует признать непреложными факты:

1. Мировой финансовый капитал контролирует не только экономические, но и основные политические и идеологические процессы современного мира.

2. Этот мировой финансовый капитал сконцентрирован и находится в руках относительно небольшой группы еврейских олигархических семей.

3. Социальной базой мирового господства финансового капитала служит международное еврейское этнословие.

4. Основным военно-политическим инструментом указанного выше контроля являются США, Израиль и примкнувшая к ним в качестве сателлита Англия. Ту же роль исполняет НАТО — «ошейник», который основательно уже натер «шею» Западной Европе.

Такое мировое господство финансового капитала, конечно, возникло не вдруг, к этому господству он шел последнее столетие, имея за плечами многотысячелетнюю историю целенаправленного движения еврейского этносословия к утверждению своего особого, привилегированного положения в мире. И без «чудес» это обойтись не могло. Поэтому нам придется обратиться к «чудесам еврейской истории».

К числу первых и самых древних «чудес» нужно отнести религию иудаизма. Все первобытные племена на определенном этапе своего развития отказались от своих племенных религий, мешавших интегрироваться им в народности (этноты) и нации, и перешли к так называемым мировым религиям. Еврейское племя не пошло по этому пути, поскольку оно стало приобретать черты не народности, а специализирующегося на торговле сословия. В результате иудаизм превратился в этносословную религию, не объединяющую евреев с другими народами, а обслуживающую идейно единственное сословие, вбивающую в головы евреев убеждения об их избранности, их предназначении господствовать над всеми другими народами. Более националистической идеологии, чем иудаизм, трудно себе представить.

Вторым «чудом еврейской истории» можно считать то, что произошло с еврейством в конце XIX века, когда вошли в соприкосновение два процесса: процесс распада еврейского сословия и ассимиляция евреев в Западной Европе и процесс формирования мирового еврейского финансового капитала.

Перед их олигархами, с одной стороны, открывалась перспектива завоевания экономического (и не только экономи-

ческого) мирового господства, а с другой — встал вопрос о сохранении всеми возможными средствами своей социальной опоры: еврейского сословия. Для этого нужна была идея, способная «встряхнуть» и объединить дряхлеющий и умирающий семитский организм. Такую идею не пришлось даже искать — она давно присутствовала в иудейско-религиозной идеологии: идея восстановления ставшего уже мифологическим еврейского государства двухтысячелетней давности. Под видом реализации этой идеи нужно было объединить мировое еврейство и использовать его в целях завоевания мирового господства еврейской олигархией. Для этого и создана была в 1897 году сионистская организация. В результате создания сионизма был фактически заключен союз между еврейской финансовой олигархией и наиболее реакционными и националистическими силами еврейского этносословия.

Так возник союз реакционных сил еврейства, иначе говоря, еврейский шовинизм, раньше на четверть века такого же, в принципе, союза немецких националистов и финансового капитала в Германии, который принято называть фашизмом. Нетрудно увидеть: еврейский шовинизм и немецкий фашизм — близнецы братья. Но стремление того и другого к мировому господству сделало их антагонистами. Поэтому неудивительно, что на Генеральной Ассамблее ООН (1975 г.) сионизм был признан формой расизма и расовой дискриминации. После победы над СССР сионистам удалось добиться отмены этой формулировки, но третья конференция ООН, проведенная в г.Дублине (Южная Америка) в сентябре 2001 года, вновь высказалась за отождествление сионизма и расизма. Лишь представители Новой Хазарии, США, в знак протеста покинули конференцию.

Возникает естественный вопрос: что сделало возможным возникновение у евреев такого шовинистического союза, почему еврейское купечество не разделило судьбу купеческих сословий других народов, т.е. не перестало быть сословием? Попытаемся разобраться, как могло случиться, что средневековые сословия всех народов Европы были сметены революционными бурями, еврейское же сословие не только сохранилось, но укрепилось и финансово, и идеологически, и политически. В чем особенность еврейства?

Евреи — это не только и не столько народность, сколько сословие. Оно представляет собой такую социальную группу, которая выполняет определенную социальную функцию и обладает закрепленными в обычае или законе правами и обязанностями, передаваемыми по наследству. Этническое и социально-сословное в еврействе срослось воедино. Реша-

ющую роль здесь сыграла торгашеская его природа и, конечно, иудаистская идеология. Национализм любого народа, сопровождающийся стремлением решать интересы своего народа за счет других, явление негативное и, можно сказать, отвратительное. Но еврейский этнический национализм, помноженный на сословную паразитическую спесивость, приобретает особенную неприглядность. Такая «гремучая смесь» национализма с сословной спесивостью и образвала еврейский шовинизм. Именно поэтому, по словам Марка Твена, «Все народы — друг против друга и все вместе они против евреев».

Многотысячелетняя борьба с еврейством всех народов мира, которые соприкасаются с этим сословием, получила определение «антисемитизм». Однако до сих пор, как ни странно, остается открытым вопрос: что такое семитизм, против которого борются антисемиты? Между тем, ответ очевиден — семитизм, это идеология и практика еврейского этносословия, которые настолько не устраивают все другие народы, что неизбежно порождают антисионистское движение.

Россия не была исключением, хотя антисемитское движение возникло в ней намного позднее, чем в странах Западной Европы. А.И. Солженицын в двух томах книги «Двести лет вместе» собрал обильный материал, свидетельствующий о паразитическом, шовинистическом характере еврейского этносословия, появившегося в России после третьего раздела Польши. Хотя Солженицын выводы делал весьма осторожные, не адекватные содержанию книги, еврейские шовинисты тут же обрушились на него с обвинениями в национализме. Впрочем, это их обычный прием.

Итак, причиной сохранения еврейского сословия после исчезновения других сословий явилась его специализация на торговле, финансах, которая позволяла ему внедряться в развивающиеся экономические отношения буржуазных стран — это, во-первых. А во-вторых: слияние сословных и этнических начал позволило ему выработать такую систему взглядов и убеждений, которая обеспечивает ему сплоченность, отсутствующую у любого этноса или сословия, отдельно взятых.

Еврейскими шовинистами приложены большие усилия для доказательства, что «Протоколы сионских мудрецов» — фальшивка. Но почему они молчат о том, что авторы этой фальшивки настолько хорошо знали еврейское сословие, что смогли в начале XX века удивительно точно предсказать, какую политику будет проводить еврейство в течение всего последующего столетия.

Феноменальная шовинистическая сплоченность, круговая порука — главное орудие, с помощью которого еврейство достигло современных «высот». При этом средства воздействия на неевреев используются бесконечно многообразные. Среди них главные:

1. Сокрытие главного факта существования еврейского шовинизма и его господствующего положения в мире.

2. Запугивание. В нашей стране, как известно, в 20-х годах расстреливали обвиненных в антисемитизме. Страх, порожденный этим кровопусканием, до сих пор сохраняется на подсознательном уровне у русских людей.

С точки зрения Г.Форда, уже к 1920 году евреям «...удалось возвыситься до такого могущества, о котором не мечтала ни одна из самых гордых рас, даже Рим во времена наивысшего расцвета своей власти» (Г.Форд. «Международное еврейство». М., 1998, с. 18). «Нельзя сказать, что среди международных финансовых мировых владык находится два-три еврея. Напротив, владыки мира состоят исключительно из одних евреев» (там же, с.41). «Мировые финансы неоспоримо находятся под еврейским господством: их решения и планы являются для нас законом» (там же, с.76).

Плакальщики холокоста, доказывающие, что основной и главной жертвой немецкого фашизма являются евреи, тщательно скрывают тот факт, что именно еврейский шовинизм спровоцировал появление немецкого фашизма и потому несет косвенную ответственность за все те преступления, которые совершил этот фашизм. Национал-социалистическое движение Гитлера многое взяло у еврейства: и направленность на решение внутренних этносословных проблем за счет интересов других народов, и проповедь фанатизма, и нетерпимость: «Не бояться ненависти со стороны врагов нашей народности и нашего мировоззрения, а желать ее — вот наш девиз» (Гитлер). Этот девиз служил тысячелетия иудаизму, теперь служит сионизму.

Сегодня не может быть сомнений в том, что фашизм в Германии 20-х годов возник в значительной степени как реакция на еврейскую социально-политическую агрессию. Невозможно Г.Форда заподозрить в симпатиях к немецкому фашизму, хотя бы по той простой причине, что этого фашизма в 1920 году фактически еще не было. Между тем он именно в этом году пишет, что германские евреи во время Первой мировой войны не проявили патриотизма и в то же время «укрепились на всех господствующих высотах над народом». Как же поступили немцы в этих условиях? «Немцы прозрели столь неожиданно, противодействие и возмущение проявились столь бурно, что немецкому еврейству был дан лозунг

отступить на вторую линию: как бы по уговору, все посты, соприкасающиеся непосредственно с народонаселением, были покинуты евреями. Но это вовсе не означало отказа от власти. Как развернутся события в Германии, предсказать еще трудно. Думается, немцы окажутся на высоте положения и найдут нужные и честные средства в борьбе за власть (мы-то теперь знаем, какими оказались эти средства. — Авт.). В том же, что наступит в России, едва ли можно сомневаться: с наступлением там переворота, трепет ужаса прокатиться по всему миру» (там же, с. 187).

Пора понять, что Вторая мировая война была развязана еврейским шовинизмом и немецким фашизмом. Несерьезно бытующее у нас мнение, будто Гитлер начал войну с западными странами лишь из тактических соображений, с тем чтобы затем расправиться с главным врагом — СССР. Советский Союз был непосредственным препятствием на пути Гитлера к мировому господству, но главным врагом его было мировое еврейство. Об этом он говорил открыто и многократно. Гитлер в своей войне с еврейским шовинизмом допустил грубейшую ошибку, соединив ее с традиционной для Запада войной против русской цивилизации. Войну с Советским Союзом, как известно, он считал войной с евреями-большевиками. Для этого у него были некоторые основания: в первые годы действительно до 80% высших постов в ВКП(б) и в государстве занимали евреи. Но Гитлер просмотрел тот факт, что к 1941 году Сталин покончил с засильем евреев в политической власти Советского Союза и ему пришлось вести войну уже с русским народом, находящимся в союзе с другими братскими ему народами.

Участие евреев в Великой октябрьской революции трудно обойти вниманием, ибо их участие заметно повлияло на особую жестокость террора, которому подвергалась русская интеллигенция и православное духовенство.

В печати публиковалось много достаточно убедительных сведений о связях Л. Троцкого с еврейским финансовым капиталом, о влиянии этого капитала на троцкизм и троцкистскую политику. Сходите на собрание современных троцкистов, и вы наглядно убедитесь, что это, в основном, собрание представителей еврейского этносословия. Сталинская борьба с троцкизмом была не чем иным, как борьбой с засильем еврейского этносословия в политике, в органах партии и государства. Сталин не довел решение этой задачи до конца: засилье этого сословия сохранилось у нас в общественных науках, в искусстве, в идеологических организациях до самого заката Советской власти и послужило одной из причин ее быстрого крушения.

На место третьего «чуда еврейской истории», конечно же, претендует факт образования после Второй мировой войны Израиля. Этот факт знаменовал собой завершение образования американско-израильского еврейского государства. Столицей евреев мира, по утверждению Радзиховского, становится Нью-Йорк. В результате, еврейская олигархия помимо финансового и идеологического орудия своего господства получила еще и военно-политическое. До сих пор не понято многими, что во Второй мировой войне победил не только Советский Союз, но и еврейский шовинизм, что к этому времени и Англия и США уже находились под полным контролем сионистского финансового капитала.

Об успехах сионистов английский журналист Дуглас Рид еще в 1956 году писал: «Наши правители за последние полвека стали настолько «добровольными рабами» иудейской правящей секты, что они сейчас фактически агенты и управляющие нового, международного правящего класса, не имея никакой собственной власти» (Дуглас Рид. Спор о Сионе. Москва, «Витязь», 2000, с. 130).

По мнению этого же автора, «мы являемся свидетелями того, как порожденное в глубокой древности варварское суеверие, вскормленное в продолжение многих веков полусекретной кастой невежественных жрецов, вернулось в наши дни, сев нам на шею в виде политического движения, поддержанного громадными деньгами и большой властью во всех больших столицах мира. Для достижения своей фактической цели мирового господства оно пользуется двумя методами — революцией снизу и развращением правительства сверху — и оно добилось больших успехов на этом пути, применяя оба орудия для натравливания классов и народов друг на друга» (там же, с.620).

Германия до сих пор выплачивает евреям контрибуцию. Формы ее взимания разнообразны и подчас причудливые. Например, пожилой еврей имеет право переехать из России в Германию и получать там пенсию и пенсионные льготы при сохранении того и другого в России. А в придачу к этому еще и квартиру.

Холодная война, по сути своей, была продолжением войны сионистского финансового капитала за мировое господство. Запад, породивший несколько разновидностей фашизма, проявляет верх цинизма, объявляя преступными государства, которые сыграли решающую роль в разгроме немецкого фашизма, а затем стали главным препятствием на пути к мировому господству еврейского шовинизма.

Сионисты в течение десятилетий кричали, что их единственная цель — создание еврейского государства. Но это была очередная ложь. С самого начала Израильское государство со-

здавалось как центр, как, прежде всего, идеологический оплот всего мирового еврейства. Вся политика сионистов с самого начала возникновения их организации свидетельствует, что их целью является не только и не столько создание еврейского национального государства, сколько установление мирового господства. Создавая государство Израиль, еврейские шовинисты не собирались уходить со всего мира. Об этом свидетельствует их современная политика дальнейшего укоренения в странах, где уже есть мощные еврейские общины, и возвращения во временно утраченные страны, такие, например, как Германия, Польша, Чехия, Испания.

В истории уже был прецедент того, что мы видим сегодня в США: еврейское государство с нееврейским населением. Все помнят со школьных времен строки из пушкинского стихотворения: «Как ныне собирается Вещий Олег отмстить неразумным хазарам...» В конце первого тысячелетия н.э. в районе Нижней Волги существовало государство Хазарский каганат с тюркским населением, власть в котором принадлежала иудеям. Именно поэтому США нередко называют Новой Хазарией. Вполне можно вести речь об американо-израильском каганате. По всем данным, возглавляет США коллегияльный Каган, состоящий из группки еврейских семей, составляющих клан крупнейших финансистов. Этот клан одновременно является верхушкой международного еврейского этносословия.

Президент США — это лишь порученец Кагана, предназначение которого пасти «американское стадо» в нужном направлении. Ему поручено откармливать американцев, чтобы тучное стадо было покорным. Откармливание это осуществлялось в течение многих десятилетий не только и не столько за счет развития экономики США, сколько за счет ограбления других народов мира. Для такого ограбления все средства хороши: и всевозможные финансовые махинации, и добровольно-принудительные займы, которые нельзя определить иначе, как новый, современный вид средневековой дани. Народы мира терпели и пока терпят их ограбление, но мировая экономика, экономические отношения пришли в полное расстройство. И мы имеем тот экономический кризис, в котором барахтается современное человечество.

Вряд ли кто из еврейских шовинистов будет возражать, что четвертым «чудом Еврейской Истории» стал распад СССР. Холодная война, которая являлась для еврейского финансового капитала продолжением Первой и Второй мировых войн за мировое господство, была проиграна Советским Союзом. Было бы слишком большой честью для еврейского сословия признать, что ему принадлежит основная заслуга в падении

советской власти. Главная причина кроется во внутренней — экономической, идеологической и политической — слабости Советского строя. И она, конечно, ждет своего серьезного научного анализа. Однако не следует умалять «заслуги» и еврейского сословия. Сегодня хорошо известно, какие астрономические суммы потратил мировой капитал на развал Советского Союза, какие усилия приложили к этому Американско-Израильский Каганат и еврейское сословие внутри Страны советов.

Приход в 90-х годах в России власти, подконтрольной мировому еврейству, сделал возможным мощный подъем семитского движения в нашей стране, да и во всем мире. **Агрессия НАТО в Югославии, Ираке, Палестине, предательское поведение ООН, вероломство и международный бандитизм США — все эти факты должны наконец открыть людям глаза на то, что мировое господство еврейского шовинизма стало реальностью наших дней.**

Теоретики-коммунисты по-старому твердят о господстве в мире империализма и не «видят», либо в силу догматизма, либо из-за боязни прослыть антисемитами, что современный империализм — это прежде всего еврейский финансовый капитал. Человечество стоит на грани гибели. То, что термоядерная катастрофа висит дамокловым мечом над человечеством — безумие современного мира. И это безумие особенно ярко проявляется в позиции Западной Европы: ее вполне устраивает наличие атомных бомб в руках агрессивного Израиля, и она абсолютно против приобретения такого же оружия подвергшимися агрессии арабами. Что это, как не свидетельство подчиненности еврейскому шовинизму «демократии» Запада?

С падением советской власти холодная война не закончилась. Она не прекращалась ни на минуту. Теперь задача у Американско-Израильского Каганата — добить Россию. Виднейшему политику Каганата Бжезинскому принадлежат слова: «Россия — побежденная страна... Россия будет раздробленной и под опекой». Ему подпевает Киссинджер: «Я предпочту в России хаос и гражданскую войну тенденции восстановления ее в единое, централизованное государство».

Еврейский шовинизм разжигает русофобию и сепаратизм, провоцирует все, что способствует развалу страны. Для этого либеральное правительство ему открыло и телевидение, и радио, и страницы многотиражных газет. Его поддерживает и почти весь крупный бизнес, и агентура в правительстве и всевозможные «правозащитные», «общественные» и просто еврейские организации, которых в десятки раз больше, нежели у любой другой диаспоры в России. В 2005 году 20 депутатов Госдумы набрались мужества и обратились к Гене-

ральному прокурору РФ с предложением покончить с финансированием за счет госбюджета многочисленных еврейских школ, спортивных и других общественных организаций. Власть на них грозно цыкнула. В свете этих фактов патриотические декларации и демонстративное осуждение нашим правительством политики мирового еврейского финансового капитала выглядят как имитация, призванная скрыть действительное положение дел.

Сегодня первостепенной, важнейшей задачей является объединение всех патриотических сил, независимо от классовой, этнической, религиозно-конфессиональной, партийной принадлежности для совместного выступления против основного препятствия на пути развития не только России, но и всего человечества — мирового финансового капитала и его социальной основы — еврейского сословия. Вот когда будет сброшено это тягчайшее иго, можно будет действительно разобраться, как и куда нам всем дальше идти.

Мы являемся непосредственными свидетелями пятого — последнего «чуда Еврейской Истории». Это «чудо» — современный мировой экономический кризис. Последним это «чудо» будет в любом случае. Оно может закончиться одним из двух: либо гибелью человечества, либо мировой революцией, которая положит конец «еврейской истории» со всеми ее «чудесами».

Ликвидация мирового господства еврейского финансового капитала, а, значит, и его социальной опоры — международного еврейства как сословия возможно только объединенными усилиями патриотических сил всех стран и народов мира. Необходимость преодоления этого господства в условиях современного кризиса становится все более очевидной. Требование покончить с «однополярным миром», перестроить мировую финансовую систему звучит все громче и настойчивее. Аналогично тому, как против отжившего свой век дворянского сословия выступали самые разные социальные слои с различными интересами, в современное движение против еврейского этносословия включаются самые разные силы, которых объединяет только одно: желание убрать с дороги прогресса самую реакционную социальную структуру современности.

Еврейский шовинизм делает ставку на господство спекулятивного капитала, который является первейшей, непосредственной причиной экономического кризиса. Но наиболее глубокая причина кризиса — выход капитала из-под контроля общества, которое его, собственно, и создает, и которому он призван служить. Нелишне напомнить слова мудрого

капиталиста Г.Форда: «Современная трагедия заключается в том, что капитал и труд находятся во взаимной борьбе, тогда как ни тот, ни другой не в состоянии изменить условий, против которых они протестуют и под гнетом которых страдают. Для этого им нужно сначала найти средство вырвать власть из рук той группы международных финансистов, которые не только создают данную обстановку, но и эксплуатируют ее». **Неподконтрольный народу капитал во весь опор несет человечество в пропасть. На хребте у него сидит терзающий его «клещ» — иудо-сионизм. Сумеет ли его убрать человечество, а затем остановить безумный бег капитала и заставить его служить обществу? Лишь при условии положительного ответа на этот вопрос можно говорить о будущем людей на земле.**

Только путем возрастающего общественного контроля над частным и над государственным капиталом можно двигаться к обществу социальной справедливости. Осуществление полного общественного контроля над всеми видами капитала будет означать не ликвидацию их, а превращение в действительно общественную форму собственности. Выработка механизма политического, идеологического и экономического контроля над капиталом — задача чрезвычайно сложная и опыт ее решения, накопленный даже передовыми странами, весьма скромный. На решение этой задачи направлено, по сути дела, все развитие общества. Развитие же общества невозможно без снятия с его пути средневекового социума.

Как только современные прогрессивные силы человечества ликвидируют мировое господство еврейского финансового капитала, то станет невозможным существование еврейского сословия. После этого, перестав быть сословием, еврейство как народность с неразвитой культурой и языком, распыленное по свету, ассимилируется в исторически короткое время. Тогда евреи последуют совету, данному им Б.Л. Пастернаком, который он вложил в уста своего литературного героя, доктора Жеваго: «Опомнитесь. Довольно. Больше не надо. Не называйтесь, как раньше. Не сбивайтесь в кучу, разойдитесь. Будьте со всеми».

При всем шовинистическом единстве еврейство не однородно. Оно состоит из социальных слоев с чертами кастовости. Низшим слоям, конечно, легче избавиться от шовинистического угара. Что касается остальных, то им, как говорится, остается лишь посочувствовать.

НАЧАЛО

(К 190-ЛЕТИЮ ВЫДАЮЩЕГОСЯ
РУССКОГО ПОЭТА Я.П. ПОЛОНСКОГО)

— Яшенька, просыпайся. — Голос няньки Матрены звучал тихо и тревожно, он дрожал и словно просачивался откуда-то издалека сквозь темноту медленно тающей весенней ночи. — Вставайте, барин, вставайте, родненький, ваша маменька помирает, идите проститься с нею...

Яша ничего не мог понять спросонья. Что случилось? Почему нянька будит его ни свет ни заря? Что там она бормочет про маму? Ведь мама еще днем обедала с нами... Да, правда, вечером в детскую приходила госпожа Гаретовская, повивальная бабка, ну так что с того? Мама говорила, что у нас скоро будет маленький братец или сестренка... Так что же могло с ней случиться?

И только окончательно проснувшись, Яша осознал, что всё, о чем говорит нянька, — не сон, а жестокая явь. Его охватило ужасом, и он бегом бросился в спальню матери.

Маменька полусидела в мягком кресле. Ее поддерживали под руки родные сестры. Отвернувшись к окну, словно вглядываясь в предрассветную мглу, стоял убитый горем отец.

Яша приблизился к матери. Ее лицо было блее полотна, которое обычно сушили на солнцепеке дворовые девки. Глаза были закрыты. Нижняя челюсть

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

чуть отвисла. Казалось, мама что-то хочет сказать Яше, но из ее уст не доносилось ни звука. Охваченный отчаянием, Яша бросился к матери, пытаясь ее обнять, но его нежно отстранили и отвели в сторону.

Смерть матери была первым горем, первым глубоким потрясением Якова, которому в ту пору едва минуло двенадцать лет. На протяжении долгих лет он помнил о том жутком потрясении, а их на его жизненном пути было немало.

После смерти матери семейство Полонских переселилось в дом бабушки, где детей взяли на попечение сестры умершей. Убитый горем отец отправился служить на Кавказ, а Яков пошел учиться в первую Рязанскую мужскую гимназию.

Уровень преподавания был достаточно высоким: среди учителей было немало выпускников Московского университета, других известных учебных заведений. Первоначально мальчики учились четыре года, а с 1833 года гимназия стала семиклассной. О престижности Рязанской гимназии говорит тот факт, что этому учебному заведению в числе первых в России было предоставлено право направлять в университеты своих выпускников, которые зачислялись туда без экзаменов...

Распорядок дня в гимназии соблюдался достаточно строгий. Обычно занятия начинались в девять часов утра и заканчивались в полдень. После обеда ученики вновь собирались в классы, и занятия продолжались с двух до пяти часов пополудни.

1 февраля 1836 года неожиданно в Рязань приехал отец Якова. Увидел сына в строгой гимназической форме и, радостный, прижал его к груди:

— Ну, сынок, а ты уже совсем взрослым стал. Да и ростом высок выдался. Вот бы мама на тебя посмотрела!

Оказалось, что Петр Григорьевич был произведен в коллежские асессоры, что соответствовало воинскому званию капитана или ротмистра (в кавалерии), и получил отпуск за добросовестную службу. Со своими свояченицами он был в натянутых отношениях, а потому жить у Кафтыревых не стал, а снял на время квартиру, куда и поселился вместе с детьми.

В отпуске Петр Григорьевич провел четыре месяца, и за это время его отношения с подростками детьми наладились, стали теплее и доверительней. Но пора была отправляться к месту службы, и 1 июня коллежский асессор Полонский покинул Рязань. Яков долго смотрел ему вслед, и грустные мысли шевелились в его голове. Вот и опять дети остались сиротами при живом отце, на попечении старомодных и отчасти занудливых теток.

Яков Полонский в гимназии особыми знаниями не блистал. В аттестации учеников седьмого класса за июнь 1837

года его фамилия значилась на тринадцатом месте из шестнадцати.

Однако по русской словесности Полонский считался одним из лучших учеников. Значительную роль в развитии его литературного дарования сыграл учитель словесности Николай Васильевич Титов. В те годы всеобщее поклонение вызывали стихи Бенедиктова, но учитель считал его поэзию вычурной. Имея хороший литературный вкус, Титов старался привить его и гимназистам. Учитель ценил в учениках самостоятельность, и терпеть не мог зубрил.

Свои первые стихотворные опыты Полонский, как и следовало ожидать, выносил на суд учителя словесности: он заходил к Титову домой и читал свои стихи. «Титов любил, — вспоминал поэт, — когда я к нему заходил и иногда читал ему свои подражания Бенедиктову. Чаще всего я встречал у него Яновского. Они и смеялись, когда я им что-нибудь свое читал, и рукоплескали мне. Быть может, я их смешил своей наивностью и пленял их своим чистосердечием». Тем не менее, Титов рассмотрел в неуверенных поэтических строках гимназиста искорки истинного таланта.

По словесности Полонский неизменно получал у Титова высший балл — «5», хотя нередко допускал в сочинениях грамматические ошибки, за которые учитель его стыдил.

Другим любимым учителем гимназиста Полонского стал преподаватель латинского языка Яновский, который появился, когда начинающий стихотворец учился в старших классах. По описанию Полонского, «это был человек... большеголовый, с лысиной, рябоватый, с носом в виде сливы, всегда веселый, живой, очень образованный... идеалист и эстетик...»

Чтобы подтянуться в знании латинского языка, Яков стал брать дополнительные уроки у местного священника, и вскоре учитель Яновский заметил учебное рвение гимназиста Полонского и стал обращать на него особое внимание. Между учителем и учеником сложились доверительные отношения. Яновскому, как и Титову, начинающий стихотворец стал показывать свои сочинения.

Однако увлечение Бенедиктовым в гимназии прошло само собой, как только Полонский познал истинную цену поэтического слова, и в первую очередь — Пушкина.

«Молодежи не давали его стихов, — сетовал Полонский. — Но запрещенный плод казался дороже, как бы оправдывая стихи самого Пушкина:

*Запретный плод нам подавай,
А без того нам рай не в рай.*

По рукам гимназистов ходило немало рукописных поэм Пушкина. Так, не в печати, а в рукописных тетрадках впервые мне удалось прочесть и «Графа Нулина», и «Евгения Онегина»...

Совсем иным запомнился будущему поэту учитель математики и физики Ставров. Он был строг, и его черные сердитые глаза пугали гимназистов. Когда он входил в класс, водворялась мертвая тишина. Однако при всей строгости Ставрова отвечать на его уроках не составляло большого труда. Увлеченный хождением от стены до стены, учитель и внимания на отвечающих не обращал, чем те и пользовались.

Но как-то раз на уроке произошло неожиданное. Ставров, как обычно, маршировал от стены к стене, размеренно и методично отмерял шаги, создавая четкий ритм. И тут в Якове проснулся стихотворный зуд, и он в такт шагам учителя стал тихонечко повторять:

*Ходи браво,
Ходи — ну!
Ну, ну, ну, ну, ну!
Ходи браво...
Ходи — ну!*

Сидевший рядом с Яковым сын почтмейстера подхватил «считалочку» и, смеясь, стал за ним повторять. Вскоре уже смеялся весь класс. Один из учеников не выдержал и громко прыснул, зажав рот рукой. Что тут случилось! Ставров неожиданно вздрогнул, вытянулся, как журавль, глаза его хищно сверкнули, и он мигом оказался возле нарушившего порядок и мнимую тишину в классе и крепко вцепился в его волосы:

— Ты чему смеешься, негодяй? Ты чему, мерзавец, смеешься? Как ты смеешь? Отвечай, ну!

Несчастный гимназист пытался увернуться от цепких рук Ставрова, но не тут-то было! Лицо учителя от гнева сделалось белее мела, глаза сверкали, как раскаленные угли. Класс испуганно притих, а Якову стало так больно, словно это его таскали за вихры. Было нестерпимо стыдно, что он невольно стал виновником трепки, которую учитель задал его товарищу...

Для Якова, с детства любившего рисовать, было наслаждением чертить на уроках физической географии (астрономии) карты сравнительной величины солнца и планет, их фазисы, орбиты комет и тому подобное. Умение рисовать пригодилось Якову и на занятиях по другим предметам.

Всеобщую историю в младших классах гимназии преподавал «некто Тарасов, старик седой и плешивый, круглоли-

цый, с большим и мягким подбородком (всегда, конечно, выбритым); старик был такой добродушный, что никто его не боялся. Весь класс как-то сдержанно гудел, когда он сел на свое учительское место и начинал преподавать». А преподавал старик Тарасов весьма своеобразно — словно сказку малышам рассказывал:

— Ну вот, — говорил он, приглаживая ладонью остатки волос своих, загнутых в виде тоненьких прядей с висков и затылка на лоснящуюся середину лысины, — поехал Колумб открывать Америку. Ну вот, сел на корабль и поехал... Ехал, ехал — много дней прошло — не видать земли... Ну вот, что делать? — не видать, да и только... Матросы бунтуют... дескать, вези нас назад, не то мы все погибнем... Что прикажете?.. Ну вот и говорит им Колумб: повремените маленько, коли через трое суток земля не покажется — делайте со мною что хотите. А не прошло и суток, как с палубы раздался крик: «Земля, земля!»... Ну, значит, радость, —кто Богу молится от радости, кто к ногам Колумба припадает, руки его целуют...

Яков почему-то заимел привычку жевать на уроках бумаги. Заметив это, историк-«сказочник» прервал свой рассказ и обратился к классу:

— А подайте-ка господину Полонскому клочок сена, а то что это он жвачку жует да жует...

Класс разразился смехом, а Якову стало совестно, он покраснел, как рак, и перестал жевать бумагу.

Когда занятия стали проходить в доме, подаренном гимназии состоятельным купцом Н.Г. Рюминым, появился новый учитель истории, некто Панютин, «человек уже далеко не молодой, болезненный, с синеватыми жилками и сильною желтизною под большими выпуклыми глазами и без ноги. Он ходил на костылях и на деревяшке».

Ученики гадали: кто их новый учитель? Может, офицер, потерявший ногу в сражении? Будет ли он, как Тарасов, рассказывать сказки или преподаст нечто более серьезное?

Панютин оказался человеком образованным, знал свой предмет хорошо, занимался им и старался донести свои знания ученикам. Занятия стали проходить серьезнее.

Учитель любил давать письменные задания. Как-то раз Полонский написал сочинение на заданную историческую тему и завершил его словами: «И будет прахом прах!»

Панютин прочитал заключительную фразу и искренне огорчился:

— Ах! Что это вы такое написали? Помилуйте!.. Прах! Почему же прах? Откуда вам такое пришло в голову? Зачем же такое разочарование? Помилуйте!..

Слушать неподдельные переживания учителя было совестно. Яков Полонский с теплым чувством вспоминал старшего священника Николо-Дворянской церкви отца Стефана, преподававшего в гимназии катехизис Филарета: «Уроки его почти ничем не отличались, но это был такой красавец, каких я редко встречал на веку своем, и у него был такой приятный тембр голоса, что его заслушивались, когда в церкви он читал Евангелие или пел молитвы своим тенором. Его походка, его темные вьющиеся волосы, его щегольская ряса, его манеры, его улыбка — все изобличало в нем что-то в высшей степени уравновешенное... Неотразимо привлекательна была библейская, молодая красота его, звучный голос, величавая простота, легкая, почти неслышная походка...»

Когда Полонский учился в пятом классе, отец Стефан, приучая учеников к самостоятельному мышлению, задал в аудитории вопрос:

— Как вы думаете, господа гимназисты, отчего бедному Лазарю не дозволено было с лона Аврамова сойти в ад и облегчить участь богатого Лазаря, который взывал о помощи?

Класс молчал.

Тогда учитель обратился к Полонскому:

— Ну, а вы что скажете?

Яков заволновался. Мысли роем кружились у него в голове. Он попытался зрительно представить известный библейский сюжет и выпалил наугад:

— Если бы Бог дозволил всем святым помогать грешникам, они бы все сошли в ад помогать им, и тогда правосудие Божие было бы нарушено.

Отец Стефан внимательно выслушал ответ, затем подошел к кафедре, где лежала книга для записи разных учительских заметок, и сделал запись об остроумном ответе ученика Полонского.

В годы учебы Полонского ни древние, ни новые языки в гимназии не процветали. «Вся задача тогдашнего преподавания языков была только в том, — сообщал он, — чтобы мы понимали то, что читаем по-латыни, по-немецки или по-французски; о выговоре мало заботились...»

Учителя в гимназии были разные, но лишь один из них доставил юному Полонскому столько горестных минут, столько стыда и унижения, сколько он до той поры не знал. О конфликте, который произошел у гимназиста Полонского с учителем рисования Боссом, поэт помнил и спустя полвека.

На своих уроках Босс то и дело прерывал свою речь невнятным «Э-э!», которое в его устах выражало и вопрос, и недоумение, и раздражение, и досаду. Ученики не помнили

его ни улыбающимся, ни смеющимся — он никогда не шутил и шуток не принимал.

Самое интересное заключалось в том, что сам учитель никогда ничего не рисовал. Все его достоинство состояло в том, что он имел хороший глазомер. Рассказывали, что в юности Босс золотил лампы и наносил на них узоры. Как-то своим мастерством ламповщик угодил рязанскому генерал-губернатору Балашову и тот рекомендовал Босса гимназическому начальству. Возразить генерал-губернатору не посмели, и Босс был принят на должность учителя рисования.

Босс преподавал весьма своеобразно. Сначала он учил мальчиков владеть циркулем, чертить круги и другие геометрические фигуры, а затем заставлял срисовывать с литографий головы, руки, ноги и другие части человеческого тела. Разумеется, без предварительной подготовки ученикам это было не под силу. За малейшую оплошность или неточность Босс бил их беспощадно. Мальчики, по словам Полонского, «боялись его, как черта, и мало-помалу, из страха трепки, выучивались делать хорошие копии карандашом и акварелью».

На одном из уроков Босс задал Якову срисовать с литографии голову старика, которую гимназисты почему-то называли головой Мазепы. Ученик принялся за работу, но карандаш царапал бумагу, и растушевка получилась неровной.

Босс подошел к Якову, взглянул на рисунок и разразился бранью:

— Ах, негодяй! Что это у вас нацарапано?

— Я не виноват, — робко ответил мальчик. — Это такой карандаш попался — не чертит, а царапает...

И тут Босс словно взбесился. Брызжа слюной, он стал кричать и с размаху ударил Якова по лицу.

Яков громко вскрикнул и заплакал.

Вдруг, услышав крики, в класс вошел директор Семенов. Босс что-то вполголоса стал ему объяснять, и тут Николай Николаевич приказал Полонскому:

— На колени! — и вышел из класса.

Потрясенный Яков, всхлипывая, опустился на колени. Подобной душевной боли, обиды и унижения он не испытывал ни разу в жизни. «...Это был первый удар, который я получил со дня моего рождения, — признавался он, — никогда никто не бил меня, я даже не знал, что такое розга...»

Дома Яков поделился своим горем с тетками. Те успокоили его, как могли, но боль в душе мальчика саднила еще долго...

Полонский по-прежнему много читал, и эта начитанность не раз сослужила ему добрую службу.

Когда Яков Полонский учился в шестом классе, в Рязань для ревизии первой мужской гимназии приехал профессор Московского университета Н.И. Надеждин, сам, кстати, уроженец Рязанской губернии.

Якову Полонскому досталось отвечать профессору по истории Древнего Египта. Он бойко рассказал о египетских фараонах, о религии, нравах и обычаях египтян. Сведения эти, нередко анекдотического характера, он почерпнул в одном из томов Роллена в переводе Третьяковского и теперь рассказывал такие подробности, что его товарищи пораскрывали рты от удивления, а профессор только одобрительно кивал головой.

Надеждин поставил Якову высший балл.

После урока одноклассники толпой окружили Полонского: — Откуда ты взял такие интересные сведения? Ведь в нашем учебнике ничего подобного нет...

«Я, разумеется, не скрывался, что меня выручил старый Роллень, без всякой критики изложивший в своей истории все басни, все, что только известно о Египте (по Геродоту и другим источникам)».

Своим ответом профессору Надеждину Яков заслужил особую благодарность директора гимназии Семенова:

— Молодец, Полонский, не подвел...

Поворотным в поэтической судьбе Полонского стал август 1837 года. (Поразительное совпадение: в этом году перестало биться сердце Пушкина, известие о смерти которого глубоко потрясло Полонского). Дело в том, что 16 августа в Рязань в сопровождении своего воспитателя — маститого пиита В.А. Жуковского — прибыл девятнадцатилетний наследник престола Александр Николаевич, будущий император Александр II, царь-освободитель.

Поскольку о поэтических увлечениях Полонского в гимназии были уже наслышаны, директор Н.Н. Семенов вызвал его и поручил сочинить приветственные стихи, да такие, чтобы припев можно было пропеть на мотив гимна «Боже, царя храни!», Якову задание пришлось по душе, и он, изрядно попыхтев над бумагой, стихи написал. Исполнить два куплета, написанные Полонским на мелодию гимна, поручили гимназическому хору. Начались репетиции. Яков сильно волновался, однако ни чтения, ни пения стихов перед наследником-цесаревичем не состоялось.

Будущий император осмотрел классы, кабинеты гимназии, побывал и в пансионе, где осмотрел зал, спальни учеников и отведал еду в столовой. Гимназия наследнику российского престола понравилась, и он дважды повторил директору Семенову:

— Признаться, я на пути своем еще не видел такой гимназии...

Вечером в роще, прилегающей к городу, на даче богача Н.Г. Рюмина был дан бал в честь августейшего гостя. Любопытная публика еще засветло потянулась к Рюминой роще, надеясь увидеть нечто необыкновенное, а, коль удасться, и на самого наследника престола хоть мельком взглянуть. Гимназисты тоже шумными стайками торопились к месту торжественного бала.

Полонский вспоминал: «Я собрался идти в эту рощу смотреть иллюминацию, глядеть в окна и слушать роговую музыку; но только что я вышел за ворота, встретил сторожа, который сообщил мне приказание немедленно явиться к директору. Зачем, думаю, я понадобился?!

Когда я вошел в переднюю, мне указали на лестницу в коридоре, и сказали: «Ступайте наверх».

Наверху, то есть на антресолях, было, как кажется, две комнаты. В первой из них, пустой, я остановился. В другой слышались голоса — там были, очевидно, гости и стоял дым от трубок. Кто-то доложил о моем приходе. И вот, вижу я, выходит ко мне высокий, плотный, несколько сутулый господин... Этот господин был Василий Андреевич Жуковский. Он сказал мне, что стихи мои ему очень понравились, что наследник благодарит меня и жалует меня золотыми часами».

Радости начинающего стихотворца не было предела — ведь его поэтические способности оценил сам Жуковский! Не чужая под собой ног, гимназист покинул дом директора, благодаря которому и состоялась встреча юного стихотворца с маститым поэтом...

На другой день в большом зале нового здания гимназии состоялся торжественный молебен. Когда песнопения отзвучали, была зачитана какая-то бумага, в которой упоминалась фамилия Полонского. Директор говорил что-то торжественное. Взволнованный гимназист стоял ни жив ни мертв. Слова долетали до него словно из неведомой дали...

Якова вызвали из рядов одноклассников и в присутствии всех преподавателей и всех классов вручили великолепный подарок: в дорогом футляре заманчиво поблескивали золотые часы, украшенные цветами, выполненными на эмали. Большею частью это были незабудки, словно даривший желал оставить память о себе. Подарок был, действительно, царский...

Когда торжество окончилось, Якова обступили товарищи-гимназисты. Кто-то тряс ему руку, кто-то дружески хлопал по плечу... Радость переполняла Полонского, и, как он позже признавался, «высочайшая награда обратила на меня внимание всей Рязани».

Так к Полонскому пришел первый успех. Вскоре после отъезда цесаревича юного пиита пригласили на обед к рязанскому предводителю дворянства, затем он был зван в гости к председателю казенной палаты. Архиепископ Рязанский прислал гимназисту печатную проповедь с надписью: «Пииту Полонскому», а с переходом в седьмой класс гимназии Полонского назначили старшиной, то есть надзирателем за всеми гимназистами. Но Якова Полонского уважали не только в гимназии — он стал известен и среди почтенной рязанской публики.

Тихая Рязань, словно проснувшись, возбужденно заговорила о молодом поэтическом даровании. Но это была только первая ступенька к Парнасу.

БОЛЕЗНЬ ПОДРАЖАНИЯ ЗАПАДУ

В самом начале разрушительной перестройки Ю.В. Бондарев сравнил ситуацию в стране с самолетом, который взлетел, но пилоты не знают, где и как приземлиться. До сих пор находимся в этом непредсказуемом полете, хотя бортовые системы давно барахлят, а теперь начались перебои и в самих двигателях. Команда пытается лихорадочно, на авось, что-то предпринять, но тщетно: крен на крыло усиливается.

Вовлеченность России в мировой экономической кризис — это острый приступ капитализма. Приступ этот оказался для российских рулевых полной неожиданностью, поскольку еще накануне неумолимых событий они бодро вещали со всех трибун и экранов об успехах нацпроектов, о накоплении резервов, о подъеме экономики, о торжестве невнятно озвученного «плана Путина».

И каков же результат? Нацпроекты нужны были прежде всего для раскрутки Д. Медведева перед президентскими выборами (выделение денег здравоохранению или сельскому хозяйству элементарно насушно без всяких проектов). Так называемая «подушка безопасности», бездарно хранящаяся в заокеанских сейфах, тает на глазах, экономика рухнула вплоть до

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

приостановки заводов-гигантов и массовых увольнений рабочих, а про «план Путина» никто и не заикается при таком потрясающем фиаско.

Казалось бы, это можно было предвидеть. Из исторической практики давно известно о неизбежности периодически повторяющихся кризисов при капитализме, который в лихорадочной спешке реставрировали (в наихудшем варианте) демократы-ельцинисты. Тем более это знание касается верховных деятелей, окончивших юрфак ленинградского университета. Или по наивности думали, что кризисы — явление только западное, а мы как-нибудь спасительно отсидимся в сторонке? Не выйдет, господа! Ибо стремление ваше в Европу столь велико и безоглядно, что вы пошли на выучку к ней, а с волками жить — по-волчьи выть.

Подражание США тем более непонятно, потому что в историко-культурном отношении это государство-младенец, лишенное национальной основы, не может быть нам примером, а ныне оно еще и банкрот по всем статьям, включая и политику.

Достойны внимания пророческие высказывания об Америке нашего гения А. Пушкина, понявшего суть ложной демократии уже в те давние годы. Например, он писал: «А что такое Соединенные Штаты? Мертвечина; человек в ней выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит». Или другое: «С изумлением увидели мы демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нетерпимом тиранстве». И мы, и народы всей планеты увидели безудержно-наглую агрессию мирового жандарма, когда бомбили братскую Сербию, а затем — по надуманному поводу — Ирак и Афганистан.

Такое же мнение о США имел С. Есенин, повидавший ее своими глазами: «Однако я очень не люблю Америку — это смрад, где пропадает не только искусство, но и вообще лучшие порывы человечества». А для доморощенных демократов Америка — образец. Помните, как постоянно слышалось: «Хватит социалистических экспериментов, хотим жить, как развитые страны». Заметим, что мысль о справедливом устройстве общества существует со времен Томмазо Кампанеллы, а может быть, и ранее того, и это стремление к социализму никогда не прекратится.

Что же мы приобрели за короткий срок тесного сотрудничества с Западом, добровольно капитулировав, решив поучиться у него и шагать с ним в ногу? Каковы итоги начального курса капитализма? Горько даже перечислять эти приобретения: безработица, обнищание народа, миллиардеры олигархи, теракты, наркомания, СПИД, рэкет, рейдерство,

дедовщина, проституция, страшно сказать, продажа людей в рабство! К этому еще можно многое добавить, например, платные медицина и образование, ставшее недоступным жилье, гравитательские услуги ЖКХ, подорожавший в 15 раз общественный транспорт и т.п. Всех «приобретений» не перечеистишь. И, наконец, это «чудище обло, стозезвно» — мировой кризис, действующий с неумолимостью черной дыры. Вот чем обернулась наша хроническая болезнь подражания Западу. Такова цена встраивания в прогнившую капсистему с ее «общечеловеческими ценностями».

О том, какие представления вынес о жизни на Западе современный человек, поживший во Франции, я прочитал в газете, цитировавшей книжку Сергея Зубцова «Как жить в Западной Европе?» Вот его наблюдения: «У подавляющего большинства населения стран Запады нет личности... Они пустые внутри, особенно молодежь... В западном мире все — технология... Как будто в большинстве из них души нет, ходят только тела пустые... У таких людей нет будущего... Запад рухнет! И наблюдать это лучше издаека». Не правда ли, оценка сходная с пушкинской и есенинской?

Давно ли наши демореформаторы, любители примерять на себя европейские одежды, заклинательно повторяли: «как в цивилизованном мире», «как на Западе», «как в странах развитой демократии». Сейчас восторга поубавилось, но приоритеты настойчиво сохраняются: в первую очередь, неприкосновенность частной собственности, присвоенной в годы перестроечной смуты, и неизменность курса, как всегда у нас безальтернативного. При этом наша руководящая и направляющая партия призывает к единству: кого с кем? Обнищавшего народа, увольняемого с заводов, и неправедно награвивших миллиарды толстосумов? Когда они возводят трехэтажные особняки, строят роскошные дачи, покупают за границей виллы и замки, хочется напомнить им предостережение пророка Исая: «Горе вам, прибавляющим дом к дому, присоединяющим поле к полю, так что другим не остается места, будто вы одни поселены на земле. В уши мои сказал Господь Саваоф: многочисленные дома эти будут пусты, большие и красивые — без жителей». А так и произойдет, что подтверждает вся история человечества.

Увы, метастазы капитализма проросли чересчур глубоко. В обстановке всеобщего поклонения золотому тельцу дело дошло до абсурда: пишу эти грустные строки, а по телевидению в «Новостях» показывают, как в одном из белгородских садиков (!) внедряют обучение детишек основам экономики. У них в ручонках — сторублевые бумажки. Не воспитатель-

ница, а приглашенный бухгалтерский работник объясняет им, как делать покупки, в чем разница между купюрой и монетой и прочее. «Вздор! — не поверите вы. — Не может этого быть!» Однако факт остается фактом: детей начинают роботизировать едва не с пеленок. Боже мой, до чего мы докатились в этом прагматическом рвении, если не шадим светлые души малышей, которые должны заниматься беззаботными играми! Вместо этого они и дома тычут пальчиками в клавиатуру компьютера. Где же настоящее, здоровое детство? Оно будет потеряно. Получается совсем по О. Хайяму: «Виноградом не став, превратился в изюм».

Российскому реформаторству, кажется, не будет конца. «Наша вечно создающаяся Россия», — заметил Достоевский. И ведь верно: оглянитесь на нашу тысячелетнюю историю — не было в ней длительного периода стабильного государственного устройства. То раздробленность и княжеские междоусобицы, то двухсотлетнее иго, то многочисленные войны, то революции и «перестройки» на европейский лад. И вечно меняющиеся географические очертания. Огромная страна постоянно находится в напряжении физических и моральных сил: всё надеемся на очередное благоустройство.

Неужели и после столь очевидно проявленного в годы пресловутой перестройки негатива и пришедшего с Запада кризиса мы не перестанем быть учениками стареющей Европы? Неужели это не в тягость национальному чувству? Пойдет ли урок впрок? Неужели все разговоры об особом пути России беспочвенны? Ведь совершенно очевидно, что особость эта заключается не только в нашем славянском менталитете, различии вероисповедания, но и в географическом расположении страны, в совершенно ином культурно-историческом развитии России и пр. Н.Я. Данилевский даже учитывал культурородную силу леса, коим изобилует Россия, его явление на сложившийся культурно-исторический тип.

Ответ на поставленный выше вопрос был найден давно в воззрениях А.С. Хомякова, И.В. Кириевского, К.С. Аксакова, других славянофилов. «Все связи нашей публики с Западом должны быть прерваны, должны кончиться, наконец, наша подражательность!» — писал К.С. Аксаков.

Понятно, что такой радикализм нынче неприемлем, поскольку всюду слышатся призывы к толерантности, но то, что оскорбительная для нас подражательность, начатая с петровских времен, когда «принялся он Русь онемечивать», продолжается, — это несомненно.

Все попытки либеральных политиков подсуесться в Европе, как-то встроить Россию в ее экономическую и полити-

ческую модель, в различные институты, вплоть до НАТО, безнадежны. Никто в Западной Европе нас не ждет, и, слава Богу. Россия без Европы может совершенно самодостаточно жить века, а Европе без России придется туго. И странно, что она, по давней привычке, пытается диктовать нам свои условия. Вообще, понятие «Европа» носит в основном культурно-политический смысл, нежели географический, поскольку и азиаты, и европейцы живут, по сути, на одном материке.

Сторонникам европеизации следовало бы почитать фундаментальный социологический труд Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» (в этом году — 140-летие первой его публикации), этот кодекс славянофильской мысли, который остается актуальным и ныне, даже более, нежели в XIX веке.

Во вступительной статье переиздания этой книги С.-Петербургским университетом (1995) профессор А.А. Галактионов так выразил ее непреходящее значение: «...это, теперь уже давнее учение (славянофильство. — Ю.Б.) всегда будет служить идеологической основой воззрений, утверждающих самобытность и защищающих национальные формы быта и сознания славян и русских особенно в ситуациях, угрожающих народу прямым захватом и подчинением, оттеснением или поглощением... Если же нация по каким-либо причинам утрачивает самостоятельное развитие своих начал, то ей придется отказаться от всякого исторического значения и опуститься на степень этнографического материала для чужих целей».

Одна из глав этой книги так и названа «Европейничанье — болезнь русской жизни», другие тоже говорят сами за себя: «Почему Европа враждебна России?», «Европа ли Россия?», «Гниет ли Запад?» и т.д.

Опять же, нынешним западникам покажутся слишком резкими такие суждения, хотя следует учесть, что книга написана в 1868 году, и если вспомнить события давних лет, то тенденция агрессивности Европы против России налицо: походы псов-рыцарей на Новгород, польская интервенция Смутного времени, шведские притязания Карла XII, вторжение Наполеона, Крымская война. С Запада нас всегда ожидало не просто покорение наших пространств и богатств, как это было, например, во времена монгольского нашествия, но более глубокая и опасная экспансия: политическая, культурная, религиозная, то есть полный передел менталитета русского народа, ликвидация его национального самосознания.

Если возьмем новейшую историю, то и по сию пору Европа продолжает свою антироссийскую политику: Антанта,

гитлеровское нападение, натовское приближение со всех сторон к нашим границам. Надеяться на дружбу с Европой не приходится, потому что это — германо-романская цивилизация, к которой мы, славяне, по мнению Н. Данилевского, не имеем отношения.

«Ни истинная скромность, ни истинная гордость не позволяют России считать себя Европой, — пишет он. — Она не заслужила этой чести, и если хочет заслужить другую, не должна изъяслять претензий на ту, которая ей не принадлежит... Дело в том, что Европа не признает нас своими. Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое...» И далее: «Но как дозволить распространяться влиянию чуждого, враждебного, варварского мира, хотя бы оно распространялось на то, что по всем Божеским и человеческим законам принадлежит этому миру? Не допускать до этого — общее дело всего, что только чувствует себя Европой. Тут можно и турка взять в союзники и даже вручить ему знамя цивилизации. Вот единственное удовлетворительное объяснение той двойственной меры и весов, которыми отмеривает и отвешивает Европа, когда дело идет о России (и не только о России, но вообще о славянах)...»

Воистину так, и выводы эти сохраняют свое непреходящее значение. Двойные стандарты европейской политики как были, так и остаются: например, дружное признание независимости Косова в пику Сербии и России и столь же дружное непризнание Южной Осетии и Абхазии, или отрицание очевидности грузинской агрессии и переложение вины с больной головы на здоровую, то есть на Россию. Мало того, что натовцы беспощадно бомбили Сербию, ее до сих пор не принимают в Евросоюз, добиваясь унижительных уступок.

Прозорливо сказано и о Турции, которая давно является членом НАТО, да еще ее тешат приманкой будущего членства в Евросоюзе, хотя вряд ли хотели бы видеть ее в своем доме. Но чего не сделаешь ради давления на Россию. «Разве Европою не выработано окончательной формы человеческой культуры, которую остается только распространить по лицу земли, чтоб осчастливить все племена и народы?» — с иронией спрашивает Данилевский. И мы видим, с каким усердием продолжается это распространение демократии огнем и мечом, что главным ее «сеятелем» стал могущественный союзник Европы — США, тщетно пытающиеся насадить демократию по своему образцу в залитом кровью Ираке и в Афганистане.

Спасение славянства как самостоятельной цивилизации — в создании Всеславянского Союза, считал Данилевский. Он

даже видел конечной целью объединение славян в единое государство, центром которого являлся бы Царьград. Эту идею создания славянской федерации разделяли многие, в том числе единомышленник Данилевского «почвенник» Н.Н. Страхов, известный историк К. Бестужев-Рюмин, считавший «Россию и Европу» «замечательнейшей из всех русских книг последнего времени, а, может быть, даже и не одного последнего». Стремление распространить славянскую федерацию даже на католическую Польшу находим у Ф. Тютчева:

*Тогда лишь в полном торжестве
В славянской мировой громаде
Строй возжеланный водворится,
Как с Русью Польша помирится.
А помирятся эти две —
Не в Петербурге, не в Москве,
А в Киеве и в Цареграде.*

Конечно, нынче мечты о столичном Царьграде выглядят утопично, да и в ту пору они были неосуществимы из-за разобщенности славян. Однако есть настоятельная историческая необходимость создания Союзного государства в составе России, Украины и Белоруссии, братские, однокровные народы которых вышли из одной киевской колыбели и крещены в одной днепровской купели, да, собственно, и не думали, что будут жить порознь: все дело в амбициях политических руководителей, трактующих историю по-своему. А какое мощное, жизнеспособное, неуязвимое было бы государство — гарант безопасности всего славянского мира! Повторяю, нет задачи в сфере политики более важной, чем эта.

К сожалению, при русофобствующем президенте Украины В. Ющенко она невыполнима, ибо тут дело не просто в амбициях, а в предательстве братских славянских интересов, проявившемся, в особенности, во время агрессии Грузии против Южной Осетии. Поставки буквально накануне конфликта ракетных комплексов, которыми сбивали наши самолеты, акт явно враждебный, непростительный и совершённый, разумеется, только по распоряжению Ющенко. По меньшей мере, странно то, что этот господин, откровенно демонстрирующий неприязнь к Москве, хотел бы пользоваться российским газом задарма: как говорится, стыд — под каблук, совесть — под подошву. Русские никогда не будут перекладывать столь тяжкий грех с руководства Украины на украинский народ, дружба с которым вечна по самому факту родства.

Нет сомнения, настанут другие, более благоприятные времена, придут другие лидеры с другими взглядами, с пониманием исторической ответственности перед своим народом, и мечта о единстве России, Украины и Белоруссии сбудется.

Другим условием сохранения независимости славянской цивилизации является ее самостоятельное, опережающее развитие с тем, чтобы не копировать Европу, не плестись в фарватере ее интересов, чтобы «не превратиться в этнографический материал для чужих целей», а самим показывать пример общественного, экономического, культурного развития. Кто станет уважать нас, если в стране всё, от мобильного и компьютера до автомобиля и «Боинга», привозное, не говоря уже о китайском ширпотребе, коим завалены магазины? Задачи должны быть самыми амбициозными, необходимо найти целенаправляющую идею, способствующую духу лидерства, сплачивающую нацию. Конечно, и при этом европейцы не проникнутся к нам дружеством, но считаться с окрепшим славянским миром придется.

Разумеется, духовной опорой такого славянского Союза должно оставаться объединяющее нас тысячу лет православие, ибо самое драгоценное наше богатство — душа народа, которую не сломали самые тяжкие испытания.

РУСЬ И ОРДА

В истории каждого государства встречаются критические моменты, когда страна стоит перед историческим выбором. Именно в такой критической точке находится сейчас Россия. Естественно, что в столь ответственной ситуации люди обращаются к своему историческому прошлому, пытаются осмыслить опыт своих предшественников, учесть их достижения и ошибки. Но тут есть и обратная сторона медали. Специалисты хорошо знают, что самый простой способ разрушить сознание народа — исказить и извратить его историю, ввести в нее, как вирусы в компьютерную программу, разные абсурдные идеи и прочие химеры. Когда в период горбачевской перестройки началась фронтальная атака на все советское, мы и представить себе не могли, что наше историческое прошлое будут перекапывать на такую глубину. Здесь нас интересуют события XIII века и их новейшие интерпретации.

Россия, вероятно, не знает более трагического периода, чем татаро-монгольское иго. В общем контексте нашествие кочевников — достаточно типичное явление. Кочевники (или номады) жили в засушливых степях, совсем не пригодных для земледелия. Перенаселенность степи, разнообразные климатические изменения, необходимость пополнять экстенсивную скотоводческую

экономику результатами труда земледельцев периодически толкали их на массовые переселения. Но в данном случае на русские земли обрушилась глубинная материковая волна невиданной силы и напряжения.

«Русь и татарская Орда» — исключительно емкая и масштабная тема, каждый срез которой требует специального исследования. Известный русский историк Г.В. Вернадский сообщает любопытный факт. Оказывается, начиная с 1826 года, Российская академия наук, по крайней мере, дважды предлагала указанную тему для конкурсной работы. Но немногочисленные сочинения, поступившие на конкурс, не были признаны достойными награды. Однако дискуссии по данной проблеме, то обостряясь, то затихая, продолжались и все последующие годы. Вопрос затемняется искусственным этническим наименованием «татаро-монголы», появившимся в трудах историков спустя столетия после исчезновения Золотой Орды. Суть в том, что созданию империи Чингисхана предшествовала острая борьба родоплеменных объединений, проживавших на территории современной Монголии. Особенно ожесточенно боролись между собой племя собственно монголов, к которому принадлежал сам Чингисхан, и племя та-та (татар). Победу одержали монголы. В «Тайной истории монголов» устами Чингисхана говорится следующее: «Мы сокрушили ненавистных врагов-татар, этих убийц дедов и отцов наших, когда мы в справедливом возмездии за их злодеяния поголовно истребили татарский народ, примеряя детей их к тележной оси». Так что, когда в Европе разнеслась леденящая кровь весть о татарах, их уже практически не осталось на земле.

Внук Чингисхана Батый привел на Русь примерно 40—45 тысяч монголов. Это была его «преторианская гвардия». Основной же этнический массив Золотой Орды составляли тюркские племена половцев (кипчаков), волжских булгар, ногайцев и др. Сами монголы довольно быстро тюркизировались. Достаточно сказать, что уже через сто лет после Батыего делопроизводство в ханской ставке велось на одном из диалектов какого-то тюркского языка. Тем не менее этноним «татары» получил широкое распространение, и после распада Золотой Орды жителей ее отдельных частей стали называть казанскими, астраханскими, сибирскими и крымскими татарами.

Историки разошлись в оценке значения татаро-монгольского нашествия для Руси. Чтобы сопоставить и оценить различные точки зрения, напомним для начала известный всем сюжет. Возглавляемые Батыем татаро-монголы (для краткости их будем именовать в дальнейшем просто татарами) вторг-

лись в пределы русских земель в самом конце 1237 года. Русские героически сопротивлялись. Один из героев «Повести о разорении Рязани» рязанский князь Юрий Ингваревич говорил: «Лучше нам смертью славу добыть, нежели во власти поганых быть». Татары были поражены подвигом рязанца Евпатия Коловрата. Семь недель держал оборону маленький Козельск. Но силы были неравны. В декабре 1237 г. пала Рязань. В январе следующего 1238 г. пришел черед Москвы и Коломны. В феврале степняки взяли 14 городов. Среди наиболее крупных из них Владимир, Ростов, Углич, Ярославль, Кострома, Тверь, Торжок. Великий князь Владимирский Юрий Всеволодович попытался дать незванным пришельцам генеральное сражение на реке Сити, но потерпел сокрушительное поражение и погиб. Все междуречье Оки и Волги было опустошено татарами. Из-за начавшейся весенней распутицы они не дошли всего 100 километров до Новгорода, где в это время находился семнадцатилетний князь Александр (в будущем Невский). Теперь ненавистники князя, обвиняющие его в коллаборационизме, уверяют, что между ним и Батыем существовало соглашение: Новгород был сохранен в обмен на нейтралитет, который новгородцы соблюдали, пока татары громили северо-восточные русские земли. О позиции Александра Невского разговор впереди. Пока же заметим, что формально татаро-монгольское иго установлено в 1243 году, когда брат Юрия Всеволодовича Ярослав Всеволодович получил от Батыя ярлык на Великое княжение. Как написал летописец, «прииде, пожалован Великим Владимирским княжеством» и был признан «старее всем князем в русском языке» (народе). А за ним в столицу Орды Сарай за подтверждением своих властных полномочий потянулись и «младшие» князья. Надо ли говорить, каким унижениям они там подвергались. Некоторые из них (Михаил Черниговский, Михаил Тверской и др.) были татарами казнены.

Регулярная эксплуатация русских земель путем сбора дани началась после проведенной в 1257—1259 гг. татарскими «численниками» переписи. «Новгородская первая летопись» сообщает: «Почаша ездити окаяньнии по улицам, пишучи дома христьянские». В виде дани из Русских земель ежегодно уходило огромное количество серебра. Так называемый «московский выход» составлял 5—7 тысяч рублей серебром, «новгородский выход» — 5 тысяч. Данью были обложены все земли и города.

Таким образом, в XIII веке Русь оказалась перед лицом исторического вызова. Ей предстояло ответить на вопрос: быть ей или не быть. Русские княжества, образовавшиеся после распада Киевской Руси, занимали разное геополити-

ческое положение и находились в различных экономических условиях. Это отражалось на господствующих там умонастроениях. Они отлились в две политические стратегии, которые мы теперь связываем именами Даниила Галицкого и Александра Невского.

Даниил Галицкий исходил из того, что Русь является частью Европы, и только опираясь на помощь европейских государств, она сможет избавиться от татаро-монгольского рабства. Александр Невский считал это полнейшей иллюзией и оказался прав. В чисто стратегическом плане путь, избранный Д. Галицким, оказался гибельным. Никакой помощи от соседей он не дождался. В 1259 году татары полностью покорили Галицко-Волынское княжество, а вскоре оно вообще прекратило свое существование. В конечном итоге Галицкая земля оказалась в составе Польши, а Волынь отошла Литве. Напротив, Александр Невский с самого начала делал упор на собственные силы. А коль скоро их тогда в наличии не было, то он полагал нужным наладить с татарами хоть какие-то отношения, чтобы выжить, сохранить страну и народ. Тогда, планомерно накапливая военные и материальные ресурсы, можно было постепенно освободиться от опеки Орды. Невский исходил из сложившихся реалий. Русские княжества не вошли непосредственно в состав Золотой Орды и сохраняли местную княжескую администрацию. Татарские войска не находились постоянно на территории Руси. Для русской православной церкви было крайне важно, что татары проявляли просто поразительную для европейцев веротерпимость. Этот факт представлялся невероятным в эпоху религиозных войн в Европе, где господствовал принцип: чья власть, того и вера. По словам одного из идеологов евразийства П. Савицкого, татары «не изменили духовного существа России», поскольку они представляли нейтральную культурную среду, принимавшую всяческих богов и терпевшую любые культуры». Но самое главное, удалось избежать гибельной войны на два фронта, Русь получила возможность активизировать свои действия в Прибалтике по отражению шведско-немецкой агрессии. Кроме того, удалось уладить отношения с Норвегией и Литвой. Едва ли не впервые в средневековой Европе русский князь сформулировал идею нерушимости границ между государствами: «Жити, не переступающе в чужую часть». Именно Александр Невский заложил основы последовательной и логически выстроенной евразийской политики, определившей на долгие годы развитие сначала Руси, а потом России. В целом, несмотря на все отступления и зигзаги, стратегическая цель, поставленная князем, была достигнута.

В 1380 году русские войска под командованием Дмитрия Донского на Куликовом поле нанесли татарам первое сокрушительное поражение. А еще через сто лет Иван III публично разорвал ханскую грамоту. Кончилось татаро-монгольское иго, причём кончилось весьма своеобразно. А Тойнби в своей известной книге «Постижение истории» следующем образом охарактеризовал беспрецедентность происшедшего: «Впервые за всю историю цивилизаций оседлому обществу удалось не просто выстоять в борьбе против евразийских кочевников и даже не просто побить их (как когда-то побил Тимур), но и достичь действительной победы, завоевав номадические земли, изменив лицо ландшафта и преобразовав пастбища в крестьянские поля, стойбища — в оседлые деревни». Однако далось это огромным напряжением сил нескольких поколений русского народа.

К сожалению, некоторым людям картина видится совсем в ином свете. Так, французский исследователь А. Муссэ считает, что лишь «монгольское нашествие... принесло в страну понятие государства, которое славяне не имели». Заметим, что гораздо большее число западных коллег Муссэ полагает, что «понятие государства» принесли славянам не монголы, а скандинавские викинги норманны. Но его позиция близка отдельным отечественным историкам и публицистам либерально-демократического направления (И. Яковенко, М. Сокольского, И. Данилевского). Последний, например, считает, что для Руси Золотая Орда была своя и что система правления в монгольских улусах удивительно удачно «легла» на модель деспотической монархии, которая уже несколько десятилетий апробировалась на северо-востоке потомками Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского. Но о какой добровольной ассимиляции Руси с Ордой толкуют эти люди? Все известные факты говорят, что русское национальное самосознание вырастало не на почве тяготения к татарщине, а на почве ее сознательного отторжения как чужеродного тела в русском организме. Это чувство пронизывало все слои тогдашнего русского общества от простой крестьянки, пугавшей свое дитя «злым татаринном», до русского князя, неизменно заканчивающего свои грамоты надеждой на то, что «перемени Бог Орду».

Но и некоторые русские историки XX века порой очень своеобразно интерпретировали позицию Александра Невского. «Александр, — писал Г. В. Вернадский, — выделил в монголах дружественную в культурном отношении силу, которая могла помочь ему сохранить и утвердить русскую самобытность от католического запада. А Л. Н. Гумилев даже настаивает на «союзнических отношениях» между русски-

ми и татарами. Однако никакой идиллии в отношениях Руси и Орды, естественно, не наблюдалось. Если и был союз, то вынужденный, что-то сродни Варшавскому Договору, в который помимо СССР входили все восточноевропейские страны и из которого они при первой же возможности вышли, перейдя в НАТО. Кроме того, нельзя забывать об оборотной стороне дела. Татары постоянно втягивали русских в свои военные экспедиции, налагали на них «повинность кровью». Русским князьям приходилось проявлять большое дипломатическое искусство и изворотливость, чтобы уклоняться от подобных мероприятий. Житийская повесть утверждает, что Александр Невский перед смертью ездил в Орду, чтобы «отмолить людей от беды тоя». В Сарае его задержали «и зимова в татарех и разболеся» (Новгородская первая летопись).

Еще раз повторим: исторический выбор Александра Невского был абсолютно верен, но, как это часто бывает, выбирать ему пришлось не между хорошим и плохим, а между плохим и очень плохим. Для идеализации Золотой Орды нет никаких причин. Нашествие монголов сопровождалось опустошением огромных территорий и массовым уничтожением населения. Как уже отмечалось, их войска не были расквартированы на территории Руси, но татаро-монгольское иго поддерживалось регулярными карательными походами. Подсчитано, что за время власти степняков Русские Земли пережили 48 крупных экспедиций, не считая мелких. Наиболее памятные из них Неврюева и Дюденева рати. Их целью было усмирение непокорных княжеств, ну и, разумеется, грабеж и захват пленных. Рабы стали ходким и прибыльным товаром. Русский фольклор сохранил много свидетельств насилия ордынцев над народом: «У кого денег нет — у того дитя возьмут, у кого дитя нет — у того жену возьмут, у кого жены нет — того самого головой возьмут». Русский народ неоднократно отвечал на это массовыми восстаниями. Наиболее крупные из них были в Новгороде, в Ярославле, Владимире, Суздале и Ростове. Самым мощным было восстание в 1327 году в Твери. Ее жители истребили в уличных битвах большой татарский отряд. Татары жестоко подавляли народные выступления, которые дали практически значимые результаты. Уже в начале XIV в. ханы удалили из Руси своих сборщиков дани (баскаков) и поручили это дело самим русским князьям. Однако «ордынские тяготы» продолжали истощать экономику страны, мешали развитию товарно-денежных отношений, тормозили рост производительных сил, надолго законсервировали натуральный характер хозяйства. Более чем на столетие на Руси прекратилось каменное строительство, исчезли многие сложные ремесла.

В политическом отношении татаро-монгольское иго закрепило состояние феодальной раздробленности русских земель. Трудно согласиться с позицией президента Татарстана Минтимира Шаймиева, когда он пишет, что «благодаря Золотой Орде русские княжества, занимавшиеся междоусобной борьбой, объединились вокруг Москвы. Не будь хана с его жестокими законами, системой коммуникаций и поголовным учетом населения, — не было бы и великой России. Русские еще долго продолжали бы выяснять отношения друг с другом и тем самым отдали бы историческую инициативу своим соседям». Думается, что гораздо ближе к истине К.Маркс, отметивший, что «натравливать князей друг на друга, поддерживать несогласие между ними, уравнивать их силы, никому не давать усиливаться — все это было традиционной политикой татар».

Значительно ухудшилось международное положение Руси. Она оказалась отрезанной от Черного и Балтийского морей, были разорваны торговые и культурные связи с другими странами. «Долго, — писал в 1834 г. А.С.Пушкин, — Россия была совершенно отделена от судеб Европы. Ее широкие равнины поглотили бесчисленные толпы монголов, остановили их разрушительное нашествие. Варвары не осмелились оставить у себя в тылу Русь и возвратились в степи своего Востока. Христианское просвещение было спасено истерзанной, издыхающей Россией, а не Польшей, как еще совсем недавно утверждали европейские журналы».

Конечно, народы в любых ситуациях общаются между собой и многому друг у друга учатся. Русь частично использовала у себя структуру военной организации Золотой Орды, элементы ее фискальной системы и почтовой службы. Но в целом татаро-монгольское иго имело глубоко регрессивные последствия. Оно надолго задержало политическое, экономическое и культурное развитие Руси. Жизнь русского народа чрезвычайно ожесточилась. Об этом свидетельствуют многие слова татарского происхождения, характеризующие подавление и насилие (нагайка, кандалы, кабала и другие). Смертная казнь, которой не знала Киевская Русь, также пришла вместе с татарами. Даже не замеченный в особых симпатиях к русским К.Маркс сказал, что «кровавое болото татарского рабства не только давило, но и оскорбляло и иссушало саму душу народа, ставшего его жертвой».

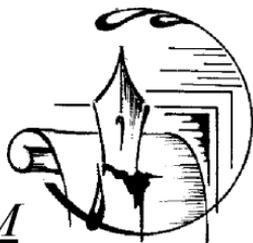
ЯРМАРКА

— Пикантная штучка! — Валерий Борисыч залюбовался экспонатом. Не сразу догадаешься, что стилизованная под фарфоровую статуэтку изящная дамская фигурка почти в человеческий рост, в грациозной позе — лампа, а юбка — кринолин — абажур! Когда «даму» включали, из-под юбки струился матовый свет.

Но гвоздем ежегодной Ярмарки миллионеров был четырехместный вертолет «Робинсон-44» за 550 тысяч долларов. Кстати, можно опробовать машину в работе — часовая прогулка над Подмосковьем за 20 тыс. рэ. Всего-то!

— Да, нашего полку прибыло! — Довольный В.Б. смотрел на оживленное движение VIP-гостей.

Тут включился внутренний «мониторинг» — информация и автоматическое слежение и анализ в уме ситуации в бизнесе и вокруг него (такова спортивная форма бизнесмена!): состояние миллиардеров первой десятки рейтинга выросло с 95 до 145 млрд. долларов, и их общий доход составил 291 млрд., а весь бюджет страны — 180!.. Мы богаче государства! И это всем на благо, особенно для такой страны, как Россия. Это опора либеральной рыночной экономики. И вообще, миллионе-

ИРОНИЧЕСКИМ ПЕРОМ

ры — это формула успеха, три К: капитализация, концентрация, консолидация! Что хорошо для нас, олигархов, то благо для России. Особенно эффективна концентрация денег в одних руках!

И какой пример для подражания! Победа в капсоревновании, то бишь, в конкуренции, доходы, престиж и т.п. — это тебе не переходящее красное знамя или почетная грамота!

Естественно, нам тесно в России, наши основные интересы — деньги, собственность, инвестиции — за рубежом. В Лондоне обосновались около 250 тысяч наших соотечественников и обзавелись элитным жильем. А пионерам русского вторжения на берега Альбиона были двадцать с лишним тысяч наших офшорных дистрибьюторов, прихвативших с собой 60 млрд. долларов. Лондонские риэлторы в восторге, а рядовые лондонцы и СМИ негодуют: русские нувориши вздули цены на недвижимость, переплюнули арабских шейхов!

Но почему обязательно Лондон? И в Москве мы неплохо устроились. В центральных и в элитных окраинных районах столицы — наши островки, огражденные территории, кварталы с домами экстра-класса — «Люкс», «Премиум». Здесь — наши заповедники, земля, воздух, наше государство!

А теперь планируется построить Золотой остров — между западной стрелкой Болотного острова и Большим Москворецким мостом. Заповедник миллионеров с видом на Кремль. Как это символично! Общность интересов бизнеса и власти, олицетворение великой идеи мощного державного российского капитализма, капитализма олигархов и крупных собственников.

— Между прочим, — вспомнил В.Б. поездку во Францию, — что-то подобное есть и в Париже, в самом центре, стрелка острова Ситэ, но там никаких ограждений, гуляй кто хочет, любой бомж. И здесь мы их сделали!

Тут В.Б. испытал легкое, но приятное головокружение:

— Мы многого добились, нам есть чем гордиться: у нас самая прогрессивная система налогообложения. Именно потому, что она не прогрессивная, как всюду на Западе, а — плоская! Только в России подлинное равенство, истинная демократия, все платят одинаково, независимо от доходов, не 20—40, а то и 70%, а 13%!

Другой отрядный факт: среди депутатов Госдумы и Совета Федерации немало миллиардеров — 40! И здесь впереди нас только США. Какое мощное лобби!

И это логично: народ выбирает достойных, знающих, как зарабатывать деньги и ими распоряжаться. Но это искусс-

во постигается только на личном опыте, и чем больше денег, тем эффективнее этот опыт.

Заканчивая свой обзор, В.Б. мог бы испытать знаменитое когда-то, но забытое чувство глубокого удовлетворения... Но В.Б. был трезв и честен в своих мыслях и оценках:

— Что? — честно спросил он себя, словно оправдывался, хотя никакой его вины здесь не было, — имущественное расслоение общества? Да, ситуация вопиющая! Что у нас творится в бизнес-сообществе?! Дикие перекосы! Вон, Рыболов-лев Дмитрий купил особняк за 100 млн. долларов, и где? — во Флориде, в фешенебельной курортной зоне Палм-Бич!

А у меня? Скромная вилла в швейцарском городке, в предгорьях Альп, всего за 4 млн. долларов... Это какой перепад? В 25 раз! Это вам не в 3—5 раз, даже не 7, как на Западе. Но мы же не возмущаемся, не кричим о социальной справедливости!

Другой пример: почему я должен разъезжать в роскошном Audi quattro за 3 млн. 790 тыс. руб., а мой сосед (дружим домами, вернее, коттеджами), в дешевеньком Chery Tiggo всего за 544 тыс. руб.? Тоже запредельный разрыв... А ведь машина — лицо, имидж делового человека, портки спусти, а рули престижной иномаркой.

Но мы же не выплескиваем свои эмоции, не протестуем, у нас нет зависти, нет претензий друг к другу!

На этой мирной ноте Валерий Борисыч закрыл тему, словно прихлопнул муху, которая так назойливо и нудно жужжала ему в уши...

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
ЗА 2009 ГОД

ПРОЗА

- АЛЕКСЕЕВ Эдуард. **Пасека**. Рассказ — 9.
БАРКОВ Александр. **Следы на песке**. Рассказ — 5–6.
БЕДЯЕВ Александр. «**Деды**» и «**шнексы**». Повесть — 7–8.
БОЙКО Нина. **Два рассказа** — 9.
ГРУНТОВСКИЙ Александр. **Журавли. Екатерина**. Рассказы — 9.
ДАГУРОВ Владимир. **Не в бревнах, а в ребрах...** Повесть — 11–12.
ЖАРОВА Лидия. **Приходи завтра**. Рассказ — 9.
КОНОПЛИН Александр. **Клара**. Рассказ — 7–8.
КОЧЕРГИН Геннадий. **Плюс газификация всей страны**. Повесть — 1–2.
КУВЫЧКА Дмитрий. **Коршун**. Рассказ — 1–2.
ЛИНЕВА Алла. **Розы от свекрови**. Рассказ — 11–12.
МАНУЙЛОВ Виктор. **Выжить и победить**. Рассказ — 5–6.
МАХОНИН Валентин. **Пасынки времени**. Роман — 3, 4.
ПАРОШИН Виктор. **Проталины**. Рассказ — 4.
ПАХОМОВ Юрий. **Голландский пейзаж с ветряной мельницей**. Рассказ — 11–12.
ПРОНСКИЙ Владимир. **Два рассказа** — 11–12.
ПРОНСКИЙ Владимир. **Свобода прежде всего**. Повесть — 3.
САХАРОВ Глеб. **Два рассказа** — 1–2.
СЕРГЕЕВ Леонид. **Рассказы** — 11–12.
ЧЕРЕПЕННИКОВА Нина. **Три рассказа** — 9.
ШУМСКИЙ Сергей. **Короткие рассказы** — 1–2.
ШУМСКИЙ Сергей. **Миниатюры** — 4.
ЩЕРБАКОВ Юрий. **Рос по имени Ахилл**. Повесть — 10.

ПОЭЗИЯ

- АГАЛЬЦОВ Сергей. **Лунная река**. Стихи — 1–2.
АГАЛЬЦОВ Сергей. **Родные думы**. Стихи — 7–8.
АГАФОНОВА Мария. **Первые яблоки**. Стихи — 11–12.
БАКУШИН Николай. **Первозимье**. Стихи — 11–12.
БАШКИРОВА Татьяна. **Зажигая снега**. Стихи — 3.
ДВОРЕЦКИЙ Сергей. **В свете нерушимого креста**. Стихи — 9.
ДЕМЧЕНКО Олег. **Любить и верить**. Стихи — 11–12.
КИРЮШИН Виктор. **Капли на ветле**. Стихи — 5–6.
КОВАЛЕВ Анатолий. **На вокзале юности**. Стихи — 4.
КОСЯКОВ Павел. **Лучи**. Стихи — 7–8.
КУВАКИН Александр. **Золотая нива**. Стихи — 9.
ЛИНЕВА Алла. **Жажда света**. Стихи — 1–2.
МАКАРОВА Мария. **Лесной полустанок**. Стихи — 10.
МЕНЬШИКОВА Эмма. **Птицей белой взлетая**. Стихи — 11–12.
НИКИТУШКИН Александр. **Ожидание**. Стихи — 1–2.
НИКИТУШКИН Александр. **Рябиновые бусы**. Стихи — 10.
НЫРКОВ Николай. **Души коснется Русь**. Стихи — 5–6.
ПЕРМИНОВ Юрий. **На родных сквоззяках**. Стихи — 9.
РЕБРОВ Андрей. **Пчелиные веси**. Стихи — 9.
РЫЖИКОВ Иван. **К родным истокам**. Стихи — 4.
СЕМИЧЕВ Евгений. **Провинциальное время**. Стихи — 5–6.
СЕРКОВ Виталий. **За желтыми цветами**. Стихи — 4.
СМИРНОВ Виктор. **Зимняя гроза**. Стихи — 3.

СОРОЧКИН Владимир. **Пылающий камень**. Баллада — 9.
Стихи лауреатов Всероссийского поэтического конкурса имени С. Есенина — 10.
Стихи поэтов России — 1–2, 5–6, 7–8.
Стихи поэтов русского зарубежья — 4.
ТОПОРОВ Владимир. **Дождь прошел**. Стихи — 7–8.
ТУРОВСКАЯ Людмила. **Признание славянки**. Стихи — 3.
ХАТЮШИН Валерий. **Звездный свет...** Стихи — 4.
ЦЕЛИЩЕВА Галина. **Цветы Азии**. Стихи — 3.
ШЕМШУЧЕНКО Владимир. **Рисует зима**. Стихи — 10.
ШЕНДАКОВ Андрей. **Свет окраины**. Стихи — 3.
ШЕСТИНСКИЙ Олег. **Эти снежно-метельные дни**. Стихи — 11–12.
ШОРОХОВ Алексей. **Осеннее счастье**. Стихи — 10.
ЩАЦКОВ Андрей. **Я шаги твои слышу**. Стихи — 10.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

АВЕРЬЯНОВ Виталий, МУЛЬТАТУЛИ Петр. **Другой царь и другой Сталин** — 4.
АНТОНОВ Михаил. **Россия XXI века: путь к мировому лидерству** — 1–2, 3, 4.
БОЛДЫРЕВ Юрий. **Плавная деградация** — 9.
БОРОДИН Евгений. **Пять «чудес еврейской истории»** — 11–12.
БОРОДКИН Юрий. **Болезнь подражания Западу** — 11–12.
БОЯРИНЦЕВ Владимир, ФИОНОВА Людмила. **Трагедия Москвы** — 4.
ВОСКАНЯН Марина. **Повторят ли США судьбу СССР** — 9.
ГУНДАРОВ Игорь. **Преодоление демокатастрофы в России** — 10.
ЗАТУЛИН Константин. **Передача Крыма Украине несправедлива и незаконна** — 10.
ЗНАМЕНСКИЙ Георгий. **Возлюби гастарбайтера...** — 11–12.
ИГНАТОВ Игорь. **Заявка на диктатуру** — 4.
КАЛАШНИКОВ Максим. **Коллапс путиномики и крах режима** — 4.
КАРА-МУРЗА Сергей. **Давайте перестанем врать друг другу** — 10.
КВИЦИНСКИЙ Юлий. **Если не успеем, нас сомнут** — 11–12.
КОВАЛЬЧУК Юзеф. **Диверсия и вредительство под видом рыночных реформ** — 5–6.
КОНЯЕВ Николай. **Дорога на Север** — 5–6.
ЛЕБЕДЕВ Сергей. **Что такое Хамас?** — 7–8.
ЛЕМЕСШЕВ Михаил. **Будет ли жить Москва?** — 1–2.
ЛЕМЕСШЕВ Михаил. **Кразработке стратегии бескризисного развития России** — 11–12.
ЛЕМЕСШЕВ Михаил. **Неотложные задачи сохранения русской цивилизации** — 10.
ЛЫСОВ В.П. **Измена** — 10.
МАЛЕР Аркадий. **Поворот истории** — 1–2.
МОШКОВ Ярослав. **Нефтяной вопрос России** — 11–12.
НАГОРНЫЙ Александр, КОНЬКОВ Николай. **Анатомия кризиса** — 5–6.
ОШЕРОВА Ольга. **Американские уроки** — 3.
ПАНАРИН Александр. **Новый расизм — идеология XXI века** — 3.
ПЕТРОВ Сергей. **Уроки победы** — 1–2.
ПЛАТОНОВ Олег. **Русское сопротивление грядущему антихристу** — 1–2, 3, 4, 5–6.
ПОЗДНЯКОВ Валерий. **Афганистан и Россия** — 10.
ПОТАПОВ Александр. **Начало** — 11–12.
РОДИН Сергей. **Украинский волапук: цель и методы создания** — 10.
САМАРИН Анатолий. **В тупике либерального фашизма** — 3.
СЕМЕНОВА Елена. **Об ущемлении прав русских** — 7–8.
ТАБАЧНИК Дмитрий. **У роковой черты: Украина после Цхинвала** — 3.
ФИОНОВА Людмила. **Глобальный экологический кризис** — 11–12.
ХАСЬКОВИЧ Илья. **Конец «новой экономики»** — 3.
ХОДАНОВ Михаил. **Зависть как генератор глобализации** — 10.
ХОЛОДОВ Сергей. **Героин — союзник демократии** — 10.

ЧАРУШНИКОВ Валерий. **Москва – III Рим. Взгляд из современности** – 3.
ШАМИР Израэль. **Облом в Газе** – 7–8.
ШИМАНОВ Геннадий. **О советском социализме** – 3.
ШИПКОВ Александр. **Нравственный кризис информационного пространства России** – 7–8.

ДОСЬЕ «МГ»

АНТОНОВ Андрей. **«Правозащитники»...** – 11–12.
КАЛАНДАРОВ Марат. **Виза в пучину** – 1–2, 3, 4, 5–6, 7–8, 9, 10, 11–12.
ШЕВЧЕНКО Валерий. **Забытые жертвы октября 1993 года** – 10.

ОСОБЕННЫЙ ПУТЬ РОССИИ

БАТЧИКОВ Сергей. **Исихазм советского человека** – 9.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

ГОДЕНКО Михаил. **Просветление** – 10.
ДЕСЯТНИКОВ Владимир. **Дневник русского** – 1–2, 3, 10.
ЛЮБОМУДРОВ Марк. **Горячие восьмидесятые** – 7–8.
РАКОВ Александр. **Знаки припоминания** – 4, 5–6.
ТЕРТЫЧНЫЙ Иван. **Миниатюры** – 9.
ЧЕРКЕСОВ Валерий. **Провинциальные сюжеты** – 4.

ПИСАТЕЛЬСКОЕ БРАТСТВО

АНИЩЕНКО Михаил. **Студеные росы. Стихи** – 9.
АСТРАХАНЦЕВ Александр. **Сон о жизни. Рассказ** – 11–12.
АХАДОВ Эльдар. **Стремительный свет. Стихи** – 11–12.
ДЕВЯТОВА Елена. **Стихи** – 5–6.
КАНАТЬЕВА Анна. **Стихи** – 5–6.
САФРОНОВ Леонид. **Из-под ног уходила дорога. Стихи** – 9.
ТИДЕМАН Евгений. **Стихи** – 5–6.
ТОРОПЦЕВ Александр. **Муж главбуха. Рассказ** – 9.
ЩЕЛОКОВ Дмитрий. **Рассказы** – 5–6.
ЩЕРБАКОВ Александр. **Поют сани по Руси** – 11–12.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

ПОЗДНИН Евгений. **Загадки скифов** – 5–6.
РОДИН Сергей. **Иуда и Мазепа как символы самосознания «украинцев»** – 4, 5–6.
ЧАРУШНИКОВ Валерий. **Русь и Орда** – 11–12.
ШАМБАРОВ Валерий. **О чем поведали святые Петр и Феврония** – 5–6.
ШАМБАРОВ Валерий. **Три находки из истории Ивана Грозного** – 7–8.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

ШИМАНОВ Геннадий. **Почему наша вера самая правильная** – 1–2.
ШИМАНОВ Геннадий. **Апология национальной общины** – 7–8.

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

БОНДАРЕВ Юрий, ЮДИН Владимир. **Америка останется неоплаканной** – 7–8.
БОНДАРЕВ Юрий, ЮДИН Владимир. **Бесконечное терпение – смертный грех** – 10.

Глобальное кидалово – 9.
ПОЛЕТАЕВ Анатолий. **Исцеляющая музыка** – 9.
Считаю себя русским офицером – 11–12.
ХАТЮШИН Валерий, ЮДИН Владимир. **Свет Истины в борьбе за Россию** – 1–2.
ШАМБАРОВ Валерий. **Покушение на Ленина** – авторы известны – 1–2.
ШАМБАРОВ Валерий. **Мировой кризис – спланированное начало глобальных процессов** – 4.

СИМВОЛВЕРЫ

ИОСИФ, монах. **Нельзя молчать** – 9.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

БОНДАРЕВ Юрий. **Мгновения** – 7–8.
ШОЛОХОВ Михаил. **Червоточина**. Рассказ – 1–2.
ШУКШИН Василий. **Алеша бесконвойный**. Рассказ – 10.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА И ИСКУССТВО

ЗАМОСТЬЯНОВ Арсений. **Поэт с душой героя** – 7–8.
ЮДИН Владимир. **Писатель-пророк** – 1–2.
ЮДИН Владимир. **Петр Краснов – генерал и писатель** – 3.

КРУГ ЧТЕНИЯ

ЮДИН Владимир. **Он унес в сердце Россию** – 9.

ИРОНИЧЕСКИМ ПЕРОМ

САХАРОВ Глеб. **Ярмарка** – 11–12.

ТАЙНОЕ И ПОТУСТОРОННЕЕ

ВОРОБЬЕВСКИЙ Юрий. **Террорист номер ноль** – 1–2.

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

ГОЛОВКИНА Тамара. **Поругание высшего порядка** – 1–2.
ГОЛОВКИНА Тамара. **Безумие расплзается** – 3.
ЗАГАТИН Сергей. **Кому на Руси жить?** – 4.
НЕМЧАНИНОВ Ярослав. **Что для меня СССР?** – 9.
ЯКОВЕНКО Л. **Нужна справедливость** – 5–6.